

A black and white close-up portrait of a woman with dark hair pulled back, looking directly at the camera with a neutral expression. The lighting is soft, highlighting her facial features.

РОММ

хрупкая красота

САРА БРИАН

Сара Бриан

Роми. Хрупкая красота

Издательство «Синдбад»

2019

Бриан С.

Роми. Хрупкая красота / С. Бриан — Издательство «Синдбад»,
2019

ISBN 978-5-00131-301-4

Роми Шнайдер. Икона французского кино, актриса феноменальной фотогеничности. Какой она была на самом деле? Была ли она счастлива? Или, напротив, несчастна – особенно после потери сына, погибшего в возрасте четырнадцати лет? Журналистка и писательница Сара Бриан проследила жизненный путь Роми – от детства в Берхтесгадене, Германия, до последних дней в парижской квартире. Она создала правдивый портрет кинозвезды, основываясь на свидетельствах людей, близко знавших Роми, – ее друзей, работавших с ней режиссеров, актеров и сценаристов. В их числе Даниэль Бьязини, муж Роми и отец ее дочери Сары, и Ален Делон, впервые столь подробно рассказавший о непростых отношениях с женщиной, которую он страстно любил.

ISBN 978-5-00131-301-4

© Бриан С., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Пролог	7
Благодарности	71

Сара Бриан

Роми. Хрупкая красота

ROMY, UNE LONGUE NUIT DE SILENCE

by Sarah Briand

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2019

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021.

САРА БРИАН

РОМИ
хрупкая красота

Перевод с французского Нины Кулиш

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва 2021

Счастье – это когда несчастье дает себе передышку.
Лео Ферре

Пролог

18 сентября 2018 года

Париж, бульвар Осман, дом 14

«Пусть все те, кто знал ее...»

Пока машина неторопливо движется по бульвару Осман, он снова и снова повторяет эти слова, словно актер перед выходом на сцену. А затем, опустив голову, пересекает тротуар и, не узнанный прохожими, открывает дверь в редакцию «Фигаро».

Здесь ему не надо представляться: едва он появляется на пороге, дежурная сразу набирает номер и сообщает о его прибытии. Паскаль Бурде спешит встретить этого посетителя, который настоял на том, чтобы она приняла его лично. Они обмениваются сдержанными приветствиями, потом проходят по коридору к двери с надписью «Отдел хроники».

Входя медленным шагом, он замечает устремленные на него взгляды. Лица Флоранс, Валери и Сирбель почти не видны за мониторами, но девушки явно возбуждены. В их пресную, монотонную жизнь ворвался человек-легенда. Он здоровается с ними, а затем проходит в глубину комнаты, за стеклянную перегородку, где находится кабинет заведующей отделом, и молча садится в кресло.

Его взгляд останавливается на черно-белой фотографии Жана д'Ормессона, бывшего главного редактора «Фигаро», который так любил литературу и поэзию. Напротив него висит афиша выставки картин Сезанна. Мягким голосом Паскаль Бурде предлагает посетителю начать разговор.

Эта блондинка с изысканными манерами привыкла видеть у себя в кабинете людей, желающих сообщить через газету о чьей-либо кончине или воздать дань заслугам умершего. Паскаль умеет находить слова утешения, а главное, умеет слушать. Она любит свою профессию: помогать работе памяти, выбирая скупые фразы, которые потом сохранятся навсегда, отиснутые на бумаге.

Паскаль Бурде прежде всего поражает элегантность мужчины, сидящего напротив нее. Элегантностью пронизан весь его облик, хоть он и без галстука, и даже его жест, когда он достает из конверта листок бумаги. Она разглядывает его руки. Голосом, который звучал в диалогах со столькими знаменитыми актрисами, он читает текст, написанный от руки на серой бумаге.

Пусть все те, кто любил ее и любит до сих пор, подумают о ней сегодня.

Фраза, которую произносит сейчас Ален Делон, формально адресована читателям газеты; по сути же это признание в любви, обращенное к Роми. Он настаивает на том, чтобы объявление в рамке начиналось так: «Розмари Альбах-Ретти, известная как Роми Шнайдер». Речь идет не об актрисе, а о женщине, которую он любит еще и сейчас. Он желает, чтобы эти слова появились в «Фигаро» в ближайшую субботу, за несколько часов до ее восьмидесятилетия.

Паскаль Бурде нашла в своем архиве объявление, которое он опубликовал десять лет назад, в день, когда Роми исполнилось бы семьдесят. В тот раз он продиктовал текст по телефону. А сегодня явился собственной персоной. Они сравнивают два объявления и заменяют в новом несколько слов. Голубые глаза Делона застилают слезы, но он не дает им пролиться.

Наступает момент, когда надо оплатить публикацию объявления. Ален Делон достает чековую книжку и заполняет чек, пользуясь ручкой с зеленой пастой: чернилами этого цвета всегда писала его мать. Паскаль Бурде провожает его до холла. На прощание он целует ее, затем

уходит. Можно подумать, что это никому не известный, обычный человек приходил почтить память женщины, которую когда-то любил.

На следующий день после публикации объявления он снова позвонит Паскаль, просто чтобы поблагодарить ее. Поблагодарить за то, что она продлевает жизнь Роми все это время, в течение тридцати с лишним лет с того дня, как любимица публики закрыла глаза навсегда.

29 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Она свободна и безмятежна.

Пульс у нее сделался реже, сердце перестало биться. Ее сердце, которое умело страстно любить и которое порой так больно ранили, только что остановилось. Его последний удар – как стук, который в театре оповещает зрителей о начале заключительного акта пьесы.

Теперь она одна на сцене.

В тишине парижской весенней ночи Роми отвесила свой прощальный поклон.

Она упала бесшумно, как осенний лист, который с легким шелестом ложится на парижский асфальт, – в момент, когда писала, сидя за маленьким секретером у себя в спальне, – и опустилась на стоящий рядом диван.

Ее спутник жизни Лоран Петен, решив, что она спит, осторожно перенес ее на кровать, словно принц из сказки Перро.

Затем прилег сам и заснул. Он проспал до утра рядом с ее телом. Эта комната, которая до сих пор была приютом их любви, превратилась в обитель смерти.

И началась долгая ночь безмолвия.

Все в этой комнате застыло в неподвижности. Здесь много ее вещей: на креслах небрежно разбросаны несколько ярких косынок и длинных туник в «богемном» стиле, из которых состоял ее домашний гардероб. Именно в таких нарядах, запросто, не прихорашиваясь, Роми принимала гостей. Многие из них не могли скрыть удивления, когда она открывала им дверь, а кое-кто просто не узнавал ее – слишком уж непохожа была эта женщина на кинозвезду, которой они любовались на экране.

Стены увешаны фотографиями ее сына Давида. Вот он в пять, в десять, в четырнадцать лет. Обаятельная улыбка. Светящееся радостью и добротой лицо подростка, чья жизнь оборвалась так нелепо и трагически. Он был ее сыном от немецкого драматурга Гарри Майена, человека, которого она пыталась, но так и не смогла спасти от прогрессирующей депрессии. В несколько месяцев она потеряла своего бывшего мужа и их единственного ребенка. Один покончил с собой, другой погиб в результате нелепого несчастного случая.

На секретере – бокал вина. И короткая записка, которую она начала писать одной журналистке: отказ от интервью, запланированного на этот вечер, несколькими часами спустя.

Кое-кто скажет, что эта записка – доказательство того, что Роми покончила с собой. А иначе зачем бы ей отменять интервью? И потом, разве в этот вечер рядом с ней не были обнаружены лекарства и бокал вина?

Значит, Роми решила поставить точку в деле продвижения своего последнего фильма и одновременно – в своей жизни?

Если так, то «Прохожая из Сан-Суси» должна была стать последним этапом творческого пути актрисы, решившей уйти из кино. Меньше чем через год после гибели сына – удара, от которого она так и не смогла оправиться.

Все это время Роми преследовали папарацци, и она больше не хотела показывать им лицо, слишком явно выдававшее ее душевную рану. Она решила скрыться от этих нескромных взглядов, для которых становилась то предметом восхищения и восхваления, то объектом зависти и травли, и, как раненый зверь забивается в свою нору, спряталась в фешенебельной квартире на уединенной улочке Барбе-де-Жуи в VII округе, принадлежавшей ее другу, продюсеру Тараку Бен Аммару. Роми не могла больше находиться там, где все напоминало ей о сыне, и попросила Бен Аммара поменяться с ней квартирами: она приняла это решение внезапно, среди ночи, несколько месяцев назад.

А сегодня вечером, сидя перед секретером, незадолго до того, как потерять сознание, она не только возвращалась в прошлое, глядя в глаза сына на фотографии – одной из тех, что сплошь покрывали стену комнаты, словно надгробие. Нет, Роми говорила о настоящем и планировала будущее.

У нее только что состоялся телефонный разговор с Жераром Шамом, фотографом, с которым она познакомилась на съемках «Прохожей из Сан-Суси».

Он предложил ей устроить фотосессию, в которой она предстала бы раскованной и спокойной, вместе со своим спутником жизни Лораном Петеном и дочерью Сарой. Эти фото дали бы ей возможность продемонстрировать, как она счастлива в новой семье, в обстановке, которая ей по душе. По его мнению, самым подходящим местом для съемок стало бы ее собственное жилье. Роми выбрала для этой цели новый дом, недавно купленный ею в окрестностях Парижа, в Буасси-санз-Авуар, где она мечтала в будущем проводить как можно больше времени, – тихий уголок, который она до сих пор скрывала от чужих глаз.

Только что у нее был долгий разговор с фотографом. Они обсуждали детали сессии, которая должна была состояться завтра, – насколько подробно она хотела бы показать дом, как она могла бы одеться. Она спрашивала его совета, перечисляла возможные варианты платьев и туфель. С обувью у Роми всегда были проблемы. У нее часто болели ноги, поэтому от обуви она требовала прежде всего удобства: зимой ходила в ботинках на низком каблуке, летом – в босоножках. И никогда не надевала лодочки на высоком каблуке, потому что их узкие носы сдавливали ей пальцы. Роми сказала фотографу и о том, как решила одеть четырехлетнюю Сару: она уверяла, что, если малышка будет позировать рядом с ней, фотографии получатся «просто потрясающие».

По утверждению некоторых, разговор с Жераром Шамом – убедительное доказательство того, что Роми вовсе не собиралась умирать. В самом деле, зачем бы ей подтверждать намеченную на завтра фотосессию, если она планировала через несколько часов свести счеты с жизнью?

После беседы с Жераром Шамом Роми и ее друг Лоран поехали ужинать к сестре Лорана. Когда они вернулись, Роми шепнула Лорану, что хотела бы еще немного «побыть с Давидом». С ее сыном.

Фотосессия должна была состояться в ближайшую субботу, 29 мая. Фотограф уже собрался ехать в Буасси-санз-Авуар и нес в машину аппаратуру, когда зазвонил телефон. Директор информационного агентства «Сигма» спросил, слушал ли он сегодня радио.

– Роми умерла этой ночью.

На другом конце провода – молчание.

Потрясенный Жерар Шам бесшумно поставил на пол аппаратуру, которую держал в руках.

Но если Роми не покончила с собой, что же тогда произошло в этой комнате, где она уединилась, чтобы сесть за секретер и написать записку?

Быть может, ее сердце просто остановилось, измученное неутешным горем, надорванное столькими испытаниями?

Словно при ускоренной киносъемке, комната приходит в движение. Лоран Петен почти в невменяемом состоянии звонит близким, чтобы сообщить о кончине Роми.

Маленькую Сару сразу же увела ее няня Бернадетта – к родственникам Лорана, которые живут в нескольких сотнях метров от улицы Барбе-де-Жуи. Там она будет надежно защищена от тревог и угроз внешнего мира.

А затем малышка отправится жить к отцу, деду и бабушке в Сен-Жермен-ан-Лэ. Когда-то Роми надеялась, что все они станут одной семьей. Даниэль Бьязини, служивший у нее личным секретарем, затем ставший любовником, а потом и мужем, был ее большой любовью; с ним она прожила десять счастливых лет, проводя часть времени в Париже, а часть – в Раматюэле. В ту безмятежную, безоблачную пору своей жизни она стала музой режиссера Клода Соте: именно в его фильмах она сыграла Элен, Лили и Розали – женщин, на которых мечтали быть похожими все француженки.

В комнате появился еще один человек. Словно полицейский инспектор, в начале детективного фильма прибывающий на место преступления, он незаметно пробирается сквозь группу жандармов, которые уже начали снимать отпечатки пальцев. Это Лоран Давена – исполняющий обязанности главного прокурора города, начальник криминального отдела парижской прокуратуры. Его срочно вызвали, когда был установлен факт смерти Роми. Он прекрасно понимает, в чьем доме находится (получил сообщение за несколько минут до приезда), но не должен принимать это обстоятельство во внимание при выполнении своей миссии – ему надлежит выяснить, нет ли на теле покойной каких-либо повреждений, которые позволили бы предположить, что смерть произошла не по естественным причинам. Прокурора сопровождал судебный медик, доктор Депонж.

Обводя взглядом комнату, Давена фиксирует свидетельства произошедшей трагедии. Недопитый бокал вина, полупустые блистерные упаковки из-под лекарств, белый пеньюар, небрежно брошенный на вольтеровское кресло, лист бумаги, на котором нацарапано несколько строк, а последняя обрывается, оставляя на странице длинный след, похожий на ускользающую жизнь.

Но прежде всего его внимание привлекает убитый горем человек, тот, что глубокой ночью, думая, что любимая женщина дремлет, лег рядом, не подозревая о том, что простыни, на которых она лежит, через несколько часов послужат ей саваном.

Прокурор и судебный медик не спеша подходят к ней – кинозвезде первой величины, расprostертой на постели в ночной рубашке. Им двоим предстоит постановить, каким станет продолжение этой истории, очень напоминающей греческую трагедию.

И Лоран Давена совершенно осознанно принимает решение, которое позволит уже сложившейся легенде существовать и впредь. Он не будет требовать вскрытия этой маленькой женщины (которую представлял себе гораздо выше ростом). И подпишет разрешение на захоронение. Он не станет осквернять «Сисси»: пусть тайна ухода Роми так и останется тайной.

Агентство Франс Пресс еще не успело сообщить эту новость. Но как только она будет опубликована, первые журналисты примчатся к дому на улице Барбе-де-Жуи и вытопчут клумбы перед фасадом, чтобы установить камеры.

Затем подтянутся люди, живущие поблизости, с которыми Роми встречалась, выходя на улицу или прогуливаясь в своем квартале, но которые не всегда знали ее в лицо. Кто-то не решался заговорить с ней, а кто-то благодарил за то, что она своим искусством вызвала у них смех или слезы.

А скоро сюда придут величайшие кинорежиссеры и актеры Франции. Те, кто снимались с ней в какой-нибудь запоминающейся сцене, полной бесшабашного веселья либо глубокой

грусти, виделись с ней на бесконечных званных ужинах либо на отдыхе у моря; те, кто, покоренные ее уникальной фотогеничностью, писали специально для нее роли влюбленных женщин.

Сейчас квартира еще остается в полумраке, словно вне времени.

Через несколько минут он будет возле нее.

В это утро Ален Делон приедет сюда одним из первых. Сколько раз в своей жизни он спешил к Роми – когда хотел разделить с ней любовь или когда она нуждалась в утешении. С тех пор как они расстались, прошло уже почти двадцать лет, но он всегда беспокоился о ней. Был рядом в самые тяжелые минуты. Он так и остался мужчиной ее жизни.

Ален Делон, ее ангел-хранитель, был верен этой миссии до конца.

Сегодня, рано утром, когда он находился в нескольких сотнях километров от Парижа, у него возникло дурное предчувствие. И он позвонил другу, их общему другу Алену Терзиану. Как обычно, не представляясь собеседнику, низким, глубоким голосом, который можно узнать среди тысячи других, он рассказал об охватившей его тревоге. Если точнее, это был беспричинный, необъяснимый, животный страх: как будто с Роми случилось что-то плохое, а что именно, он не знал. Продюсер несколько секунд молчал. Вне всякого сомнения, этих двоих связывала настоящая мужская дружба. Незадолго до разговора с Делоном Терзиану позвонил журналист Филипп Лабро. И сообщил новость в том виде, в каком ее собиралась изложить редакция радио RTL; телеграмма агентства Франс Пресс лежала перед ним на столе.

Молчание Терзиана было похоже на безмолвный крик. Он не успел узнать, как отреагировал на это Делон: актер уже мчит в Париж.

Он едет с такой скоростью, с какой не ездил никогда, словно надеется догнать и остановить смерть. Смотрит на дорогу, на пейзаж, расстилающийся по сторонам, и в его памяти всплывают картины их совместной жизни. Иногда это сцены из фильмов, в которых они снимались вдвоем, исполняя роли любовников не только в кадре, но и за кадром (как, например, в «Кристине»). Тогда они были молоды и влюблены. И беззаботны. В других фильмах на афише стояли оба их имени, но в ее личной жизни он уже не находился на первом плане (как в «Бассейне»). Для нее это было начало новой эпохи, эпохи, когда ее популярность неуклонно росла, пока в итоге не превратила ее в кумира французской публики, музу Клода Соте и партнершу Мишеля Пикколи в целой череде фильмов, которые можно пересматривать без конца, снова и снова. Были моменты, каким так и не нашлось места в хронологии его жизни, – моменты, когда он отсутствовал, когда она проживала свою жизнь без него. Вспоминаются обрывочные сведения об этом периоде в ее биографии, лица ее мужей, кое-кого из любовников: он знал обо всех ее радостях и разделял многие из ее печалей.

Оба они старались не дать разорваться той невидимой нити, которая связывала их. Несмотря на все перемены в жизни обоих, на ссоры и размолвки между ними.

Так продолжалось почти двадцать лет.

Ален Делон назначил Алену Терзиану встречу в своей квартире на авеню Президента Кеннеди, в XVI округе. Там, где он жил вместе с Роми в начале шестидесятых годов. В этом тихом жилище, расположенном на трех этажах, он затаился, словно зверь в норе, чтобы собраться с силами перед встречей с горем – и с суетливой толпой. В одиночестве он стоит у окна на восьмом этаже и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на Сену. Несколько месяцев назад она была здесь, приходила на фотосессию для журнала «Пари-матч». Незадолго до этого по итогам исследования, проведенного журналом, он и она были названы любимцами французской публики. А еще они объявили, что скоро опять будут сниматься вместе – в фильме Пьера Гранье-Дефера «Поединок», продюсером которого должен был стать Ален Терзиан. Для одного из снимков они позировали вдвоем: она на первом плане, он – чуть дальше, за ее левым плечом. Она в черном, он в белом, точно символы инь и ян. Последнее фото, где они запечатлены вместе.

Черета образов, которые вспыхивали в его памяти в течение нескольких часов, обрывается: приехал Ален Терзиан. Они выходят за кованую решетку, установленную перед входом в дом 42, и едут в VII округ.

Этот весенний день мог бы стать таким прекрасным! По дороге они не говорят ни слова, в машине – гнетущая тишина. А впереди уже выстроилась вереница автомобилей, движутся группы пешеходов: десятки мужчин и женщин с затуманенными от слез глазами. Ален Делон провожает их взглядом. Как и он, все эти люди направляются на улицу Барбе-де-Жуи, к дому 11, где жила Роми. В их жизни словно наступила пауза, время, когда можно дать волю скорби. А его жизнь разлетелась вдребезги.

Машина останавливается. Скорее, надо успеть выйти, пока они не подошли. Зеваки и фотографы уже здесь, новость распространилась с быстротой молнии. Но толпа молча расступается на его пути.

От машины до двери дома – всего несколько шагов, но ему кажется, что это расстояние гораздо больше, чем те километры, которые он преодолел на машине. Как при съемке с движения, его взгляд фиксирует большую фреску в вестибюле, изображающую одну из набережных Сены; затем заплаканные глаза консьержки, которая, увидев его, качает головой вместо приветствия; потом коричневую облицовку кабины лифта, цифру 4 на кнопке; приоткрытую дверь квартиры; сосредоточенные лица жандармов и сотрудников службы спасения, деловито снующих между вестибюлем дома и спальней. А потом видит ее, расprostертую на постели. Так хочется думать, что она просто спит.

Он становится на колени, чтобы их лица были на одном уровне.

И смотрит, смотрит на нее не отрываясь.

Он наклонился над ней, словно желая, чтобы ее черты навсегда запечатлелись в его памяти. Он так близко, что она могла бы ощутить его дыхание, прикосновение его ресниц.

Если бы сейчас кто-то включил камеру, кадр с этими двумя лицами стал бы последним кадром в их совместной карьере в кино.

Как на съемках, Роми находится в центре площадки, точно Спящая красавица, которой уже не суждено проснуться. Вокруг нее постепенно занимают места статисты, они приходят и уходят, не произнося ни слова. Мишель Пикколи, Клод Берри, Роман Полански, Жан-Клод Бриали с букетом роз. Всего несколько часов назад актер нашел у себя дома, в одном из ящиков, очередную записку от Роми. Четыре строчки, начинающиеся с обращения «Папа»: такое прозвище она для него придумала. У Роми была привычка – писать людям, которых она любила, коротенькие, по-детски наивные записки, и прятать у них дома. Ему предстоит найти еще не одно такое послание.

А Клод Соте в это время находится в своем доме в Коголене, в Провансе. Узнав печальную новость, он садится в машину и мчится в Париж на такой скорости, что даже попадает в аварию, в которой получает легкие повреждения.

Продюсер Альбина дю Буаруврэ тоже приходит в квартиру Роми. Смотрит на нее и говорит: она будто спит, она такая красивая.

Здесь также писатель и журналист Жан-Лу Дабади, написавший сценарии к фильмам «Сезар и Розали» и «У каждого свой шанс», а также агент Роми, Жан-Луи Ливи, племянник Ива Монтана и один из ее самых близких друзей, которому она часто звонила среди ночи, чтобы задать вопрос, излить душу или услышать слова утешения.

Все они пришли к ней. И все без исключения не могут скрыть смятения и растерянности, не в силах вытереть слезы.

Те из парижан, кто раньше других узнал о кончине Роми, столпились под окнами ее квартиры, чтобы почтить ее память, и смотрят на четвертый этаж, словно надеясь увидеть ее в последний раз.

В минуту ее смерти миллионы французов словно забыли, что у нее была фамилия: отныне они будут называть ее просто Роми, как если бы на свете никогда не существовало и никогда не появится другой женщины с таким именем.

Те, кого она любила, и те, у кого она громко, во весь голос, требовала любви, теперь собрались вокруг ее смертного ложа, точно стая мотыльков, чтобы проводить ее в последнее путешествие. И каждый уйдет, унося с собой одно или несколько мгновений ее жизни, которые запечатлелись на киноплёнке или в их воспоминаниях.

Сентябрь 1949 года

Интернат Гольденштайн, Австрия

Мама на прощание обняла Роми, и девочка в последний раз вдохнула запах ее духов. Они стояли на пороге католической закрытой школы, куда десятилетнюю Роми спланировали, как ненужную, громоздкую вещь. Девочка не хотела отпускать мамину руку, ей вдруг стало грустно и одиноко в этом суровом, неприветливом месте, в замке XIII века, расположенном недалеко от Зальцбурга.

Когда они снова увидятся? Магда обещала скоро приехать, ее светлые глаза наполнились слезами. Маленькая Розмари (так ее называли в честь обеих бабушек, Розы и Марии) хотела бы остаться с мамой и ездить вместе с ней на киносъёмки. Когда-то Магда была очень востребована как актриса, но после войны ей приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы получить работу. Сейчас каждый задает себе вопрос: а чем занимался мой сосед в то мрачное время?

Магда доверила Роми заботам сестры Августины, – и девочка поняла, что в эту минуту кончилось ее детство. Беззаботные годы, проведенные в семейном поместье Мариенгрунд близ городка Шёнау в Баварских Альпах; игры с младшим братом Вольфом-Дитером (она звала его Вольфи); беготня в саду вокруг дома, похожего на швейцарское шале; партии в бадминтон с мамой, подтянутой, уверенной в себе, более красивой, чем когда-либо.

Детство Розмари можно было бы назвать прямо-таки сказочным, если бы не развод родителей. Девочка подумала об отце: почему его нет здесь сейчас, когда она так отчаянно нуждается в нем? Вот уже четыре года, как родители развелись. Вольф Альбах-Ретти увлекся другой актрисой, Трудой Марлен, австрийкой, как и он сам. Он бросил семью, чтобы наслаждаться своей любовью открыто, на виду у всех. «Я создан, чтобы заводить себе женщин, а не детей», – однажды скажет он дочери.

Мама торопливо машет рукой, а сестра Августина уже приказывает Розмари следовать за ней. Розмари смотрит вслед матери. Долгое время у Магды почти не было перерывов между съёмками, и во время ее отсутствия детьми занималась Роза, ее мать. Но теперь она решила отдать девочку в интернат. Когда стало известно о ее связях с нацистским режимом, то роли ей предлагали все реже и реже, – тогда уже не оставалось ничего другого, как доверить воспитание дочери монахиням.

Долгие месяцы Розмари будет ее ждать. Каждую субботу она будет неотрывно смотреть вдаль из окна или со ступенек у входа в замок, уповая на встречу с матерью; но за четыре года мечта сбудется лишь четыре раза.

Магда приезжает только раз в год, ненадолго, чтобы опять исчезнуть.

1953 год

Кельн

Розмари, сгорая от смущения, пристально смотрит в объектив камеры. Это ее первые кинопробы. Как и почему она согласилась выступить в качестве начинающей актрисы? Ведь она всегда мечтала стать художницей! Рассчитывала, что это даст ей возможность хоть немного времени проводить с матерью? Захотела сама отвесть той жизни, которую избрала для себя

Магда? Или, быть может, решила узнать, могут ли эмоции, испытываемые на съемочной площадке, быть для человека важнее, чем время, проведенное с собственными детьми?

Судьба наконец улыбнулась Магде. Ей предложили главную роль в фильме «Когда зацветает белая сирень». Режиссеру понадобилась юная актриса на роль ее дочери. Магда в разговоре с продюсером как бы вскользь упомянула Розмари. И все завертелось. В их семейном шале в Шёнау раздался телефонный звонок; они сели в поезд, приехали в Кельн, и вот девочка уже на съемочной площадке.

Сможет ли она достойно выдержать это испытание? Ведь у нее не было времени, чтобы как следует подготовиться.

Розмари начинает читать свой текст, и очень скоро игра подчиняет ее себе, завораживает. Теперь она знает, что это за ощущение, когда на несколько минут переносишься в чью-то чужую жизнь, – забывая о собственной и о своих тревогах, – чтобы испытать приключения, выпавшие на долю твоего персонажа, которым в реальности тебе никогда не стать. Теперь она понимает, что чувствует ее мать.

Несмотря на волнение юной актрисы, режиссер сумел оценить ее искренность, непосредственность и фотогеничность. Ее сразу утверждают на роль.

Итак, на съемочной площадке фильма «Когда зацветает белая сирень» изображение Розмари впервые появляется на киноплёнке. Ее героиню зовут Эвхен Фостер, ей пятнадцать лет, у нее каштановые волосы и детское личико.

Когда приходится выбрать имя, под которым Розмари будет значиться в титрах, она решает воспользоваться девичьей фамилией матери. Теперь связь этой женщины с кино никогда не прервется. А для Розмари Альбах-Ретти начнется новая жизнь под новым именем: Роми Шнайдер.

1955 год

Берлин

Когда же, наконец, она сможет поступать по-своему? На этот вопрос Роми не получает ответа ни от матери, ни от отчима, Ганса Герберта Блатцхейма, бизнесмена и владельца сети ресторанов в ФРГ (она называет его «папочка»). Это Блатцхейм распоряжается деньгами, которые Роми зарабатывает с тех пор, как Эрнст Маришка вознес ее на вершину кинематографического Олимпа.

Маришка, режиссер, в послевоенное время сделавший несколько популярных экранизаций венских оперетт, а также дорогостоящий биографический фильм о королеве Виктории, сумел вдохнуть новую жизнь в миф об императрице Елизавете Австрийской, сняв в главной роли Роми Шнайдер. Платья с кринолинами, декорации из папье-маше, история империи, превращенная в романтическую историю любви: вот основные составляющие «Сисси», которые позволили Роми с помощью одного-единственного фильма завоевать славу и симпатии зрителей во всей Германии.

Фильм был задуман с размахом; Магда сумела воспользоваться случаем и добилась, чтобы ее тоже включили в кастинг – она сыграла роль матери Сисси. Итак, мать и дочь опять появились на экране вдвоем. Режиссер незамедлительно решает снова применить чудодейственную формулу, принесшую ему успех, и Роми получает предложение сняться еще в нескольких фильмах.

Неважно, хочет она этого или нет: на самом деле решения за нее принимает Магда. Так было с первым фильмом, так будет и с остальными.

Это распространяется на все: от гонораров (Магда добивается огромных выплат для своей дочери) до цвета платьев, в которых юная актриса предстанет перед камерами на очередном интервью. Мать также выбирает всех партнеров для Роми, и в частности, тех, с кем она имеет или не имеет право целоваться. Все это написано в контракте, черным по белому.

А еще – что имя Магды Шнайдер будет фигурировать в заглавных титрах каждого фильма, в котором играет ее дочь.

Рецепт успеха действует безотказно. Публика валом валит в кинотеатры, и не только в Германии, но и во всей Европе. Родилась новая звезда.

Магда требует у продюсеров все большие и большие гонорары – теперь она может себе это позволить. А ее новый супруг размещает деньги в банке. И, как настоящий бизнесмен, тут же реинвестирует их в один из своих многочисленных ресторанов.

Раз или два Роми отважилась спросить, когда она сможет воспользоваться всеми этими деньгами. «Когда станешь совершеннолетней!» – отвечают ей. Каждый раз ее отчим переходит на властный тон (он это умеет), и дискуссия прекращается. Роми уже поняла, что не увидит этих денег: инвестиции ее отчима оказались убыточными. В восемнадцать лет она узнаёт, что на ее банковском счете нет ни гроша.

1957

Шёнау, Бавария

В семейном доме в Шёнау, куда они укрылись в этот трудный момент, атмосфера наэлектризованная. Отказавшись сниматься в четвертом фильме про Сисси, Роми убила курицу, которая несла золотые яйца. Но, с другой стороны, она проявила характер. Во-первых, смогла остановить адскую машину, запущенную ее матерью и отчимом, а во-вторых, перестала «чувствовать себя этакой венской сдобной булочкой, которую все хотят слопать».

После того как Роми в трех фильмах воплотила образ Елизаветы Австрийской, ей хватило мужества сказать: хватит.

В первом фильме она получила свою первую большую роль в кино; второй закрепил ее громадную популярность. И, хотя персонаж императрицы стал ей надоедать, не могло быть и речи о том, чтобы отказаться от третьего фильма – Магда бы этого не позволила.

А теперь Роми захотелось вздохнуть свободно, попробовать для себя что-то новое. И она твердо решила не уступать нажиму матери и отчима. Магда понимает, что из-за упорства дочери лишится последних ролей, какие ей могли предложить в Германии. Ее ярость и удивление не имеют предела.

Продюсеры, со своей стороны, тоже в бешенстве: как же Роми могла отказаться играть Сисси в последний раз, ведь она получила бы за это миллион марок наличными? Немецкая пресса беспощадно критикует юную актрису, соотечественники, которые вознесли ее на вершину славы, теперь отрекаются от нее. Кое-кто даже утверждает, что ей место в сумасшедшем доме.

У Роми остается один выход: бежать. Бежать в Париж, где режиссер, о котором она никогда раньше не слышала, – Пьер Гаспар-Юи, – предлагает ей главную роль в фильме «Кристина». По иронии судьбы, этот фильм – не что иное, как ремейк фильма Макса Офюльса «Игра в любовь», снятого в 1933 году, где главную роль играла ее мать. Магда вынуждена согласиться. Но ставит условие: она поедет в Париж вместе с дочерью.

Режиссер потратил немало денег, чтобы заполучить знаменитую «Сисси», и собирается устроить ей в Париже торжественную встречу. Он даже пошел на то, чтобы позволить Роми самой выбрать себе партнера. Продюсеры выслали Магде фотографии десятка молодых людей, которых они нашли в Париже и которые, по их мнению, подходили для роли героя фильма. Никто из них не являлся профессиональным актером. Впрочем, один, пожалуй, мог бы стать актером в будущем. Мать и дочь сидят за столом, перед ними кладут конверт с фотографиями, но Роми должна получить разрешение Магды, прежде чем заглянуть в него.

Вдвоем они перебирают снимки, напечатанные на глянцевой бумаге. Магда отбраковывает претендентов одного за другим, при этом практически не давая Роми высказать свое мнение. Вдруг взгляд девушки задерживается на одном из фото. Что привлекло ее внимание в этом

юном незнакомце? Быть может, большие светлые глаза? Или костюм, раньше принадлежавший Жерару Филипу, который он надел на пробу?

Она скрещивает пальцы, чтобы мать не приняла в штыки ее выбор. И робко улыбается, когда Магда наконец дает согласие. Партнером Роми по съемочной площадке станет этот молодой человек. Его зовут Ален Делон.

15 февраля 1958 года

Аэропорт Орли

Фотографы добились разрешения подойти совсем близко к самолету, на борту которого находится самая яркая из европейских кинозвезд: они не хотят упустить ни одной подробности предстоящего зрелища. Как только трап опускается, все они вытягивают шеи и протягивают вперед камеры в надежде сделать самый лучший снимок. Тот, который попадет на первые полосы газет. Они стоят тут несколько часов, и никто уже не чувствует холода, пронизывающего до костей в этот субботний февральский день.

И вдруг открывается дверь самолета, и на пороге появляется она, сияя лучезарной улыбкой девушки, которой едва исполнилось двадцать. Когда она спускается по трапу, раздаются возгласы: «Сисси!» Роми Шнайдер делает вид, что не слышит. Все ее внимание сосредоточено на будущем партнере.

Ален Делон, стоящий у самого трапа, выглядит отнюдь не элегантно: слишком просторное, будто с чужого плеча, серое крапчатое пальто и съехавший набок полосатый галстук. Продюсеры снабдили его букетом роз, чтобы он мог достойно встретить ту, кого Уолт Дисней назвал «самой красивой девушкой на свете». Рядом с ним еще двое участников фильма, актеры Жан-Клод Бриали и Софи Гримальди: они придиричиво рассматривают юную знаменитость, которая, как им сказали, стоит четыре миллиона марок.

Итак, этот молодой человек, чья слишком аккуратная прическа контрастирует с бурным темпераментом, иногда прорывающимся в его жестах, и есть партнер, с которым через несколько дней ей предстоит целоваться. В детстве она закрывала глаза каждый раз, когда на экране показывали любовную сцену, а сейчас ей вдруг вспомнился ее первый настоящий поцелуй – с актером Клаусом Бидерштедтом, на съемках одного из ее первых фильмов, «Фейерверк».

В то время как Роми покорно позирует фотографам в золотистом сиянии своего мантио из светлого меха, Магда старается занять место поближе к ней, чтобы попасть в кадр. Она не отходит от дочери, словно дуэнья, широкая улыбка обнажает прекрасно сохранившиеся зубы. Ее муж Ганс Герберт Блатцхейм молча стоит в ее тени.

В момент, когда Ален Делон вручает Роми громадный букет, явно мешающий ему, но вместе с тем придающий ему респектабельности, они едва успевают взглянуть друг на друга. Кто она, эта молодая актриса с манерами важной дамы, которая в своем юном возрасте успела сняться больше чем в десяти фильмах?

Она находит эту торжественную встречу «безвкусицей», а молодого человека малоинтересным. А он находит ее «тошнотворной». Только большая любовь сможет стереть из памяти такое огромное разочарование.

Несколько дней спустя Роми и Ален встретятся на съемочной площадке «Кристины». Им надо изображать на экране влюбленных, а вместо этого вся группа вынуждена смотреть, как они выясняют отношения. Они друг друга терпеть не могут – вернее (что еще хуже), стараются друг друга не замечать. Софи Гримальди и Жан-Клод Бриали не раз пытались помирить их, но все было бесполезно. Волшебная сила искусства, на которую рассчитывал режиссер, не приходит ему на помощь.

После взаимного отчуждения у Алена и Роми наступает период ссор. В перерывах между съемками актер развлекается тем, что доводит партнершу до бешенства, без конца повторяя ей

на ухо единственную фразу, которую он знает по-немецки: «*Ich liebe dich*»¹. Ему нравится злить ее. Пусть у Роми, по мнению Алена, манеры важной дамы, но ее задорные веснушки не могут оставить равнодушным этого начинающего актера, который всему учился в школе жизни.

Легко и быстро Ален становится у актеров заводилой и по вечерам, когда съемки заканчиваются, дразнит партнершу, делая вид, что не замечает ее. Остальные понимающе улыбаются, и это вызывает у нее горькое ощущение, что она здесь чужая. В тех редких случаях, когда он предлагает Роми сесть в его машину, ей приходится довольствоваться местом на заднем сиденье. Место впереди, рядом с ним, он приберегает для одной балерины, которую надеется соблазнить. Такое впечатление, что он хочет вызвать ревность у Роми.

А Роми здесь очень одиноко. Ей никак не отделаться от надоевшего клише. Для всей Европы она – императрица. А для этих французских актеров, и в частности Алена Делона, – все еще наивная принцесса в кринолине. Сисси! Она уже не может слышать это имя. Ведь она приехала сюда, во Францию, именно для того, чтобы ее перестали отождествлять с ее экранной героиней. И она не позволит какому-то невоспитанному парню принижать ее, внушать всем, что она – актриса одной роли.

1958

Международный кинофестиваль, Брюссель

Но однажды все изменится. Это произойдет после предпремьерного показа фильма с участием Роми, во время вечернего приема, устроенного в одном из ресторанов, которыми управляет ее отчим. Хотя она терпеть не может и его самого, и все, что с ним связано, на этом приеме она чувствует себя спокойной и раскованной.

Может быть, дело в шампанском, которое она выпила по случаю радостного события? Когда Ален подходит к ней, чтобы пригласить на танец, она несколько секунд медлит, прежде чем согласиться. В мгновение, когда он берет ее за руку, все вокруг них вдруг заволакивает туманом. И колышущиеся огни люстр, и белоснежные скатерти на столах. Она видит только голубые глаза своего кавалера, его улыбку и руки, которые ее обнимают. Она закрывает глаза, ей хочется, чтобы этот миг длился вечно.

Но осуждающий взгляд матери пробуждает Роми от сладкого забытья. Магде совсем не нужно, чтобы у ее дочери начался роман, тем более с молодым человеком, которого она считает «плебеем». И Роми возвращается за стол, где сидит немецкая съемочная группа. Но спустя несколько секунд просит разрешения перейти за стол французов. Магда отвечает категорическим отказом. А муж, как эхо, повторяет ее ответ.

И все же, когда Ален в очередной раз знаком приглашает Роми присоединиться к ним, она встает, смело глядя в глаза матери, словно принимая брошенный ей вызов. Приподнимает свое длинное платье, чтобы не споткнуться, с ослепительной улыбкой проходит по залу ресторана, чувствуя, что переступает черту, и садится рядом с тем, кто с этого дня станет главной любовью ее жизни.

1958 год

Аэропорт Орли

Роми спускается по трапу. Она опять прилетела в Орли, но теперь это она будет ждать Алена, расхаживать взад-вперед, чувствуя гулкие удары сердца. Заключительный этап съемок «Кристины» превратился для них в медовый месяц – к великой радости режиссера. Последние эпизоды снимали в Вене. Вместо прежней неприязни между Роми и Аленом возникло взаимопонимание, помогающее молодой актрисе с каждым днем на шаг отдаляться от тесной клетки, которую соорудила для нее мать.

¹ Я люблю тебя (нем.).

Магда видит, что дочь ускользает из-под ее влияния. А Роми наслаждается новым для нее ощущением свободы, несмотря на то, что ни слова не говорит по-французски, а Ален может произнести по-немецки лишь несколько фраз. Но ничто не может помешать ей мечтать. Она дорожит каждой минутой, которую может провести рядом с ним. Каждое утро у нее замирает сердце, когда она присоединяется к нему на съемочной площадке; а как только объявляют перерыв, они уходят вдвоем. Она начинает представлять себе свою будущую жизнь с Аленом. Почему бы им не обосноваться во Франции? Германия сейчас кажется такой далекой. Для счастья ей было бы достаточно и трущобы, думает она.

Но работа над фильмом близится к концу, пора возвращаться к действительности. Последние сцены отсняты, и ей осталось провести совсем немного времени с молодым человеком, в которого она влюблена. Она вспоминает их поцелуй в венском аэропорту. Нет, не один, а тысячу поцелуев. Удаляющийся самолет. Лицо Алена за иллюминатором. Как она потом вернулась в отель вместе с матерью. И как она вдруг испугалась, что никогда больше его не увидит. Что его жизнь пройдет без нее.

Когда она возвращается в отель «Захер», портье передает оставленный для нее конверт с запиской. Она мгновенно пробегает строчки, написанные мужским почерком, слова любви, под которыми стоит его подпись. Признание, на которое она уже не надеялась. И ее охватывает неудержимое желание быть с ним несмотря ни на что, вопреки всему. Пойти за ним куда угодно, прямо сейчас. Лишь бы он дождался ее. Лишь бы ей удалось ускользнуть незаметно.

Она должна вернуться в Германию до начала съемок следующего фильма. Вместо этого, не поставив в известность никого – а уж тем более Магду, которая потом долго будет ругать ее, – она берет билет на самолет в Париж. Прилетев в Орли, она звонит Алену. Теперь ее очередь ждать его. На том самом месте, где она впервые заглянула в его голубые глаза.

29 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жюи, 11

Час за часом людей у дома становится все больше. Первые из них были незнакомы друг с другом, они пришли по зову сердца; но, по мере того как человеческий поток прибывал, толпа быстро превратилась в своего рода сообщество. Некоторые были здесь впервые, другие знают дорогу наизусть; они тихонько стучат в дверь и входят неслышными шагами, словно боятся разбудить ее.

Кто-то появляется, кто-то исчезает, однако все эти силуэты похожи друг на друга. Подобно статуэткам Альберто Джакометти, они словно замерли на месте, хотя на самом деле находятся в постоянном движении.

Но одну из этих теней не спутать с остальными.

Увидев ее, люди молча расступаются. Все их эмоции, все их мысли сосредоточились сейчас на этой женщине, которая идет через гостиную парижской квартиры Роми, оставляя за собой запах духов, какими когда-то увлекались звезды немого кино. Старомодный аромат.

Магда Шнайдер пришла помолиться у смертного ложа своей дочери.

Кроме перманентной завивки и плотно сжатых губ, ничто в ней не напоминает актрису, какой она была на пике своей карьеры – в роли герцогини Людовики Баварской, матери Сисси, – или еще раньше, на подмостках мюнхенского театра на Гертнерплац, когда после спектакля, в вечернем платье и меховом мантии, приветствовала многих известных людей (в том числе Адольфа Гитлера), пришедших поздравить ее с успехом.

Магда Шнайдер, любимица берлинской публики 30-х годов, сегодня прибыла из Германии в Париж. Она появляется в сумерках, когда люди превращаются в тени, и старается привлечь к себе как можно меньше внимания.

Расцеловав Алена Делона, словно это ее родной сын, она подходит к дочери и склоняется над ней, как мать склоняется над спящим ребенком. Настоящая, заботливая мать, какой она бывала так редко. И в глазах у нее слезы.

Магда пришла не одна. Ее сопровождает Вольф-Дитер, брат Роми. Младший брат, которого Роми всегда называла Вольфи, с которым делила беды их трудного детства – частые разлуки с матерью, вечно пропадавшей на съемках, уход отца к другой женщине, – и который затем стал свидетелем блестящего начала ее актерской карьеры и самых тяжелых драм ее личной жизни. Он никогда не подводил старшую сестру. Всегда готов был явиться на ее зов и поддержать в ситуациях, когда, как ей казалось, у нее не хватит сил выстоять.

И сегодня его горе безмерно. Видный врач-кардиолог, спасший столько жизней, он оказался не в состоянии помочь любимой сестре.

Если бы Роми была жива сейчас, когда Магда сжимает ее в объятиях, то спросила бы себя: а сколько раз за время, прошедшее с моего детства, мама обнимала меня? Рыться в памяти не имеет смысла, лучше перебирать радостные воспоминания, запах ее платья или ее кожи, когда она целовала Роми на прощание, аромат ее духов, когда она приходила со сцены за кулисы или после долгого, изматывающего ожидания наконец возвращалась с очередных съемок.

А сейчас это кажется простым и естественным: вся семья в сборе, потому что случилось нечто очень важное. Сколько раз Роми мечтала увидеть это воссоединение по какому-нибудь радостному поводу – по случаю дня рождения или успеха у публики. Но сегодня поводом, по которому они собрались, стала смерть. Здесь не хватает только одного члена семьи – отца. Этот человек прошел через ее жизнь, ни разу не остановившись, чтобы побыть рядом. И умер, так и не успев поговорить с ней по душам.

Возможно, именно он был главным мужчиной ее жизни, этот лицедей, этот неотразимый соблазнитель с его чисто австрийской элегантностью, на которого оглядывались все женщины, когда он шел по улице, который покинул домашний очаг без всяких сожалений, без малейшего желания встретиться с собственной дочерью?

Это ведь его фамилию она носит с самого рождения и указывает во всех официальных документах. И эта фамилия будет выбита на ее надгробии: Альбах. При том что всю жизнь она, помимо собственной воли, шла по стопам матери, и фамилия Шнайдер, став ее артистическим псевдонимом, приносила ей успех, становилась ее гордостью, а временами – позором, который ей трудно было вынести.

Мать постоянно вмешивалась не только в ее профессиональную карьеру, но и в личную жизнь, была свидетелем ее первых шагов в кино и на телевидении. Доброй феей, которая однажды превратится в злую колдунью.

Смогла ли Роми однажды простить это многоликое существо?

22 марта 1959 года

Вико-Моркоте, Швейцария

Невозможно придумать более подходящий фон для радостного события, чем эта швейцарская вилла в Вико-Моркоте, деревушке с розовыми черепичными крышами на берегу озера Лугано. Все было организовано Магдой и ее мужем Гансом. Супруги Блатцхейм бдительно охраняют репутацию Роми, и ее увлечение юным Аленом Делоном их отнюдь не радует. Накануне они предупредили ее, что сегодня состоится помолвка, на которой будет присутствовать пресса.

К удивлению Роми, Ален охотно соглашается участвовать в этой комедии. Она надела платье цвета шампанского, он – в сером костюме. Вдвоем они встречают многочисленных репортеров, явившихся на приглашение. В момент, когда эти двое позируют фотографам с

хрустальным бокалом, из которого только что по очереди глотнули вина, кажется, будто счастливее их нет никого на свете.

Мелькают фотовспышки. Ален надевает кольцо на палец Роми.

Итак, состоялась официальная помолвка. Однако Магда не может удержаться. «О браке в данный момент речь не идет», – уточняет она. Предсказывает жениху с невестой «самое мрачное будущее», а потом примирительно замечает: «Впрочем, кто знает: возможно, они будут очень счастливы».

В устах Магды это звучит как проклятие.

1961

Театр де Пари

Вечер премьеры. Роми так волнуется, что ей неинтересно, какие знаменитости занимают места в украшенном позолотой зале Театра де Пари, пока она дрожит от страха за занавесом. Но ей сообщают, что сегодня среди зрителей – Мишель Морган, Ингрид Бергман, Жан Кокто, Жан Маре. А также ее мать и брат, специально приехавшие из Германии.

Когда закончились съемки «Кристины», Роми все бросила ради Алена Делона – свою страну, своих родных, популярность, которой она добилась в Европе. И пусть даже это решение принесло ей свободу, очень скоро она осознаёт, что ни один французский кинорежиссер не собирается следовать примеру Пьера Гаспар-Юи и снимать ее в своих фильмах. Одни не могут представить ее иначе как в образе принцессы. Другие считают, что она пока еще недостаточно хорошо говорит по-французски.

И в этот момент ей протягивает руку помощи Лукино Висконти. Он был первым, кто поверил в нее, допустил мысль, что она может играть на сцене – вместе с Аленом Делоном, в драме Джона Форда «Жаль, что она блудница». Работа над этой постановкой оказалась сплошным мучением. Роми думала, что у нее ничего не получится. Висконти часами заставлял отрабатывать произношение каждого слова, пока ему не удалось почти окончательно вытравить ее немецкий акцент. Несколько раз во время репетиции она падала в обморок от переутомления.

И однажды вечером, упав, не смогла подняться: ее пронзила сильнейшая боль. Это оказался приступ аппендицита, и она провела несколько дней в больнице. Париж наводнили слухи о том, что премьеры не будет, и, узнав об этом, Роми решила: она примет вызов, брошенный ей Висконти. Ради самого режиссера, который вскоре станет ее учителем, но также ради ее возлюбленного и сценического партнера, Алена Делона.

На премьере она выходит на сцену с повязкой на животе и до самого конца спектакля боится, что произойдет катастрофа. Но премьера становится ее триумфом. Дверь в гримерную не закрывается: все хотят ее поздравить. Самый желанный комплимент она получает от Алена, который во всеуслышание заявляет: «Роми – королева Парижа, моя королева!» Кто бы мог подумать, что эта минута величайшего торжества станет началом крушения ее любви?

7 мая 1962 года

Каннский кинофестиваль

Автомобиль с откидным верхом едет по набережной Круазет на такой скорости, что Роми боится, как бы ветер не унес ее белую шляпу, украшенную черной лентой. На заднем сиденье машины едет Софи Лорен – другая участница фильма «Боккаччо-70». А между ними гордо восседает ее спутник жизни Ален Делон, восходящая звезда мирового кино. Ослепительная улыбка Софи Лорен идеально сочетается с улыбкой Делона. Публика в бешеном восторге. У Роми возникает ощущение, что ее просто не замечают.

В то время как она машет рукой, приветствуя прохожих, сбывается ее неприятное предчувствие: обступившие их фотографы и журналисты смотрят только на Алена. Его красота,

обаяние и непринужденная манера держаться притягивают как магнит. Роми вынуждена признать очевидный факт: все прожектора пятнадцатого Каннского кинофестиваля направлены не на нее, а на него. Для нее здесь не нашлось достойного места.

А ведь все как будто складывалось самым благоприятным образом. Многие кинокритики изъявили желание побеседовать с ними обоими, с ней – по поводу фильма «Боккаччо-70» (сборника киноновелл, снятых лучшими мастерами итальянского кино, в частности Федерико Феллини и Лукино Висконти), а с Аленом – по поводу «Затмения» Микеланджело Антониони.

Таким образом, у каждого из них есть фильм, который надо представить в выгодном свете, и роль, о которой хочется рассказать. Но все происходит не так, как она ожидала, когда начинается интервью, организованное маститым киножурналистом Франсуа Шале. Первые вопросы адресованы Алену. Остальные – тоже. Его спрашивают о бороде, что он отращивает для роли, которую собирается сыграть в «Леопарде» Висконти.

А Роми старается не потерять контроль над собой. Машинально вертит в руках солнечные очки. Поднимает глаза к небу, скрытому полями ее белой шляпы. Или устремляет взгляд на горизонт, смотрит в никуда, надеясь, что журналист задаст вопрос, который наконец прервет ее задумчивость, – но вопроса не слышно. И опять ей кажется, что она здесь не на месте, а помпезное, совсем не в ее вкусе жемчужное кольцо только усиливает это впечатление. Она сидит здесь, не имея возможности сказать ни слова.

Ален приходит ей на помощь, пытается привлечь к ней внимание. Сообщив о своем скором отъезде на Сицилию в компании Берта Ланкастера и Клаудии Кардинале, он тут же начинает рассказывать о ближайших творческих планах Роми, и в частности о фильме «Процесс», в котором Орсон Уэллс недавно предложил ей сыграть главную женскую роль. Но журналист не проявляет к этому ни малейшего интереса. Он заканчивает интервью словами: «До свидания, Сисси, до свидания, Ален Делон».

Между ними разверзается пропасть, которая неотвратимо разрушает их любовь. Время, когда их фотографии красовались на обложках глянцевого журнала, символизируя счастье и взаимопонимание, – это время осталось далеко позади. Роми так хорошо его помнит. Неотрывно глядя ей в глаза, Ален обнимает ее, целует, во время прогулок на природе сажает ее себе на плечи, позирует с ней вдвоем перед семейным шале, где прошло ее раннее детство, а Магда стоит на заднем плане.

Мгновения блаженства, когда в телефонной трубке раздавался его голос – и сердце начинало бешено колотиться. Моменты, когда он неожиданно появлялся в комнате, где она примеряла костюм для очередной роли, или сидела в кресле у парикмахера. Он всегда точно знал, где ее найти. А ее это наполняло бесконечным счастьем, от которого она нередко даже краснела, когда ей протягивали трубку со словами: «Месье Делон просит вас к телефону».

Вдвоем они построили здание любви, которое, как она думала, выдержит любые ветры и приливы. И что осталось сегодня от этой твердыни?

Ноябрь 1963 года

Бeverли-Хиллз

Роми разглядывает обстановку дома, куда ее поселили на время съемок. Как ей чужда вся эта кричащая роскошь. Отсюда, с бульвара Сансет, открывается вид на Беверли-Хиллз. Роми устала, она все время думает об Алене и выискивает в газетах его фотографии, пусть даже самые маленькие.

Американцы недолго оставались равнодушными к очарованию Роми. После главной женской роли в фильме Орсона Уэллса «Процесс» она подписала семилетний контракт со студией «Коламбия Пикчерз» и сейчас снимается в «Победителях», «Кардинале» и «Одолжи мне твоего мужа». Она работает с такими режиссерами, как Отто Премингер, такими актерами,

как Джек Леммон, становится звездой мирового масштаба, но при этом прекрасно осознает, насколько лицемерен Голливуд.

Наконец в одной французской газете она находит фото, подтверждающее ее подозрения. На нем изображен Ален в приятном обществе, с молодой женщиной на коленях. Актер выглядит счастливым. Крошечный, примитивный снимок, в котором все страхи Роми обретают зримую форму. Теперь она думает только об одном: увидеться с Аленом.

Декабрь 1963 года

Париж, авеню де Мессин, 22

Роми разрывает контракт с «Коламбия Пикчерз», возвращается из Америки в Париж и сразу едет в их особняк в XVI округе. Там она обнаруживает букет красных роз и письмо от Алена. Но это не любовное послание, какие он ей иногда оставлял. Это объявление о разрыве. История их любви окончена.

Под ногами Роми разверзается пропасть. Ален ушел к Натали Бартелеми, актрисе, которую она видела на фотографии в газете. Значит, она тогда не ошиблась.

Она разражается безудержными рыданиями. Ей надо встретиться с ним: это желание похоже на навязчивую идею. В последующие дни она разыскивает его по всему Парижу, оставляет ему короткие записки на лобовом стекле его машины, хотя прекрасно знает, что он за границей.

Роми уничтожена. Он был ее опорой. Что с ней будет теперь? Она – всего лишь тень любви. Любви, которая продлилась чуть больше пяти лет – но для совсем еще молодой Роми это равнялось целой жизни. Разбитой жизни.

Париж, авеню Монтень, 12

Когда страдания Роми становятся невыносимыми, она приходит искать утешения у Марлен Дитрих. Квартира на пятом этаже дома 12 по авеню Монтень тонет в клубах табачного дыма. Войдя, Роми сразу направляется к одному из кресел в гостиной. Из квартиры давно вынесли все зеркала: немецкая кинозвезда не желает видеть свое отражение.

Рядом с креслом Марлен Дитрих стоит телефон. Изначально он был белым, но Луи Бозон, близкий друг и секретарь актрисы, по ее просьбе покрыл этот бакелитовый аппарат светящейся краской, чтобы она могла видеть его ночью. Аппарат снабжен кнопками, секрет которых знает только хозяйка и благодаря которым она может звонить в любую точку мира и беседовать часами, лежа в постели. Ей приходят телефонные счета на астрономические суммы. Это один из видов роскоши, которую она себе позволяет.

Роми лицом к лицу с Марлен. Какой фильм можно было бы снять с двумя такими актрисами! Но здесь разговор идет не о кино, а о реальности и о боли, которую она причиняет. После каждой душевной раны Роми обращается за поддержкой к Марлен, как если бы та была ее матерью, хотя со стороны Марлен никакой материнской нежности (по крайней мере, ее внешних проявлений) не замечается.

На взгляд Роми, у легендарной дивы есть много общего с Магдой: то же стремление держаться на расстоянии (как и подобает актрисе), та же чисто немецкая прямота, та же привычка не давать воли чувствам. Она и Роми любят говорить по-немецки и вспоминать родную страну, которую покинули против своей воли: Марлен бежала от нацизма, а Роми – от роли Сисси и от семейной тирании.

Обычно они рассказывают друг другу о своих путешествиях, о своих горестях, о том, как им живется в изгнании. Но сегодня разговор только об Алене. Без него жизнь Роми в Париже больше не имеет никакого смысла. Рыдания заглушают ее голос.

В доме 12 на авеню Монтень, где укрылась от мира великая немецкая кинозвезда, Роми говорит о своем одиночестве, о том, как целые дни проводила вдали от него, ожидая, когда ей

предложат роль, – между тем как его наперебой зазывали в свои фильмы самые знаменитые режиссеры современности. Это благодаря ей он когда-то впервые появился на экране, а затем сработал закон сообщающихся сосудов: его карьера стала развиваться все более успешно, а у нее застопорилась. Кино, в котором Роми мечтала работать вместе с Аленом, теперь разлучило ее с ним.

Она с нетерпением ждет, что Марлен даст ей какой-нибудь совет, но дива предпочитает слушать ее молча. В самом деле, как и чем помочь человеку, которого терзает сердечное горе?

Июль 1964 года

Департамент Канталь, виадук Гараби

Быть может, ее очередной каприз – не что иное, как попытка привлечь его внимание? Сегодня, на съемках сцены на озере, у режиссера Анри-Жоржа Клузо возникли трудности. По сценарию, Роми должна кататься на водных лыжах, причем в двух эпизодах: сначала в сплошном купальнике, в черно-белой версии, затем в купальнике из двух частей – в цветной версии (то есть в видениях героя). Первый эпизод Клузо благополучно отснял, а вставить на водные лыжи для второго актриса наотрез отказалась.

Дело в том, что Роми не умеет плавать. Несколько раз ей удалось преодолеть страх и прокатиться на лыжах, но теперь ее физические и душевные силы на исходе. При каждом падении в воду ей кажется, что она уже не сможет спастись.

Оператор Клод Ренуар и его ассистенты стоят под сводами знаменитого виадука Гараби, построенного Гюставом Эйфелем, и молча ждут, когда можно будет продолжить съемку. Но Роми не сдастся. С нее хватит. Только что, без всяких возражений, она снялась в нескольких дублях этой сцены, причем на трех языках, французском, английском и итальянском. Она настаивает на разговоре с режиссером.

Анри-Жорж Клузо – признанный мастер. Роми смотрела его знаменитые фильмы «Дьяволицы» и «Набережная ювелиров», ей нравятся все его работы. Но сниматься в его новом фильме – нелегкое испытание. Это масштабный, очень смелый проект под названием «Ад». Сюжет выстроен вокруг главного героя, ревнивого мужа (в исполнении Сержа Реджиани); большинство эпизодов показываются дважды: первый раз – в черно-белом варианте, во второй раз – в цвете, чтобы дать зрителям почувствовать муки ревности героя, когда он представляет свою жену в объятиях другого.

Актеры полны энтузиазма, но работа над фильмом совершенно изматывает их. В съемочной группе больше ста пятидесяти технических сотрудников, они трудятся как пчелки днем и ночью, на трех разных площадках, выполняя указания режиссера, который становится все более требовательным: он хочет, чтобы «Ад» был признан его новым шедевром.

Роми всего двадцать шесть лет, но она не согласна быть игрушкой безграничного режиссерского честолюбия. До сих пор она стойко выдерживала все, в том числе студийные пробы в декорациях, утомившие ее еще до начала съемок. В павильоне студии в Булонь-Бийанкуре великий Клузо для воплощения своего замысла выстроил то, что Серж Реджиани называет «камерой пыток», целый фантастический мир, где разыгрываются сцены видений главного героя.

В этом мире есть сооружения гигантских размеров, такие как, например, громадное светящееся колесо, приводимое в движение техниками; на колесе – светящаяся точка, за которой актеры должны следить взглядом, не поворачивая головы, то есть вращая глазами. Клузо придумал для этого устройства поэтическое название – гелиофор. Так режиссер сумел найти практическое применение для первых кинетических экспериментов. Он наблюдает за их воздействием на человеческий глаз, фиксирует этот процесс на камеру, и это его завораживает.

Используя лица актеров как экраны, Клузо проецирует на них фантазии и кошмары героя, которого играет Серж Реджиани. Экраном становится и тело Роми, он снимает ее так часто

и долго, что это уже напоминает одержимость. Сколько часов у него ушло на съемку крупным планом ее рта, иногда с губами, накрашенными синей помадой? Роми до смерти надоело шевелить языком перед объективом его камеры. Она превращается в предмет нездорового интереса со стороны человека, который, как говорят, находится на грани депрессии.

В последние несколько дней съемки происходят на натуре, при дневном свете, под виадуком Гараби; но здесь его тревожное состояние только обострилось. С ним случаются приступы бреда, от которых он порой просыпается по ночам. Он оглушительно хлопает дверью, когда выходит из своего номера в гостинице или возвращается туда. Он способен вызвать съемочную группу в полном составе в любое время суток, чтобы переснять готовый материал ради замены какой-нибудь реплики или даже одного слова. И происходит это регулярно, потому что он без конца переписывает сценарий. Поэтому Роми, проснувшись утром, никогда не знает, что ей придется играть в течение дня.

В воскресенье технический персонал старается потихоньку улизнуть с места съемок, чтобы не подвернуться ему под горячую руку. А в остальное время все наблюдают за тем, как он разъезжает между тремя съемочными площадками. Будучи очень организованным человеком, он приказал установить под каждой из камер колокольчик, чтобы в момент, когда он начнет перемещаться от одной к другой, люди успели занять свои места и подготовиться к съемке.

Ничто не может успокоить Клузо, унять его лихорадочное возбуждение. Возможно, безумие героя, которого играет Серж Реджиани, его бредовые галлюцинации передались режиссеру? Или он запечатлевает на пленке свой собственный скрытый невроз? Этот фильм с пророческим названием превратился в настоящий ад для актеров, которым здесь, в глухом провинциальном углу, кажется, будто они полностью отрезаны от мира, попали во власть какого-то безумного ученого-экспериментатора.

Роми с самого начала приняла решение во всем слушаться мастера. Позволила ему превратить себя в вызывающе сексуальную женщину, снималась с обнаженной грудью, хотя по контракту ей это было запрещено. В конце концов, она сама хотела предстать перед зрителями в новом облике, показать им новую грань своего дарования, разве нет?

Она не протестует, когда ее связывают и кладут на рельсы. Без возражений ложится в плексигласовый гроб, разрешает обсыпать себя пудрой с блестками и намазать оливковым маслом, чтобы на ее теле, словно в калейдоскопе, отразились муки влюбленного и безмерно ревнивого мужчины. Но она все чаще задает себе вопрос: не стала ли она сама объектом бредовых фантазий режиссера?

В этот день Роми неожиданно отказывается переодевать купальник и в очередной раз повторно сниматься в одной и той же сцене. А когда Клузо собственной персоной является к ней, желая понять, в чем проблема, и требует, чтобы она немедленно вернулась на съемочную площадку, она вдруг бросает ему в лицо: «Ты меня достал!» И убегает в свой трейлер, но перед этим угрожает, что бросит съемки и вернется в Париж.

К ней один за другим приходят посланцы Клузо, чтобы уговорить ее вернуться. Великий режиссер не может попусту терять время, тем более из-за капризов молодой женщины, которую он воспринимает как девочку-подростка. Ему надо заканчивать фильм. По крайней мере, так он объясняет свою позицию съемочной группе.

На самом деле его сводит с ума мысль, что исполнительница главной роли подвергает опасности его замысел и, возможно, никогда больше не предстанет перед объективом его камеры. Быть может, Клузо влюблен в Роми? Как еще объяснить ее присутствие почти в каждом кадре фильма?

Зачем он снимает ее в таком соблазнительном виде? Почему организует работу так, чтобы она постоянно находилась рядом с ним? А от Сержа Реджиани, напротив, всячески старается отделаться, словно испытывает что-то похожее на ревность, словно актер мешает ему создать вдвоем с Роми классическую пару «творец-творение»? И наконец, почему Инес, его

жене, категорически запрещено появляться на съемочной площадке, строго-настрого приказано не покидать отель?

Но Роми некогда размышлять обо всем этом. Серж Реджиани внезапно заболевает. Роми в каком-то смысле завидует ему. Возможно, эта болезнь – проявление своего рода коллективной психосоматики, концентрация тех страданий, которые пережили все актеры, участвующие в съемках? Реджиани уезжает, и это становится для него завершением актерской карьеры. Вслед за ним Роми тоже решает уехать.

Но Клузо смог уговорить ее остаться. Неслыханное дело: он пешком дошел до ее трейлера. Что он ей сказал? Что без нее фильм потеряет всякий смысл? Что ее никем нельзя будет заменить? А еще он хочет представить ей нового партнера, Жана-Луи Трентиньяна, который был срочно вызван на замену Сержу Реджиани.

И Роми решает остаться, отчасти из любопытства, отчасти потому, что ей все же хочется довести этот проект до конца. Она проводит несколько репетиций с Трентиньяном. У них мало времени, чтобы обсуждать происходящее. Трентиньян необычайно элегантный мужчина. Сдержанный, очень дотошный в работе. Но они не успевают вдвоем предстать перед камерой: у Клузо случается инфаркт. Съемки приостановлены. Все испытывают ужас и одновременно облегчение. Роми сразу же покидает Канталь и возвращается в Париж.

От фильма сохранились четыреста двадцать пять пленок отснятого материала. Только через сорок пять лет, благодаря самоотверженным усилиям Сержа Бромбера, эти пленки будут найдены. Фильм Клузо не выйдет на экраны, а сам режиссер, чье здоровье подорвано, уже не вернется в кино.

По дороге домой Роми вспоминает, как Реджиани перед самым отъездом попросил у нее фотографию, «где она маленькая». Он хотел посмотреть, какой она была в детстве. А Роми не поняла, что он имеет в виду, и принесла ему фото маленького размера. Поняв свою ошибку, она почувствовала себя полной дурой. Как же они оба смеялись тогда! Ей бы хотелось, чтобы это было единственное воспоминание, оставшееся у нее от фильма «Ад».

1 апреля 1965 года

Берлин

Роми берет бокал шампанского, чтобы придать себе уверенности, и проскальзывает в толпу гостей. Здесь разная публика, есть бизнесмены, есть люди искусства. Муж Магды созвал на открытие своего нового ресторана всех берлинских знаменитостей. Он все еще лелеет надежду стать ключевой фигурой в деловом мире Германии.

Этот кельнский ресторатор предпочитает, чтобы его называли либо по инициалам – ГГБ, как если бы он был американским президентом, либо папочкой, как с раннего детства привыкли его называть Роми и ее младший брат Вольф. Брак с Магдой Шнайдер открыл ему доступ в мир кино, и теперь он, щеголяя красной гвоздикой в петлице, постоянно трется среди известных представителей этого мира в коридорах киностудий и в перерывах между съемками.

Лет десять назад, по случаю его пятидесятилетия, в газете, которую выпускает его фирма, появилось специальное приложение, состоявшее исключительно из его фотографий: вот он в раннем детстве, в матроске, а вот – в элегантном смокинге, на какой-то вечеринке; здесь – в непринужденной позе на фоне спортивного автомобиля, а здесь – на борту гоночной яхты.

Ганс Герберт Блатцхейм любит изображать из себя неотразимого соблазнителя, покорителя сердец и умов. Чтобы реализовать свои мечты о будущем величии, он устроил невероятно пышный прием. И потребовал, чтобы там присутствовала Роми. Она знает, что ее демонстрируют, как трофей: в сущности, она им и была, притом всю свою жизнь. Она – кинозвезда, с которой хочет познакомиться каждый.

Роми согласилась на это только ради матери; она так и не простила отчима, растратившего ее деньги. Она снова приехала в Германию. А ведь была уверена, что вернется на родину

нескоро: рана, которую нанесли ей во времена «Сисси», еще не затянулась. Она последовала совету Магды и согласилась посетить этот великосветский коктейль. Ей здесь нечего делать. Но, как утверждает Магда, все собравшиеся просто счастливы увидеть ее и расцеловать.

Роми прохаживается среди гостей. Один из них привлекает ее внимание. Возможно, потому, что его облик резко контрастирует с окружающей обстановкой? Утонченная элегантность, впечатление интеллигентности, которое подчеркивают очки в строгой оправе, – все это трудно не заметить в переполненном ресторане.

Это Гарри Майен, прозаик и драматург. Что общего может быть у Роми с таким человеком, если не считать ее любви к театру? И все же в этот вечер Роми – опять-таки в присутствии матери, встречает еще одного мужчину, который сыграет важную роль в ее жизни.

Здесь, в западноберлинском «Европа-центре», Роми видит только его, мужчину ничем не примечательной внешности, но обладающего каким-то неизъяснимым обаянием. Снова любовь с первого взгляда, но на сей раз ее избранник – полная противоположность Алену Делону. Одинокая, углубленная в себя натура, Гарри Майен тем не менее хорошо известен в Западном Берлине. Это влиятельный интеллектуал. И среда, в которой он вращается, неудержимо притягивает Роми.

Майен – человек театра. Этим он и покорила Роми в тот вечер.

Май 1965 года

Берлин

Они встречаются снова и ужинают вдвоем. Роми и Гарри тянуло друг к другу с первой встречи. Она даже решила задержаться в Берлине, надеясь увидеться с ним опять. А увидевшись, поняла, что больше не сможет без него жить. Этот человек ее завожол.

Есть только одна проблема: Гарри Майен расстался с женой, но еще не получил развода. А Роми не хочет упускать шанс опять обрести счастье.

У Гарри не хватает денег, чтобы начать бракоразводный процесс. Но Роми настроена решительно. Этот мужчина ей нравится, их познакомила ее мать, он говорит на ее родном языке, и он, несомненно, принесет ей покой и утешение после страданий, которые причинил ей уход Алена. Чтобы они могли пожениться, она предлагает Майену оплатить развод. Актерские гонорары Роми дадут ему возможность повести ее к алтарю – впервые в ее жизни.

15 июля 1966 года

Сен-Жан-Кап-Ферра

Сегодня солнечный летний день. Вокруг – пейзаж ее мечты, побережье Средиземного моря, которое она открыла для себя во время путешествий. Она захотела, чтобы бракосочетание было приурочено к предстоящим съемкам на юге Франции. Чтобы ее свадьба с соотечественником состоялась на ее второй родине, в присутствии брата и самых близких людей. В Сен-Жан-Кап-Ферра, с видом на море.

Из отеля, где поселились жених с невестой, они выходят порознь, чтобы не нарваться на толпу фотографов, поджидающую их уже несколько часов. Формальности в мэрии занимают меньше пяти минут – почти столько же, сколько церемония в Лас-Вегасе, которая сутками позже свяжет судьбы Брижит Бардо и Гюнтера Сакса. Две актрисы, чьими избранниками стали уроженцы Германии. Две женщины, влюбленные в Любовь.

Если не считать брата и нескольких самых близких друзей, немногие пришли сюда, чтобы порадоваться счастью Роми, вместе с ней испытать гордость от того, что она стала мадам Хаубеншток (такова настоящая фамилия Гарри Майена). Но для нее это не имеет значения.

Но сразу после окончания церемонии Роми исчезает. Ее ждут в Ницце, на студии «Викторина», где идут съемки нового фильма. Однако фотографы прибыли туда заранее, просидели

в засаде несколько часов и, когда она приезжает, буквально дерутся за возможность сделать хотя бы один снимок. Приходится вызывать полицию.

Роми в ловушке. Чтобы ее хотя бы ненадолго оставили в покое, она соглашается на две минуты предстать перед объективами фотографов, при условии, что потом они сразу же уйдут. Фотографы соглашаются на эту сделку. Она пытается изображать начинающую актрису, ослепленную вниманием папарацци, тогда как на самом деле ее от этого уже тошнит.

Продюсеры устроили в честь Роми небольшой прием, где гостям просто предлагают по бокалу шампанского, однако новое вторжение прессы в ее жизнь – хотя она приложила столько усилий, чтобы свадьба осталась в тайне, – испортило ей праздник. Она чувствует себя в опасности. Фотографы выются вокруг нее, точно коршуны, готовые на все, лишь бы подсмотреть хоть какие-то крохи личной жизни, которую она так тщательно оберегает от чужих глаз.

Единственное, что утешает Роми и что известно пока еще лишь ей одной, – это секрет, который скрыт под ее платьем из белого пике и который указывает на предстоящее радостное событие. Перед ней открывается прекрасное будущее, как в личной жизни, так и в профессиональной карьере. Наконец-то она закладывает основы того, что считает необходимым для своего душевного равновесия. У нее есть дом в Германии, муж, а вскоре появится и ребенок. Это будет семейная жизнь, такая, какую она часто представляла себе в мечтах.

Лето 1968 года

Берлин

Стоя у окна, Роми разглядывает вытянувшиеся вдоль улицы фасады вилл: это Груневальд, фешенебельный квартал Берлина, где она теперь живет с Гарри. Такая безмятежная жизнь должна была сделать ее счастливой. Все, что ее окружает здесь, говорит о счастье. Деревья возле дома напоминают о детских годах, проведенных в фамильном шале. А еще у нее теперь есть сын, который в эту самую минуту топал ножками, требуя, чтобы мама взяла его на руки.

Роми сдувает пылинки, осевшие на фотографии, отгоняет их тыльной стороной ладони, и они танцуют в солнечном луче. На снимке – профиль Гарри и силуэт женщины в белом свадебном платье: это она. Я здесь красивая, думает Роми. В тот день ее лицо светилось надеждами и мечтами, которые тогда казались ей осуществимыми.

У этой женщины вроде бы все хорошо. Но внешность обманчива. Перед мужем, его друзьями, перед маленьким Давидом Роми притворяется абсолютно счастливой. Она даже пытается убедить себя, что быть матерью семейства в неполных тридцать лет – это именно то, для чего она создана. Ведь после разрыва с Аленом Делоном ей так хотелось начать с чистого листа, навсегда распрощаться с Парижем и зажить спокойно.

А ведь именно за Делоном она когда-то мечтала выйти замуж. Сколько раз она представляла себе их совместную жизнь, фильмы, в которых они снимались бы вместе, аплодисменты, которыми встречают их в Каннах, но также и повседневную жизнь в Париже, ужины вдвоем, поездки в Рим, в гости к их общему другу Лукино Висконти.

Глядя, как ее полуторагодовалый ребенок делает первые шаги, она представляла себе сына, которого могла бы родить Алену. Но он решил иначе. И теперь она придумала себе счастливую жизнь с Гарри. Правда, у этой жизни есть один недостаток: в мире кино о Роми прочно забыли.

Давид забирается на деревянную лошадку. Роми становится на колени и обнимает его. Как она могла жить без него все эти годы? Что бы малыш ни натворил, она никогда не ругает его. С тех пор как 3 декабря 1966 года в западноберлинской клинике Рудольф-Вирхов он появился на свет, она целыми днями только и делает, что любит его.

Время идет, а Роми разучивает новую для себя роль, роль жены и матери. Раньше ей казалось, что у нее впереди уйма времени, а теперь ее нередко охватывает паника. После рожде-

ния сына она решила, что несколько месяцев не будет сниматься; но как же томительно долго тянутся часы, когда не звонит телефон! Разве об этом она мечтала? Да и совместная жизнь с Гарри далека от идеала. Днем он занят тем, что обдумывает очередной творческий замысел, ночью пишет – в одиночестве, в борьбе со своими внутренними демонами. А неудачи вымещает на Роми.

Она бродит по комнатам виллы, обставленным совсем не в ее вкусе. Как здесь будет расти ее сын? Добиться взаимопонимания с Гарри становится все труднее, а иногда не получается совсем. С недавних пор он стал молчаливым, замкнулся в себе, и ему нравится принижать ее на людях – в присутствии немногих друзей, которые еще к ним приходят, – заявляя, будто она ничего не смыслит в искусстве театра. Может, в действительности их союз был построен не на любви с первого взгляда, а на трезвом расчете?

Гарри принимает все больше снотворных препаратов: из-за этого он даже проспал рождение сына. К моменту, когда он наконец вырвался из объятий Морфея, Роми уже успела родить. Зачем он это делает? Возможно, чтобы забыть о профессиональных неудачах? Или о трагической истории своей семьи? Об участии отца, еврея, погибшего в концлагере? Хоть Гарри никогда не говорил об этом, в его душе жила скорбь человека, чудом спасшегося от гибели.

Его судьба, отмеченная печатью холокоста, то, что он летом 1942 года попал в берлинскую тюрьму гестапо, затем был переведен в ее гамбургское отделение и только после этого вышел на свободу, – все это словно бездна, в которую регулярно приходится погружаться и Роми. В истории его семьи многое для нее осталось неизведанным, и это заставляет Роми задуматься над секретами ее собственной семейной истории.

Гарри на четырнадцать лет старше, и с самого начала их отношений имел на нее определенное влияние. В Берлине она одна, у нее нет никаких ресурсов, кроме собственного обаяния. Теперь она существует только как довесок к мужу, начинает сомневаться в своих возможностях и в итоге теряет веру в себя. Определенную роль тут сыграло и то, что она уже не в состоянии обойтись без коктейля, которым ее муж спасается от мигрени: это сочетание алкоголя и обезболивающего средства под названием «опталидон». Приняв это зелье, Роми сразу же успокаивается, но впадает в заторможенное состояние, близкое к оцепенению.

А что, если французские кинодеятели окончательно сбросили ее со счетов? Эта мысль возвращается снова и снова – как приступ боли.

Звонит телефон. На другом конце провода слышен голос, который она узнает из тысяч других и который переносит ее на несколько месяцев назад. Как обычно, он не называет себя. Откуда он узнал ее номер? Почему вдруг решил преодолеть барьер, который она с таким трудом сумела воздвигнуть между ними?

Ален Делон говорит спокойным, приветливым голосом. Он просит стать его партнершей по следующему фильму – «Бассейн», режиссера Жака Дере. Две другие роли будут играть Морис Роне и молодая английская актриса Джейн Биркин. Сюжет ей наверняка понравится. К тому же они получают возможность вместе провести лето в Сен-Тропе. В любом случае без нее участвовать в этом фильме он не будет.

Догадывается ли он в этот момент, что преподносит ей подарок, о котором она мечтает уже давно, пусть и втайне, не признаваясь даже самой себе, – возвращение в кино? Роми выдерживает паузу. Потом замирается – и дает согласие.

Ален Делон в восторге. Это его личная победа. Ведь это он путем закулисных маневров добился, чтобы роль Марианны предложили Роми. Продюсер называл имена Дельфин Сейриг и Моника Витти. Некоторые сомневались, что Роми еще способна играть. Говорили, будто ее актерская карьера застопорилась. Но Ален выдвинул условие: фильм будет снят с участием Роми – либо без него.

Роми сама не своя от радости. Она не знает о борьбе, которую Алену пришлось выдержать ради нее; сам факт, что он выбрал ее в партнерши, наполняет ее счастьем. «Спасибо, Ален!»

Только тут до нее доходит, как мучительно не хватало ей все это время возможности говорить по-французски.

12 августа 1968 года

Аэропорт Ниццы

Он расхаживает по летному полю. Журналисты выются вокруг него, как пчелиный рой: еще бы, ведь через несколько секунд им предстоит запечатлеть момент, который войдет в историю кино – воссоединение легендарной актерской пары, Алена Делона и Роми Шнайдер. «Невесту Европы» ждут с лихорадочным нетерпением. Никто уже не надеялся, что она придет. Съемки пришлось отложить на несколько месяцев из-за майских событий в Париже.

Черная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами и светлые брюки: такая одежда, говорящая о раскованности и беспечности, резко контрастирует с душевным состоянием Делона: он весь на нервах. Будет ли эта встреча, здесь, в присутствии журналистов, такой нежной, такой волнующей, как он надеялся? Возродится ли прежняя магическая связь между ними и сможет ли камера Жака Дере уловить эту магию?

В нескольких метрах от Делона стоит молодой журналист, которому сегодня предстоит сделать первый репортаж. Телекомпания «Франс-3» (Лазурный Берег) поручила Жану-Мари Молиненго осветить предстоящее событие. Когда он подходит к Делону, то втайне надеется, что звезда «Леопарда» и «Самурая» не захочет отвечать на его вопросы. Он старается унять дрожь в руках. Однако, вопреки ожиданиям, Делон не отказывается дать ему интервью и даже соглашается пройти несколько шагов до зарослей кактусов: такой фон больше подходит к настроению будущего фильма, чем безликие здания аэропорта. До прибытия самолета, на котором летит Роми, осталось всего несколько минут.

Словно обращаясь ко всей Франции, Ален Делон смотрит в объектив и наставительным тоном произносит: «Сегодняшняя Роми – женщина в расцвете лет, это уже не юная девушка, не Сисси. Да, это не малышка с круглыми щечками, а настоящая женщина. Впрочем, скоро вы убедитесь в этом сами».

И тут она появляется. Роми Шнайдер выходит из самолета – и сейчас она красивее, чем когда-либо. В самом деле, актриса, которая предстает сейчас перед Делоном, не имеет ничего общего с девушкой, которую он оставил пять лет назад. Длинные волосы подчеркивают новую, более выразительную женственность ее облика, лицо уже не такое круглое, но по-прежнему сияющее.

Спускаясь по трапу, Роми не сводит глаз с Алена. Сначала они обмениваются вежливыми поцелуями в знак приветствия. Затем она обнимает его. И медленное движение рук в длинных белых перчатках, обвивающих его шею, исполнено неизъяснимого изящества. Он целует ее в щеку – раз, другой. А вот и поцелуй в лоб, у самого виска, которого ей так недоставало все это время. Роми светится счастьем. И смеется – громко, весело, от всей души.

– Вы рады снова встретиться с Аленом Делоном?

У Жана-Мари Молиненго слегка дрожит голос. Прежде чем ответить, Роми делает секундную паузу. По ее глазам видно, насколько она взволнована. А когда журналист спрашивает у Делона, взволнован ли он этой встречей, актер уклоняется от ответа, отделяваясь шуткой:

– Но это же естественно, разве нет? Ведь даже вы исполнены волнения, хотя всего лишь держите в руке микрофон!

По тому, как ведут себя эти двое, чувствуется, что они очень смущены. Роми то и дело издает короткий нервный смешок, поворачивает голову то вправо, то влево, а встретившись взглядом с Аленом, сразу отводит глаза. А его смущение заметно в привычном жесте, которым он приглаживает волосы, в задорном тоне, каким он обращается к журналистам. Но постепенно

эта неловкость исчезает. Остается только счастье, переполняющее их обоих, счастье, что в этот миг они вместе.

Эта встреча двух близких людей происходит в присутствии журналистов, год за годом докладывающих в прямом эфире о важнейших событиях в жизни Роми Шнайдер. Пусть даже она привыкла к их пристальному вниманию, – нелегко общаться в такой обстановке с человеком, которого она когда-то любила и с которым не виделась уже десять лет. Да, со дня их первой встречи прошло ровно десять лет.

Они повзрослели, у каждого сложилась своя жизнь, но они помнят, что почувствовали в тот день 1958 года, когда впервые встретились на летном поле Орли. А сегодня, летом 1968 года, зрители видят здесь влюбленную пару, жаждущую свободы. Кто из зрителей не мечтает сейчас оказаться на месте этой прекрасной женщины в белом платье, на которую с нежностью смотрит самый красивый мужчина Франции, одетый в черную кожаную куртку?

30 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Рокот толпы, собравшейся у дома, проникает на этажи, все выше и выше, как волна прилива: она наверняка услышала бы его с кровати, где сейчас лежит, если бы еще могла слышать. Зрители, которые аплодировали ей, теряли голову от страсти или от зависти, когда она появлялась перед ними, сегодня здесь, чтобы проститься. Кто-то пришел с тайным желанием увидеть Роми в последний – возможно, единственный – раз в своей жизни, словно они могли унести с собой частицу ее очарования.

Хотя жандармы перекрыли улицу, многим папарацци удалось просочиться через оцепление. Те, кто преследовал ее до последнего дня ее жизни, рассчитывают сделать еще один, финальный снимок. Некоторые из этих стервятников провели ночь, спрятавшись в багажниках автомобилей, другие пытаются пробраться в дом, переодевшись сотрудниками ритуальных служб. Однако на данный момент никому не удалось прорвать линию обороны – благодаря бдительности ангелов-хранителей. Эти трое прибегли к различным ухищрениям, чтобы не дать нарушить покой Роми. Это консьержи дома – супруги Жан и Жизель Дюамель, а также Ален Делон.

В то время как последний в помещении для консьержа слушает передаваемые по телевизору последние сообщения о смерти «любимицы публики Роми Шнайдер», консьержка впускает избранных посетителей. Словно Цербер, она звонит в квартиру Роми, докладывая о каждом визите, и дает «зеленый свет», только если получит разрешение. Делон посчитал нужным убрать ручки с входных дверей, чтобы никто не смог открыть их самостоятельно. Консьерж Жан бросается выполнять его распоряжение. Бесшумно и незаметно сняв ручки, он по черной лестнице спускается в подвал с проверкой, не спрятался ли там кто-нибудь. Точно сотрудник службы безопасности, он прохаживается взад-вперед по парковке, осматривая все уголки, где можно затаиться.

Дом 11 по улице Барбе-де-Жуи превращается в осажденную крепость, чтобы защитить комнату на четвертом этаже, где покоится спящая принцесса.

Постепенно народу в комнате становится все меньше. Адвокат Роми, Жан-Мишель Дарруа, вместе с владельцем квартиры, тунисским продюсером Тараком Бен Аммаром, отправляются в похоронное бюро на улице Варенн, чтобы выбрать гроб. Жан-Луи Ливи, агент актрисы, решается спуститься вниз и выйти на площадку перед домом, которая уже стала напоминать поле битвы. Обстановка постепенно накаляется, репортеры и фотографы теряют терпение и начинают проталкиваться вперед в желании проникнуть в дом.

Через несколько часов Роми останется одна. В одиночестве, от которого пыталась спастись всю свою жизнь.

После ухода Роми в комнате останутся десятки фотографий Давида, приколотых к стене, главным образом над ее маленьким секретером. Улыбающееся лицо ее сына в разных вариациях целиком оккупировало один из углов комнаты. Кое-кому покажется, что она устроила здесь нечто вроде мавзолея. Но для нее это было пространство умиротворения, где она могла отрешиться от суеты, чтобы поговорить с ним. Его глаза с любовью смотрели на нее со стен, их свет разгонял утренний сумрак и ночную тьму. Это было первое, что она видела, просыпаясь, и последнее, что она видела перед тем, как сомкнуть веки, – иногда уже на рассвете.

Конец 1968 года

Киностудия в Булонь-Бийанкуре

В полумраке зала перезаписи Роми, серьезная и сосредоточенная, заканчивает работу над озвучиванием английской версии фильма «Бассейн». Хотя режиссер Жак Дерэ еще на стадии съемок договорился с актерами, что они будут дополнительно озвучивать по-английски диалоги в каждом отснятом эпизоде, осталось исправить еще несколько мелочей.

Роми пообещала режиссеру, что будет в его распоряжении все время, какое понадобится для завершения работы над «Бассейном». Она уже поняла, что этот фильм станет этапным в ее актерской карьере и в ее жизни. Он знаменует ее возвращение в кино и одновременно – возобновление отношений с Аленом Делоном. Былая страсть уступила место другому, менее бурному, но еще более сильному чувству. Он живет с актрисой Мирей Дарк. А она все еще замужем за Гарри Майеном, но ее судьба снова решается в Париже.

Роми на несколько минут выходит из зала озвучивания, чтобы продолжить спор с одной из сотрудниц технической службы. Она говорит так громко и так быстро, что не видит и не слышит, как к ним подходит мужчина и внимательно смотрит на нее. Он спрашивает, где найти некую Роми Шнайдер, но замолкает на полуслове, завороченный обаянием и темпераментом незнакомки.

Он спрашивает, как ее зовут. А затем представляется: Клод Соте, кинорежиссер. Приехал на студию в Булонь-Бийанкуре по приглашению Жака Дерэ, который, узнав, что Соте уже давно и безуспешно ищет актрису на главную роль в своем новом фильме «Мелочи жизни», посоветовал тому пообщаться с исполнительницей главной роли в «Бассейне». И был прав: по мнению Соте, она идеально подходит на роль Элен. Еще бы: красота Роми заворочила его с первой минуты. А ее заинтересовал этот мужчина с живым, внимательным взглядом...

Их близкие отношения исчерпают себя задолго до того, как Роми, снявшись в его фильме, превратится в кумира зрителей. Клод Соте женат, и не намерен разводиться. И в итоге, словно для того, чтобы дать своей любви другую возможность реализоваться, эти двое за восемь лет снимут вместе помимо «Мелочей жизни» еще четыре фильма.

Весна 1969 года

Париж, авеню Фош

К Роми приходят два молодых человека, они явно волнуются. Один из них протягивает ей лист бумаги, на котором написаны ноты и, не слишком разборчиво, слова песни Элен для фильма «Мелочи жизни». Это Жан-Лу Дабади, автор текста. Другой – Филипп Сард, композитор.

Фильм отснят. Клод Соте ждет подходящего момента, чтобы выпустить его на экран. Для режиссера на карту поставлено все: он рассчитывает на триумфальный успех, который позволит ему выйти из забвения; если же его надежды не оправдаются, он закончит карьеру. Вот почему он решает вначале провести несколько предпремьерных показов. На данный момент он доволен результатом: зрители выходят из зала потрясенные и растроганные.

И в этом большая заслуга Роми. Она блестяще сыграла роль Элен, любовницы Пьера, которого играет Мишель Пикколи. В этой вымышленной любовной истории слышатся отго-

лоски реальной любви Роми и Клода Соте, любви, не имевшей будущего. Взять хотя бы сцену в машине, где Элен говорит Пьеру: «А почему бы тебе не вернуться к семье? Раз тебя там ждут – катись!.. Мне хочется плакать, потому что я устала. Устала любить тебя». В этом эпизоде проливали слезы не только Элен, вместе с ней плакала и сама Роми.

Актриса долго смотрит на листок бумаги с нотами и текстом песни. Филиппу Сарду еще нет и двадцати, он только что окончил консерваторию. Но когда он сыграл Клоду Соте пятнадцать тактов музыки, написанной им к фильму, на глазах у режиссера выступили слезы. В итоге перед самой премьерой, Жан-Лу Дабади и Филипп Сард решили дать новую жизнь этой музыкальной теме: создали песню, которую будет напевать Роми.

Ничего не сказав режиссеру, Филипп Сард попросил Жана-Лу Дабади написать на его музыку несколько слов. А затем они пришли со своим проектом к той, чей сияющий облик наполнял жизнью весь фильм с начала до конца. В надежде, что она не только согласится петь эту песню, но и приедет на студию, чтобы записать ее.

*Я так любил тебя, Элен,
Но надо нам расстаться.*

Бегло прочитав текст, Роми чувствует, что волнение захлестывает ее. Эти слова как будто про нее написаны. Ей нравится идея спеть их в фильме Клода Соте, но она знает, что ее вокальных данных для этого недостаточно.

По сути, эта песня – рассказ о ее жизни. Она все еще замужем за Гарри Майеном, но решила, что больше не будет изображать в их берлинском доме покорную супругу, хранительницу домашнего очага, которая постоянно поддерживает мужа в его безнадежной погоне за успехом и в конце концов дает втянуть себя в порочный круг.

*Я вижу в зеркалах, как сгущаются сумерки.
Это моя жизнь.*

Сейчас Роми стоит у фортепиано, босая, в слишком длинных брюках. Композитор разглядывает ее и думает: как эта женщина непохожа на идеально фотогеничное создание, которое он видел на экране во время просмотра фильма. Она словно бы меньше ростом, без косметики, волосы рассыпаны по плечам. Узнал бы он ее, если бы вдруг встретил на улице? Она кажется более ранимой и хрупкой, чем героини, образы которых она воплощала до сих пор. В такую Роми мог бы влюбиться он сам.

В момент, когда Жан-Лу Дабади напевает начало песни, Роми, которая за несколько минут до этого сообщила им, что фальшивит при пении, вдруг открывает рот и под аккомпанемент Филиппа Сарда допевает песню до конца. Словно по волшебству, как перед камерой Клода Соте, ее лицо тут же начинает притягивать свет. Это мгновение словно застывает во времени, но вот песня заканчивается. Лицо Роми залито слезами.

1971 год

Сет

Съемки приостановлены. Роми Шнайдер, Ив Монтан, Сами Фрей, а также Жан-Лу Дабади и часть съемочной группы фильма «Сезар и Розали» смотрят, как Клод Соте в приступе ярости вдруг поворачивается к ним спиной и уходит. Несколько минут спустя никто уже не вспомнит, что привело его в такое состояние, но как бы там ни было, режиссер, чтобы успокоиться, захотел сделать небольшой перерыв в работе и прогуляться по пляжу. Один.

Роми отваживается пойти за ним. Она знает, что Клод – натура вспыльчивая и ранимая. «Сезар и Розали» – уже третий фильм, который они делают вместе: первым был «Мелочи

жизни», за ним последовал «Макс и жестянщики». Только она может унять гнев режиссера, когда во время съемок он впадает в бешенство или замыкается в угрюмом молчании. Только «цыпочка», или «Роминетта», как он ее называет, умеет найти слова, которые помогут ему успокоиться.

А если уговоры не действуют, она оставляет ему записки. Короткие сообщения на не всегда правильном французском языке, которые она наспех пишет ему в коротких перерывах между съемками. Она пользуется этим способом общения, когда, просмотрев только что отснятый материал, хочет дать ему совет или когда просто чувствует потребность сказать ему, что она всегда будет здесь, рядом с ним. Эти послания всегда начинаются с обращения «Мой Клод», а заканчиваются подписью: «Твоя Ро».

Клод Соте не может без нее обойтись, когда пишет сценарий, а она не может обойтись без него, когда работает над ролью. И только они двое знают механизм действия этого тандема. Роми бережит собственные душевные раны, чтобы правдиво отобразить перед камерой мастера любовь или страдания своих героинь. Героинь, в которых каждая француженка могла бы узнать себя. А Клод Соте добавляет в каждый фильм крупицу их личной любовной истории.

Ей нравится видеть в нем Пигмалиона и чувствовать себя его Галатеей. Иногда она даже требует, чтобы он смотрел только на нее. Недопустимо, чтобы другие актрисы хоть на миг завладевали его вниманием, – оно должно всецело принадлежать ей.

Через несколько лет, на съемках «Простой истории», Ева Дарлан станет свидетелем этой игры в кошки-мышки. Когда один из двоих отводит глаза от другого, тот всячески старается поймать его взгляд.

А когда журналист из «Франс-суар», взявший интервью и у Евы, и у Роми, в итоге решает посвятить свою статью одной только Еве, Роми не выражает по этому поводу ни гнева, ни разочарования. Она хладнокровно принимает решение: никогда больше не разговаривать с молодой актрисой, которую отныне считает своей конкуренткой. И намерена этого придерживаться вплоть до конца съемок.

Еще когда «Сезар и Розали» был на стадии сценария, Роми, пригласив Клода Соте и Жана-Лу Дабади к себе на ужин, выразила им свое недовольство: этот фильм, сказала она, попросту женская версия фильма «Венсан, Франсуа, Поль и другие», то есть наряду с историей Розали, героини Роми, там показаны истории еще нескольких женщин, а Клод же Соте, однажды вечером, когда они танцевали вдвоем в Раматюэле, пообещал ей, что снимет фильм для нее одной. Она прекрасно это помнит.

Тлеющий под пеплом огонь вот-вот вырвется наружу. Предотвратить скандал уже невозможно. После этого заявления супруга режиссера, Грациелла, настораживается: «Так ты, оказывается, умеешь танцевать? И вы с ней танцевали вдвоем?» Роми вскакивает с места и разражается рыданиями. Крича, хлопая дверьми, она убегает к себе в комнату, и оттуда доносятся такие вопли, что гости приходят в ужас. Она угрожает, что больше не будет сниматься. В этот вечер никому не удалось ее утешить.

После таких бурных сцен Роми ведет себя как напроказивший ребенок. Посылает Клоду огромные букеты и нежные письма, своим партнерам по съемкам подсовывает под двери гостиничных номеров записочки со словом «Спасибо!», написанным ее мелким, нервным почерком.

Быть может, Роми боится, что потеряет особое место, которое занимает в воображении Соте, перестанет быть единственной и незаменимой в его сердце? Или ее терзает страх, что режиссеры начнут терять к ней интерес и настанет день, когда ее вообще больше не захотят снимать? Она разгоняет эти мрачные мысли с помощью белого вина, которое приносит на съемки. Иногда она смеется – чтобы не заплакать.

30 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Она лежит на спине, словно надгробная статуя в королевской усыпальнице Сен-Дени, в той же позе, что ее бабушка по отцу, скончавшаяся во сне несколько месяцев назад, в Австрии, в возрасте ста пяти лет.

А Роми всего сорок три года.

Роза Альбах-Ретти была выдающейся актрисой, постоянным членом труппы знаменитого венского Бургтеатра. Помимо увлечения театром, Роми унаследовала от нее и первую часть своего имени. Ведь официально ее зовут Розмари. И через несколько часов именно это имя будет написано на ее могиле.

По небесно-голубому ковру, покрывающему пол в этой квартире, где она успела пожить совсем мало, сейчас снова и снова идут люди, проходят вперед, отступают на шаг, замирают, а затем становятся на колени.

Автор диалогов и слов к песням Жан-Лу Дабади долго стоит у изголовья ее кровати, напротив задернутых занавесей, сквозь которые просачивается немного света. Стоит и смотрит, а потом целует ее. Когда он дотронется щекой до ее оледеневших губ, то испытает потрясение, от которого не оправится никогда.

Ален Делон неподвижно сидит в кресле у двери.

Жерар Депардьё бьется головой о крышку гроба – так он дает выход своему горю.

Вокруг нее все осталось как было. Многочисленные посетители не сдвинули с места ни одной вещи. Полицейские из VII округа с самого начала строго следили за этим – на случай, если начальство вдруг решит начать расследование внезапной смерти артистки. Впрочем, исполняющий обязанности прокурора города решил иначе: он выдал разрешение на похороны. Но каждый из присутствующих чтит покой этой комнаты скорби, и ничто не нарушает царящую здесь тишину.

Через несколько часов она покинет это место, и толпа потянется за ней.

1972 год

Невер

Кто-то негромко, но отчетливо стучит в дверь трейлера – раз, другой, третий. Роми сначала колеблется, потом решается – и открывает дверь. Увидев, что пришла Режин, ее партнерша по фильму, она просит парикмахершу оставить их вдвоем.

Роми достает из корзины бутылку вина, которую тайком принесла ей парикмахерша, чтобы отпраздновать встречу. Режин, к тому времени уже общепризнанная королева ночного Парижа, то приезжает на съемки, то уезжает. Сейчас она возвращается из Монте-Карло, с церемонии открытия дискотеки в новом спортинг-клубе, где присутствовал сам князь Ренье. На Режин светло-бежевое платье от Диора – она еще не успела переодеться, – но, войдя в трейлер, она сбрасывает туфли; их каблуки облеплены грязью.

Она прибыла сюда с юга Франции на рассвете; по дороге к трейлеру надо было пешком пересечь сырую лужайку – точнее, даже не пешком, а бегом, потому что путь ей преградил бык и пришлось сделать большой крюк, чтобы не попасть к нему на рога. Сейчас она приходит в себя после этого путешествия и радуется встрече с давней подругой: когда-то они провели много вечеров вместе в ночном клубе Режин, *Jimmy's*, а третьим в их компании был Ален Делон.

Съемки нового фильма Пьера Гранье-Дефера «Поезд» проходят в сельской местности, недалеко от Невера. Роми играет в нем Анну Кюпфер, молодую еврейку, которая в 1940 году, примкнув к группе беженцев, садится в Бельгии на поезд, идущий в Ла-Рошель. В фильме снимались Жан-Луи Трентиньян (его персонаж, Жюльен Маруайе, едет в этом же поезде с беременной женой, но во время посадки их разлучают) и Режин (она играет проститутку, оказавшуюся в одном вагоне с Анной).

Подруги очень мало говорят о фильме и о роли Анны, которая произвела огромное впечатление на Роми. Когда они с Пьером Гранье-Дефером встретились в баре киностудии, где снимали «Макса и жестянщиков», и он предложил ей эту роль, она уже через несколько часов дала согласие. В тот момент режиссер занимался монтажом своего фильма «Вдова Кудер». Он заметил Роми во время перерыва между съемками, когда она, в черном кожаном плаще, изящно обмакивала сухарик в чай, и не удержался от искушения заговорить с ней.

Роми сразу же выразила желание с ним работать. Но надо еще найти подходящий сюжет, сказала она. Когда Гранье-Дефер вернулся домой, ему попался под руку роман Жоржа Сименона «Поезд». История поезда с беженцами глубоко взволновала его – в детстве он пережил эвакуацию. А Роми была небезразлична тема антисемитизма. Она уже упомянула об этом в разговоре с режиссером.

Режин знает об этом не понаслышке, но не касается этой темы ни единым словом. Она родилась в Бельгии, ее родителями были польские евреи; совсем юной она влюбилась в сына главного раввина Лиона. Когда она уже готовилась к свадьбе, жениха забрали в гестапо и отправили в концлагерь. Больше она его не видела и с тех пор живет с раной в сердце. Общим женщинам знакома боль разлуки, но они никогда не говорят об этом вслух.

Наступает утро, надо идти на съемочную площадку. Режин собирается надеть пестрое платье, которое купила в Париже на блошином рынке и которое ей нравится больше, чем то, что приготовила костюмерша. А Роми должна надеть ужасное, по ее мнению, черное платье. Незадолго до начала съемок режиссеру даже пришлось съездить вместе с ассистентом на машине из Парижа в Сен-Поль-де-Ванс, где отдыхала Роми, чтобы уговорить ее сниматься в этом наряде.

В последние несколько дней на съемочной площадке Роми ведет себя очень смело, даже вызывающе. Когда приходит время снимать сцену у колонки с водой, в которой вместе с ней участвует Жан-Луи Трентиньян, она упорно настаивает на том, чтобы играть с обнаженной грудью. Режиссер против, он предлагает Роми другой, тоже очень смелый вариант – надеть полупрозрачную белую комбинацию. Ему удается переубедить ее только с помощью довольно веского аргумента: с того ракурса, с которого ее снимают в этой сцене, одна ее грудь кажется ниже другой.

Чего она добивается? Рассчитывает с помощью этой уловки соблазнить партнера? Ведь плотская страсть связывает не только героев Роми и Трентиньяна; между самими актерами тоже рождается взаимное влечение. У Роми оно настолько сильное, что она не может думать ни о чем другом и во время работы на площадке только и ждет, когда режиссер крикнет «Стоп! Снято!» и объявит перерыв.

Роми играет очень эмоционально; нередко бывает, что в конце эпизода она плачет. И этим очень раздражает режиссера. В каждом таком случае он просит ее отснять еще один дубль, но только без слез. Это лишнее, объясняет Пьер Гранье-Дефер, она и так бесподобна. На что Роми отвечает: «А вот Клод Соте разрешает мне плакать».

Роми уже не расстается с Трентиньяном. Даже в свободное от съемок время их видят вместе. Однажды Роми узнаёт, что технический персонал группы разместили в дешевой гостинице, в десяти километрах от места съемок, в то время как она сама и Трентиньян проживают в пятизвездочном отеле. Возмущенная такой несправедливостью, Роми решает переехать в отель поскромнее, и Трентиньян следует ее примеру.

Несколько недель назад у Роми появился необычный помощник, Даниэль Бязини. Она познакомилась с ним на съемках «Сезара и Розали», когда работа уже шла к концу и она собиралась в Италию, где ей предстояло сниматься в «Людвиге». В перерыве между двумя фильмами она пригласила к себе домой, в Нейи, этого молодого человека, работавшего управляющим у продюсера Раймона Данона: ей сказали, что он смог бы организовать ее повседневную жизнь в Париже.

Недавно Роми окончательно покинула Германию и рассталась со своим мужем Гарри Майеном. В тот день, когда она открыла дверь Даниэлю, на ней было красное платье-кафтан, на голове – тюрбан, и никакой косметики. Домашний костюм в богемном стиле. По всей квартире были разбросаны сумки с вещами, бегал четырехлетний ребенок, которого она на время отсутствия оставила с няней-швейцаркой, не говорившей ни слова по-французски.

Эта первая встреча с Роми Шнайдер не произвела на Даниэля Бязини сильного впечатления. Но он согласился стать ее личным секретарем. Стал подыскивать франко-немецкую школу для Давида, занимался им, пока его мать была на съемках. Даниэль нашел ей другую квартиру, в квартале Сен-Жермен-де-Пре, а потом на улице Берлиоза, где она потом прожила несколько лет.

Даниэль был человеком, на которого Роми могла полностью положиться. Он управлял ее повседневной жизнью с поразительной эффективностью. Все затруднения устранял легко и быстро, для каждой проблемы умел найти решение. Казалось, пока он рядом, с ней не может случиться ничего плохого. А главное, она заметила, что он привязался к Давиду, и это чувство, похоже, было взаимным.

Вначале Даниэль собирался провести во Франции месяц-другой, а затем вернуться в Соединенные Штаты. А потом понял, что уже не сможет расстаться с этими двумя людьми – с ребенком, необычайно развитым для своего возраста, и женщиной, которая хотела дать сыну все самое лучшее и испытывала острое чувство вины из-за того, что не могла уделять ему достаточно времени.

Итак, Даниэль решил задержаться во Франции еще на несколько месяцев. Постепенно он стал своим человеком для Роми и Давида, был в курсе всего, что происходило на съемках, был поверенным сердечных тайн Роми, постоянно общался с ее ближайшими друзьями – актером Жаном-Клодом Бриали, ее агентом Жаном-Луи Ливи и режиссером Клодом Соте. Мало-помалу он стал замечать, что Роми меняется: ей снова хочется свободы.

И конечно, именно он становится посредником между Роми и Жаном-Луи Трентиньяном, доставляет записки, в которых влюбленные назначают друг другу свидания. Он их личный почтальон и ангел-хранитель. Он даже присутствует на их ужинах вдвоем, чтобы их никто не побеспокоил.

Постепенно Роми убедила себя в том, что Жан-Луи Трентиньян готов ради нее бросить свою жену. Она верит, что у них настоящая любовь. Не то чтобы она потеряла чувство реальности, просто съемочная площадка – особое место. Это мир, где времени не существует, где невозможное возможно и где легко превратиться в кого-то другого. Когда работа над фильмом заканчивается, она понимает, что у их любви нет будущего. Как всегда, это был самообман.

Лето 1974 года

Сен-Тропе

Почему летом 1974 года Роми одна приехала в Сен-Тропе? В надежде, что ее здесь ждет такой вечер, как сегодняшний. Давид, которому уже почти восемь, уехал на каникулы с отцом, а затем собирался отправиться в Грецию с дядей и двоюродными сестрами примерно его возраста.

Роми соскучилась по солнцу и решила приехать сюда, в этот город, где у одной из ее знакомых, владелицы ресторана «Эскаль», есть дом в горах. Она попросила Даниэля Бязини снять для нее дом. Она предположила, что он тоже приедет в Сен-Тропе: здесь в порту пришвартована яхта его родителей. Они условились встретиться в городе.

Сегодня вечером они ужинают вдвоем, долго, целыми часами беседуют, а затем с компанией друзей отправляются в дискотеку. В шесть утра Даниэлю приходит блестящая идея поплыть на яхте в бухту Канубье и встретить там восход солнца. И вот они отчаливают, слегка пьяные, но очень веселые, с бутылкой замороженного шампанского.

На море штиль, Даниэль стоит у штурвала, а Роми наблюдает за ним. На выходе из бухты в открытое море он медленно заглушает мотор. Потом вдруг слышится громкий всплеск, а затем наступает тишина. Даниэль выполнял сложный маневр и не видел, что произошло. Он оборачивается, но ничего не может различить в воде. Зато замечает другое: Роми, только что стоявшая на палубе, исчезла.

Проходит секунда, другая, третья, и Даниэль начинает беспокоиться. И вдруг она выныривает, хохоча, как маленькая девочка, которая радуется, что ее проделка удалась. Даниэль прыгает в воду, и их губы сливаются в поцелуе. Их первом поцелуе.

Весна 1974 года

Берхтесгаден, Германия

Этот пейзаж словно взят из диснеевского мультфильма. Шале с резными деревянными балкончиками, окруженное невысокими каменными стенами, на которых растут цветы. Масивное здание стоит посреди лужайки, где вокруг колодца пасутся несколько овец. В таком нарядном домике могла бы жить Белоснежка, могла бы жить Сисси. Здесь когда-то жила Роми.

Ее комната все там же, на втором этаже, над входной дверью. Магда оставила в ней прежнюю мебель, типичную обстановку австрийского усадебного дома. Круглый столик на одной ножке, покрытый белой хлопчатобумажной скатертью. Обложенный кирпичами камин, перед которым юная Роми любила устроиться в кресле и писать.

Вот уже несколько лет Роми раз в год приезжает сюда, нередко в одиночестве. А Магда с такой же периодичностью проделывает тот же путь в обратном направлении. Казалось бы, Франция не так уж далеко, но путешествие занимает много времени: самолетом до Берлина через Бонн; или до Зальцбурга, это ближе. А потом на машине до этой деревушки. В Берхтесгаден случайно никто не попадет.

На сей раз Роми приехала не одна – с ней ее новый спутник жизни, Даниэль. Через приоткрытую дверь она выходит из своей комнаты на балкон. Здесь она часто позировала фотографам во время рекламной кампании перед выходом на экран очередной серии «Сисси». Напротив нее, за лужайкой и въездными воротами, – приземистые домики зажиточных обитателей Шёнау, которые не раскрывают имена своих соседей. За ее спиной горы и господствующее над ними поместье Бергхоф, в прошлом принадлежавшее Адольфу Гитлеру.

Это была идея Даниэля – отправиться туда. Подняться на гору, которую они так часто рассматривали из окон. Увидеть место, в котором был разработан план «окончательного решения еврейского вопроса» и которое сделало горный массив Берхтесгаден частью мировой истории. Роми никогда не была в Бергхофе. Никогда не поднималась по этим крутым склонам до вершины. Никогда не пыталась сопоставить реальный облик этой местности с картинами, созданными ее воображением, в которых ее мать прогуливалась по занесенным снегом дорожкам поместья фюрера.

Роми и Даниэль усаживаются в огромную машину «бентли», взятую напрокат. Они предлагают Магде поехать с ними. К их изумлению, она соглашается. Завернувшись в меховое манто, со своей всегдашней грацией, она, не говоря ни слова, усаживается на заднее сиденье. Машина трогается с места.

Выехав из ворот, нужно еще выбраться из этого квартала вилл – он находится на отшибе. Спуститься в долину до Берхтесгадена, проехать вдоль реки. На здешние места стоит посмотреть: в свое время они не пострадали при бомбежках, потому что находились под особой охраной немецкой армии. Деревни, где война не разрушила ни одного дома, не напугала ни одного из детей, которые там росли. Заповедник площадью в несколько квадратных километров.

Подъем начинается за выездом из города. Дорога петляет, все время идя вверх, и за несколько минут достигает высоты в полторы тысячи метров. На последнем отрезке она под-

нимается очень круто. Этот отрезок часто затягивает туманом, поэтому по нему можно ездить не во всякое время года. Температура вдруг резко понижается.

Это происходит в 1974 году. Бергхоф еще не превратился в музей с центром документации, куда будут приезжать туристы со всего мира, чтобы прикоснуться к Истории. Примерно тридцатью годами ранее поместье Гитлера разбомбила британская авиация. Это произошло в апреле 1945 года. А через несколько дней после самоубийства фюрера эсэсовцы сожгли его бывшую резиденцию.

Вторая танковая дивизия французской армии, вошедшая в Берхтесгаден одновременно с дивизией американцев, обнаружила истинные размеры поместья, обширные подземные бункеры, в которых хранились произведения искусства, награбленные по всей Европе, и террасу, где Гитлер устраивал приемы для приближенных и знаменитостей и где Ева Браун снимала их всех своей камерой.

В тот день они увидели в Бергхофе только развалины. Три силуэта вырисовываются на фоне баварских Альп: Магда Шнайдер, Даниэль и Роми. Магда держит зятя под руку, а Роми запустила руку в карман его куртки. И в то время, как все трое вглядываются в горизонт, Роми толкает Даниэля кулаком в бок. Это значит «говори». Она хочет, чтобы ее матери вопросы задавал он.

И он понимает этот сигнал. Повернувшись к Магде, он задает первый вопрос. Тон у него иронический. Это место не вызывает у нее воспоминаний? Эти пейзажи ей знакомы? Она уже бывала здесь, не так ли? Магда делает вид, что не понимает. Нет, это место ей абсолютно незнакомо, она не помнит, чтобы когда-либо бывала здесь. Она говорит спокойно, не меняясь в лице.

Роми вздрагивает. И опять толкает Даниэля в бок. Что значит «продолжай». И он продолжает: «Магда, вы в самом деле никогда, никогда в жизни не бывали здесь?» Она долго не отвечает. А потом решается сказать правду.

Она уже поднималась в это горное гнездо, когда его хозяином был Адольф Гитлер. Приехала по приглашению Евы Браун. Да, она была знакома с фюрером. А также со многими высокопоставленными функционерами Третьего рейха и их супругами; в частности, с Мартином Борманом, советником Гитлера и одним из самых могущественных людей в тогдашней Германии.

Роми хотелось бы задать ей еще множество вопросов. Как жилось в Берхтесгадене, этой цитадели нацизма, в военное время? Почему Магда решила здесь поселиться? Почему она продолжала работать в разгар войны, когда многим артистам это было запрещено? Почему не уехала из страны, как Марлен Дитрих? На какие жертвы ей пришлось пойти ради продолжения карьеры?

Роми часто слышала разговоры о том, что до войны Адольф Гитлер не раз приезжал в Мюнхен, чтобы увидеть Магду на сцене, причем садился в первый ряд. Возможно, он был к ней неравнодушен? Какие отношения связывали их на самом деле? Была ли ее мать возлюбленной фюрера? Она часто задумывалась над этим.

Роми хочет ясности. Ей пора узнать правду.

Магда не отказывается отвечать. Она рассказывает, что купила это шале в Берхтесгадене задолго до начала войны. И оказалась вовлечена в исторические события. Да, она была одной из немногих граждан Третьего рейха, которых официально освободили от налогов. Но она мало снималась во время войны. И как отказаться от приглашения на чашку чая, если зовет соседка по имени Ева Браун?

У Роми больше нет вопросов. Ей просто было нужно, чтобы мать высказалась на запретную тему. Она сделала это впервые. Откровенный разговор с Магдой избавил Роми от чувства вины, мучившего ее долгие годы: ведь, не имея прямого отношения к преступлениям нацистского режима, ее мать все же сотрудничала с ним.

К тому же и сама Роми была немкой, а следовательно, как многие немцы ее поколения, ощущала долю ответственности за прошлое. Это бремя останется в ее душе навсегда. Как навсегда останутся на киноплёнке кадры с Магдой Шнайдер, которая пришла на чашку чая в Бергхоф, не подозревая, что фильм, снятый Евой Браун, уцелеет в военное лихолетье и однажды всплывет в американских архивах, в Вашингтоне, на другом конце планеты.

На этих кадрах мы видим веселую, улыбающуюся Магду в темном мантио, с завитыми локонами, свисающими почти до плеч из-под фетровой шляпы с перышком. Она прогуливается по заснеженным тропинкам вокруг Бергхофа с небольшой группой людей. А вот она позирует рядом с Гитлером, прижавшись к его плечу. Кто в этот момент стоит за камерой? Не сама ли Ева Браун, которая постоянно фиксировала на плёнке повседневную жизнь Гитлера и его гостей?

На других плёнках Ева Браун предстает перед зрителем собственной персоной. В кадре – не сотня людей, даже не десяток. Обычно не больше трех. Они позируют на природе, на фоне деревянной изгороди, в зимний день. Официальная подруга фюрера смотрит на своего кумира. Он выглядит так, как на всех фотографиях и во всех хроникальных фильмах, снятых в то время: в широкой, длинной шинели с массой пуговиц, в руке – трость. И тут же, совсем близко – Магда. Она смотрит прямо в объектив.

В тот день Роми не говорит матери о том, сколько страданий причинили ей эти кадры и вся эта история, ставшие достоянием гласности. Была ли Магда знакома с Паулой, младшей сестрой Адольфа Гитлера, которая после войны осталась в Берхтесгадене и жила там до самой смерти в 1960 году? Ведь Паула похоронена на кладбище Шёнау, той самой деревни, где Роми провела все свое детство.

Довелось ли Магде перелистать или хотя бы увидеть номер журнала «Шпигель» от 7 марта 1956 года, со статьей о детях «поколения нацистов»? В статье идет речь, в частности, о молодом актере Гётце Георге, сыне Генриха Георге, которого после войны обвиняли в активном сотрудничестве с гитлеровским режимом. Гётц Георге играл в фильме «Когда зацветет белая сирень» вместе с Роми.

Роми тоже фигурирует в списке детей «поколения нацистов», более того, ее фотография помещена на обложку журнала. На снимке – улыбающееся лицо восемнадцатилетней Роми. Под снимком подпись, которая потом долго будет ассоциироваться с Роми и которая объясняет неприязнь актрисы к прессе ее родной страны: «Гейзельгастейгская мадонна». (Гейзельгастейг – пригород Мюнхена, где находится знаменитая киностудия.)

18 декабря 1975 года

Отель «Герус», Западный Берлин

Даниэль Бязини приезжает с родителями к Роми в Западный Берлин. Он счастлив, но безмерно устал. Накануне он устроил мальчишник в парижском закрытом клубе-ресторане «Кастель», а в пять утра сел на самолет с пересадкой в Бонне, чтобы воссоединиться с невестой, которая с нетерпением ждет его в отеле. Он почти не спал, ну да ладно, день ведь только начинается!

Несколько месяцев пролетели как один день, но Роми по-прежнему убеждена: Даниэль – именно тот мужчина, с которым она наконец-то создаст настоящую семью.

Прошлым летом Роми и Даниэль отправились на яхте на Корсику, в порт Кальви. Сойдя на берег, Роми находит телефон-автомат и звонит в Париж, узнать, как там Давид, которого она оставила с няней. Няня сообщает, что ей звонил месье Висконти и просил связаться с ним как можно скорее.

Роми вешает трубку, отыскивает в сумке мелочь и набирает римский номер Висконти. Тот сразу же подходит к телефону и предлагает Роми сниматься в его новом фильме с участием Алена Делона. Для этого она должна приехать в Рим. Рядом с ней в телефонной будке стоит

Даниэль. Когда она отвечает: «Я не могу сниматься, я беременна!» – Даниэль пристально смотрит на нее. Неужели она это выдумала, чтобы под благовидным предлогом отказаться от участия в фильме? Или это правда, и он сейчас случайно узнал чудесную новость? Роми вешает трубку, улыбается и бросается в объятия любимого человека. К несчастью, через несколько дней, 31 декабря, у нее на четвертом месяце беременности случится выкидыш из-за инфекции, которую она подхватила при хирургической операции на зубе мудрости.

После этого несчастья и путешествия на Ямайку, которое они предприняли, чтобы отвлечься, Роми объявила изумленному Даниэлю, что хотела бы вступить с ним в законный брак. Она уже все спланировала: утром – бракосочетание в Берлине, в полдень – обед с родителями, а вечером того же дня – вечеринка в Париже.

Чтобы не привлекать внимания папарацци, местом как для проведения церемонии, так и для обеда назначают отель, где Роми остановилась два дня назад. Среди почетных гостей – бургомистр Западного Берлина. Знаменитый парикмахер Александр специально прилетел из Парижа, чтобы заняться прической невесты. В качестве головного убора Роми выбрала венок из флердоранжа. А в три часа – снова в дорогу. В сопровождении родителей Даниэля и Магды новобрачные едут в аэропорт, где они садятся в самолет до Парижа.

Они решили, что вечеринка должна пройти в «Оранжери», знаменитом ресторане на острове Сен-Луи, где привыкли бывать в обществе Клода Соте, Жана-Луи Ливи, продюсеров Раймона Данона и Альбина дю Буаруврэ, а также Жан-Клода Бриали. Скоро все они будут здесь, рядом с ними, чтобы поднять бокалы за их любовь. И посмотреть на счастливое лицо Роми.

Итак, после Алена и Гарри Даниэль стал еще одним мужчиной, с которым она захотела соединить свою жизнь, создать домашний очаг, испытать чувство защищенности. Но кто может в полной мере чувствовать себя защищенным? Роми хочет увековечить этот миг. Миг ничем не омраченного счастья, идеальный, как почтовая открытка.

Вместо обручального кольца (Роми решила от него отказаться) на пальце у нее три тоненьких колечка от Картье, подаренные Даниэлем. А она преподнесла ему кольцо с печаткой, которое всю жизнь носил ее отец, – зеленый камень с вырезанными на нем инициалами W и A (Вольф Альбах). Она добавила еще два – D (Даниэль) и R (Роми). Теперь они связаны навсегда.

3 апреля 1976 года

Париж, Дворец Конгрессов

Такое событие Роми не пропустила бы ни при каких обстоятельствах. Ей предоставили место в первом ряду этого престижного парижского зала, и она настояла, чтобы вместе с ней пригласили и Даниэля. Сегодня большая семья кинематографистов явилась на первую в истории церемонию вручения премии «Цезарь», недавно учрежденной французской Академией кино.

Президент академии, продюсер Жерар Кравен, решил создать французский аналог голливудской кинопремии и организовал в этой связи торжественную церемонию, которая смогла бы соперничать по популярности с легендарной церемонией вручения «Оскара». И сегодня вечером все обещало быть как в Америке – красная дорожка, смокинги, вечерние платья и бриллианты.

Роми здесь не просто одна из приглашенных. Она номинирована на «Цезаря» в категории «Лучшая актриса», и, как уверяет Даниэль, у нее есть шансы получить премию. Но она ни секунды не верила в это. Ведь наряду с ней номинированы актрисы, которыми так восхищается пресса: Катрин Денёв, Дельфин Сейриг и Изабель Аджани. С какой стати ее должны предпочесть кому-то из них?

Церемония начинается. Называются имена, звучат овации, льются слезы счастья, смахиваемые тыльной стороной ладони, мелькают пальчики с накрашенными ноготками. Роми словно парит в невесомости в этом огромном зале, где сгущается духота.

И вдруг появляется Ив Монтан в белоснежном смокинге. Он выходит на сцену деловой и одновременно непринужденной походкой, с улыбкой на губах. Монтану, партнеру Роми по фильму «Сезар и Розали», поручено вручить заветную статуэтку лучшей актрисе. Роми облегченно вздыхает. Если она получит премию, ей не так страшно будет подниматься на сцену: ведь там рядом с ней будет он.

До оглашения вердикта академиков осталось всего несколько секунд. Ив Монтан нарочно тянет время, нагнетая напряжение: «На премию “Цезарь” в категории “Лучшая исполнительница главной женской роли” номинированы четыре актрисы: Изабель Аджани за “Историю Адель Г.”, Катрин Денёв за “Дикаря”, Роми Шнайдер за “Главное – любить” и Дельфин Сейриг за “Песнь Индии”».

Актриса Доминик Санда в длинном красном платье, которой поручено объявить имя победительницы, бормочет что-то невнятное, и ведущий церемонии Пьер Черния перебивает ее, провозгласив громовым голосом: «Роми Шнайдер!» Она встает, словно автомат, механически поднимается на сцену, и в свете фотовспышек ее пестрое платье переливается мириадами отблесков.

Поднявшись, она бросается на шею Иву Монтану. Его объятия – как отдых после долгого томительного ожидания и боязни поражения, как эпилог в тяжелой работе над фильмом. Она заранее приготовила и много раз мысленно повторяла первые слова благодарственной речи. Но волнение придает им особую выразительность: «Я бесконечно благодарна вам. Я счастлива и очень горжусь этой наградой».

Гордиться есть чем. В этом фильме она выложилась полностью, вплоть до того, что преодолела границу между кино и реальностью. Режиссер Анджей Жулавски постоянно требовал, чтобы она как можно правдивее изображала уязвимость, и она добивалась этого изо всех сил, порой даже рискуя собственным душевным равновесием.

Как всегда, чтобы ощутить нужные эмоции, она обратилась к пережитому ею самой. Ее неподдельные слезы потрясли зрителей, а еще больше – тех, кто присутствовал при съемке сцены, где ее героиня, порноактриса Надин, стоит на коленях, а визгливый голос за кадром приказывает ей крикнуть лежащему рядом мужчине: «Я люблю тебя!» У Надин грим течет по лицу, и ее крик звучит с утрашающей естественностью.

Когда фотограф без конца щелкает затвором перед Надин, она плачет и умоляет его: «Пожалуйста, не снимайте меня, знаете, я ведь актриса, умею играть по-настоящему, а этим занимаюсь, чтобы не умереть с голоду». Фабио Тести, сыгравший роль фотографа, навсегда запомнит неподвижный, отрешенный взгляд Роми в конце этого эпизода. Какую тяжелую сцену ее заставили сыграть, говорил он и удивлялся, как она на это согласилась.

Жак Дютрон, играющий роль мужа Надин, дарит Роми утешение, в котором она так нуждается. Это мимолетная любовь. Обезоруживающая искренность Роми вызвала у нее желание продлить историю, рассказанную в фильме, за пределы съемочной площадки. Позднее Дютрон признавался, что плохо поступил с Роми, так как боялся разрушить свои отношения с певицей Франсуазой Арди. Как только съемки закончились, он прервал связь с партнершей.

Роми вспоминает вечер предпремьерного показа фильма в Париже, когда в темноте из зала крадучись вышел один из ее партнеров, Клод Дофен. Он пришел с дочерью-подростком, Антонией, и теперь жалел, что девочке пришлось стать свидетелем такого неподобающего зрелища. Роми забеспокоилась и побежала за ним. Мысль, что фильм ему не понравился, вызвала у нее панику. Съемки в этом фильме порой доставляли ей огромное удовольствие, но часто приводили в глубокое уныние.

График работы над фильмом был очень плотный. Анджей Жулавски предупреждал ее об этом заранее. Тем не менее в некоторых эпизодах ему нужно было отснять по двадцать дублей. И Роми безропотно, словно прилежная ученица, повторяла только что сыгранную сцену. День ото дня режиссер становился все требовательнее, ей некуда было деваться.

В какой-то момент Роми начала уставать. В павильоне было очень холодно, на ней почти не было одежды, и она постоянно мерзла. Но режиссер делал вид, что ничего не замечает. У него даже была по этому поводу перепалка с Жаком Дютроном. Не только Даниэль, но и парикмахер Роми, и ее гример боялись, что она заболит. Она просила отснять этот эпизод как можно скорее. Но это не помогло. В итоге пришлось прервать съемку, чтобы дать ей немного передохнуть.

Каждый вечер Роми после съемок возвращалась домой, и вот однажды утром она не смогла подняться с постели. Тело не слушалось ее. Даниэль сразу понял, что это истощение – моральное и физическое, и вызвал врача Роми, доктора Сегала. Тот подтвердил диагноз и срочно отправил пациентку в Американский госпиталь, чтобы она неделю отлежалась там и пришла в норму. Продюсер фильма Альбина дю Буаруврэ составила для Роми особый график съемок: переутомление и излишек спиртного довели ее до того, что она не могла приступить к работе раньше двух часов дня.

...Зал аплодирует. Роми продолжает: «Сегодня вечером я думаю о человеке, который научил меня моей профессии, который был для меня наставником и близким другом и который порадовался бы за меня: это Лукино Висконти». В зале овация. Роми спускается со сцены, неся позолоченную статуэтку работы скульптора Сезара. Итак, ее признали лучшей актрисой. А заодно, что для нее особенно важно, признали *французской* актрисой.

Возможно, благодаря этому будет покончено с предубеждениями, из-за которых она все еще остается здесь чужой. Ведь для французов она по-прежнему немка, или, в крайнем случае, «немочка». А по мнению некоторых немцев, она больше не достойна быть их соотечественницей. Потому что отказалась в четвертый раз играть Сисси – но это еще не все. Их бывшие разногласия с годами так и не сгладились. Наоборот, они только обострились.

21 июля 1977 года

Раматюэль

Роми и Даниэль отдыхают в Раматюэле. После съемок в «Бассейне» Роми влюбилась в эти места. И купила старый деревенский дом, немного на отшибе, близко к морю, но среди дикой природы. Они с Даниэлем устроили это гнездышко для самих себя, или своих детей и родителей. Выкопали бассейн, чтобы плавать, а вот пристраивать комнату для гостей не стали – лучше, чтобы в доме было тихо и малоллюдно.

Роми, приехавшая из сумрачного, холодного города, всей душой привязалась к заливым солнцем средиземноморским пейзажам. Вот почему она решила приобрести жилье на юге Франции. Смотреть на море и чувствовать, как в знойном воздухе твоя кожа покрывается загаром, – это чудесно. Ее веснушки стали темно-золотистыми, и Даниэль от этого в восторге. Роми никогда еще не была так счастлива.

Она опять беременна. Собиралась рожать в Париже, но на восьмом месяце, во время отдыха в Раматюэле, у нее внезапно отошли воды. Даниэль отвез ее в Гассен, в клинику «Оазис». Там ей делают кесарево сечение, и на свет появляется девочка. В тот же вечер недоношенную помещают в инкубатор в клинике Ниццы.

Информация об этом событии не должна просочиться в прессу. Всем, кто звонит в клинику и спрашивает о Роми, телефонистки говорят одно и то же: «Мадам Шнайдер у нас нет». Каково же было удивление одного журналиста из «Нис-матэн», когда он встретил Даниэля Бьязини с громадной охапкой цветов.

Имя для девочки выбрала Роми. Ее будут звать Сара. Но Даниэль настоял, чтобы добавить к нему и имя матери Роми, Магды. В итоге ее полным именем стало – Сара Магдалена.

В свои тридцать восемь Роми не надеялась, что жизнь может сделать ей такой подарок – еще одного ребенка. Дать ей семью, о которой она всегда мечтала. После выкидыша, случившегося у Роми через несколько дней после свадьбы, эта малышка была особенно желанной.

Роми и Даниэль каждый день ездят из Сен-Тропе в Ниццу и обратно, чтобы навестить ее. Иногда они останавливаются на ночь в гостинице «Золотая голубка» в Сен-Поль-де-Ванс, где встречаются Ива Монтана, играющего в петанк.

В августе к ним приезжает Давид. Этот десятилетний мальчик рад, что у него появилась сестренка и он может о ней заботиться.

19 апреля 1979 года

Рейс Акапулько – Париж

Только что взлетевший самолет унес ее из мексиканского городка Пуэрто-Вальярта, маленького, залитого солнцем рая, где она провела несколько дней с Давидом и Сарой, которой уже почти два года. Купание на безлюдных пляжах, зажатых среди скал, обеды с жаренной на гриле рыбой в рыбацких хижинах. Роми отдыхала в доме, где Элизабет Тейлор и Ричард Бертон провели первую брачную ночь. Пройти по следам легендарной пары: быть может, это вдохнет новую жизнь в ее собственный брак.

Короткий отпуск в Мексике дал ей очень много. Это была смена обстановки после родов и забот о малышке в первые месяцы ее жизни, это был глоток воздуха между «Простой историей» Клода Соте и «Светом женщины» Косты-Гавраса. Солнце, без которого ей так плохо, согрело ее кожу и ее сердце. А то, что она находилась на краю света, позволило ей располагать каждой секундой своего времени.

Но пришлось прекратить это беззаботное существование и срочно вернуться в Европу: Гарри Майен, ее бывший муж и отец Давида, покончил с собой. Он повесился на шарфе, на пожарной лестнице своего дома в Гамбурге. Из Парижа Роми вылетает в Германию одна. Она не хочет, чтобы Давид присутствовал на похоронах отца. Двенадцатилетнему мальчику там не место.

Он уедет с Даниэлем в их дом на юге. Даниэль очень ответственно относится к отцовским обязанностям – обязанностям, которыми Гарри в последние годы стал пренебрегать. А Давид давно успел понять, что Даниэль вносит в жизнь его матери покой и уравновешенность. С этим мужчиной на одиннадцать лет моложе ее все становится легче и проще. Роми стала менее напряженной, хотя споры между ней и Даниэлем вспыхивают все чаще. Это раздражает и пугает Давида: он боится, что мать и Даниэль расстанутся.

Роми не умеет наслаждаться минутами счастья. Часто ее охватывает тоска, вновь дают о себе знать душевные раны, которые она разделила с Гарри и боль от которых можно было унять только лекарствами. Она думала тогда, что горе легче будет превозмочь, если разделить его на двоих. И сейчас она злится на себя за то, что не сумела спасти Гарри от депрессии. Она надеялась исцелить его от пережитого ужаса, от воспоминаний о гонениях, которым подверглась его семья в годы нацизма. Разве не к этому стремилась она всегда? Исправить причиненное зло. Помочь тем, кого перемолола судьба, попытаться искупить чужие грехи, словно вся ее жизнь зависела от этого.

Когда она прибывает в Орли, ее ослепляет фотовспышка. Затем еще одна. Роми подозревала, что по эту сторону Рейна уже знают о самоубийстве ее мужа, но надеялась, что французские фотографы и журналисты проявят уважение к ее горю. Она ошибалась. Они начнут охоту за женщиной в трауре уже у трапа самолета, рассчитывая снять ее лицо крупным планом. Однако это только прелюдия. Настоящее преследование впереди.

Возвращение к реальности оказалось слишком болезненным. Но где найти убежище? Ведь ей в любом случае предстоит ехать в Германию, а там ее ждет встреча с соотечественниками, которой она так боялась.

И, как выясняется, боялась не зря. Демоны прошлого ожили снова. Немецкая пресса давно уже недолюбливает Роми. Когда-то артистке не смогли простить, что она, будучи в зените славы, покинула родину, и теперь ей мстят за это. Средства массовой информации указы-

вают на нее как на единственную виновницу трагической гибели немецкого драматурга, оплевывают, клеймят позором. Вердикт немецкой прессы обжалованию не подлежит: если Гарри Майен покончил с собой, ответственность за это целиком лежит на Роми Шнайдер.

Как бы она ни оправдывалась, в Германии ей этого не простят никогда. Она уже притерпелась к нападкам родной прессы, особенно после того, как восемь лет назад, в 1971 году, позировала для обложки журнала «Штерн»: в номере от 6 июня она, наряду с еще 373 гражданами ФРГ, призналась, что делала аборт. Это был отклик немецких женщин на манифест, подписанный 343 француженками и опубликованный двумя месяцами ранее в журнале «Нувель обсерватер».

Материал в «Шпигеле» был инициирован немецкой феминисткой Алисой Швартцер. Молодая журналистка, находившаяся в тот момент на стажировке в Париже, рассчитывала таким образом распространить в ФРГ призыв об отмене уголовной ответственности за аборт, под которым поставили свою подпись многие известные личности – например, Катрин Денёв, Симона де Бовуар, Жанна Моро и Маргерит Дюра.

Присоединившись к этой акции, Роми воспользовалась своей известностью, чтобы открыто осудить царящие в обществе предрассудки и защитить право женщины распоряжаться своим телом. Но при этом она призналась, что нарушила статью 218 Уголовного кодекса ФРГ, за отмену которой выступала. И для немецких газет Сисси превратилась в «шлюху». За подпись под обращением на нее подали жалобу в суд Гамбурга.

Роми грозил судебный процесс и пятилетний тюремный срок либо крупный штраф. Но число женщин, подписавших обращение, было слишком велико, чтобы против каждой можно было начать уголовное преследование, и дело против Роми было прекращено.

Гамбург. Именно в этот город отправится она сегодня. Город, где свел счеты с жизнью отец ее сына. Искалеченный нацистским режимом человек, с которым она прожила восемь лет, ради которого отказалась от профессии. Соблазнитель, которого она страстно, самозабвенно любила. И которому сегодня собирается отдать последний долг.

Февраль 1980 года

Париж

Снимается сцена бала. Две сотни статистов готовы приступить к съемкам эпизода в зале отеля «Континенталь», которые режиссер подготавливал в течение нескольких часов. Не хватает только одной актрисы – Роми Шнайдер. Она в убежище, где можно укрыться и откуда ее не станут вытаскивать силой. Это ее гримерная. Место, где она проводит целые часы в одиночестве либо со своими помощниками, слушая музыку.

Это повторяется уже несколько дней: Роми внезапно покидает площадку и запирается в гримерной. Поводом может стать нечетко сформулированное указание режиссера или непонятное место в тексте роли: этого достаточно, чтобы она повернулась и ушла. Потому что Роми прощают всё. Ведь каждый подозревает, что за ее гневом скрывается страдание. Техники позволяют ей уйти; часто же спустя недолгое время она возвращается сама.

Из своей уютной норки она слышит, как возятся на площадке техники и осветители, но не выходит к ним. Она всегда боится начала съемок. Момент, когда ей придется раскрыться перед режиссером, который ее выбрал. Показать ему себя такой, как она есть. А вдруг он обнаружит обман? Поймет, что ошибся в выборе? Что она плохая актриса? Или что она уже слишком стара для этой роли?

Роми никогда не верила в свои силы. Уверенность в себе возникала у нее лишь на мгновение, когда на нее смотрел влюбленный мужчина. Но со временем она все больше боится потерять то место во французском кино, которое ей было предложено или которого она попыталась добиться. Чтобы быть и оставаться единственной и неповторимой, желанной и восхваляемой, надо вести непрестанную борьбу. В том числе и борьбу с собой. Внимательно сле-

дить за манерами, за взглядом. И за своей речью на чужом языке. Если хочешь быть членом «большой семьи французского кино», надо минимизировать немецкий акцент, который многие находят очаровательным, – а это требует определенных усилий. Роми прекрасно понимает, что в «большой семье французского кино» она все равно гостя. Но она должна удерживаться на той же исходной позиции, что и ведущие актрисы-француженки.

Стучат. Роми приоткрывает дверь. В гримерную входит незнакомая молодая женщина, желающая ей представиться. Это ее партнерша, Ноэль Шатле, застенчивая от природы и робеющая перед кинозвездой, которой она привыкла восхищаться. Ноэль на шесть лет моложе Роми и играет роль женщины, в которую влюблена героиня фильма.

Роми запоминает имя актрисы, но не слушает ее. Она сразу же бросается в кресло и съезживается там. Оцепеневшая, словно парализованная страхом, Роми рассказывает Ноэль о своей тоске и тревоге. И, окончательно растерявшись, хватается за ее руки, словно утопающая за спасательный круг.

Ноэль Шатле пытается ее успокоить, насколько может – потому что ей самой страшно, – и через минуту-другую выходит из гримерной, потрясенная отчаянием этой женщины, которая раньше казалась ей нестигаемой. Чтобы как-то утешить Роми, она покупает ей цветы, но не застаёт ее на месте и оставляет букет у ассистентки с просьбой передать мадам Шнайдер.

Чего она так панически боится? Разочаровать режиссера Франсиса Жиро? Не справиться с ролью Эммы Экер, энергичной и привлекательной деловой женщины, сделавшей блестящую карьеру? Не сработаться с партнерами – Жаном-Клодом Бриали и Жаном-Луи Трентиньяном? Или осознать, каким утомленным, осунувшимся стало ее лицо? Ведь Роми уже давно старается не ходить мимо зеркал, чтобы случайно не увидеть в них свое отражение.

Клод Соте нашел к ней подход, он знал, как вернуть ее в нормальное состояние. Но не каждый режиссер так умеет. Да и кто захочет ее снимать, когда все лицо у нее будет в морщинах? Проходят месяцы, годы, а количество ролей, которые ей еще доступны, неуклонно уменьшается. Это главный страх актрисы, страх остаться невостребованной.

В этом весь смысл ее жизни. Понятное дело, надо ждать, когда тебя позовут, но это ожидание невозможно вынести. А когда телефон наконец зазвонит, когда какой-нибудь режиссер предложит у него сняться, ее, как всякую актрису, раздирают противоположные чувства: счастье, оттого что ее выбрали, и тревога, оттого что придется в очередной раз показывать свои истинные возможности. Это ожидание с каждым годом изматывает ее все больше.

Но ведь в личной жизни все проще? Как сказать. Роми любит обольщать. И любит, когда ее обольщают. Но не у всех хватает смелости встретиться с ней взглядом. И порой она сама делает первый шаг: преподносит подарки мужчинам, которые ей нравятся. Кто-то сказал о ней: «Пристает, как мужчина». Но какой мужчина устоял бы перед ней? Может, кого-то она напугала? Предположим, что так, – но эти напуганные сбежали сразу. Остальных она покорила. Чем? Независимым характером? Харизмой? Сильной волей? Или красотой?

Роми не нравятся ее руки: на ее взгляд, они слишком похожи на мужские. Но об этом никто не знает. С ней целый день обсуждают ее лицо. Но никто не заметил, что за пределами съемочной площадки она никогда не пользуется косметикой – чтобы забыть о своем лице и чтобы другие тоже о нем забыли. Не для того, чтобы оно стало менее привлекательным. Но лишь для того, чтобы оно жило своей жизнью.

Скоро начнется съемка первой сцены с участием Ноэль Шатле. Может, Роми показалось, что она была слишком откровенна с молодой актрисой? Непонятно, почему она попросила, чтобы сцену с ней репетировала не сама Ноэль Шатле, а ее дублерша.

Все приготовления к сцене бала завершены. Роми одета и загримирована, в хорошем настроении. Раздается команда «Мотор!». Ноэль Шатле идет навстречу Роми. И вдруг – бывает же такое! – наступает на подол ее платья. Роми просит выключить камеру и исчезает. Ноэль Шатле ругает себя последними словами за то, что стала виновницей этого срыва.

Франсис Жиро забывает о камере и бежит за Роми, пытаясь ее остановить. Не получается. Режиссер настолько деморализован, что не может работать. Он садится на пол. Его сменил ассистент, Режи Варнье. По указанию Варнье все участники съемки молча занимают свои места. Тем временем один из продюсеров фильма, Ариэль Зейтун, идет в гримерную Роми, чтобы уговорить ее вернуться.

Стоя перед закрытой дверью, он что-то шепчет в замочную скважину и просит впустить его. Но возвращается ни с чем. Как и Франсис Жиро. Многие участники съемочной группы посылают ей записки с той же просьбой. Но все бесполезно. Через несколько часов к Роми посылают на переговоры Жана-Клода Бриали. Это ее близкий друг. Ему одному удастся убедить ее вернуться на съемочную площадку.

4 октября 1980 года

Париж

На экране не видно ни мертвых тел, ни крови, но кадры, отснятые телеоператорами, и без этого дают представление о размерах ущерба. Вначале показали остовы взорванных автомобилей, которые были припаркованы на улице Коперника, затем – синагогу, ставшую главной мишенью теракта. Предварительный итог: четверо погибших, шестнадцать раненых.

Роми не может оторвать взгляд от телевизора. Она словно загипнотизирована. Смотрит на собравшуюся толпу, слушает произносимые нараспев молитвы об усопших. Несколько часов спустя она будет вглядываться в полные скорби глаза Симоны Вейль, прибывшей на место взрыва, чтобы почтить память жертв.

Роми фиксирует в памяти эти мрачные кадры. Сегодня она испытала шок, ее жизнь на какое-то время остановилась, словно пленка, поставленная на паузу. Злодеяние, совершенное накануне на улице Коперника, напомнило ей о замысле, который она вынашивает уже несколько месяцев. Настал момент реализовать его.

Актриса планирует снять фильм (сценарий уже сложился у нее в голове) по книге, которая потрясла ее, – это роман Жозефа Кесселя «Прохожая из Сан-Суси», написанный им в тридцатые годы. Роми наметила подходящего режиссера – Жака Руффю, снявшего «Семь смертей по рецепту» с ее другом Мишелем Пикколи в главной роли – и успела вступить с ним в переговоры.

В романе рассказывается история женщины по имени Эльза Винер, которая эмигрировала из нацистской Германии во Францию и, чтобы выжить, поет в парижских кабаре. Муж Эльзы отправлен в концлагерь, а с ней живет осиротевший еврейский мальчик Макс, которого они с мужем усыновили. Роми мечтает сыграть Эльзу, сильную женщину, чья история звучит как тревожный сигнал перед лицом набирающего силу неонацизма.

Вот уже несколько лет Роми воплощает на экране образы женщин, переживших то страшное время и по разным причинам ставших жертвами нацистского режима. Такие роли, как Анна в «Поезде» или Клара в фильме «Старое ружье», которые кинокритики считали для нее случайными, на самом деле были ей необходимы, звучали одним из лейтмотивов ее творчества.

Погруженная в бездонный колодец своих мыслей, Роми не слышит дребезжание звонка. Только глухой стук в дверь заставляет ее очнуться.

Взглянув в глазок и убедившись, что пришел именно тот человек, которого она ждала, Роми осторожно открывает дверь. Проверяет, есть ли у него с собой пакет. Роми обнимает этого невысокого мужчину, который принес ей долгожданное избавление. Он не знает, что на самом деле в пакете. А она знает, что он не знает. Ее забавляет такая таинственность, а его, наоборот, раздражает.

Луи Бозон не спешит. Он пришел по поручению Марлен Дитрих. И сейчас вглядывается в глаза Роми, о которых ему столько рассказывала Марлен, глаза, которые, как она считала, слишком много плакали. Роми начинает нервничать. Воспитание не позволяет ей захлопнуть

дверь у него перед носом. Наконец до него доходит, что Роми не терпится вскрыть пакет, который он принес.

Актрисы часто переписываются, и всегда на немецком. А порой посылают друг другу разные вещицы в конвертах. Однажды, в присутствии Жана-Клода Бриали, Роми вдруг захотела немедленно послать Марлен золотую цепочку от *Boucheron*, которая была у нее на шее. Полчаса спустя немецкая дива в ответ прислала конверт с двумя цепочками – подарком Роми, который решила вернуть, и одним из ее собственных украшений.

Несколько месяцев назад Марлен попросила Луи Бозона, известного актера, радиоведущего и своего близкого друга, стать посредником между ней и Роми – доставлять на дом младшей подруге небольшие пакеты и никому об этом не рассказывать. Марлен уже не встает с постели, она целыми днями лежит. Когда-то она обожала готовить, теперь об этом не может быть и речи. Бозону даже приходится выпроваживать визитеров: «Мадам Дитрих никого не принимает». И вот сегодня он доставил Роми очередное послание.

Марлен просто просила его «отнести эту книгу Роми». Поскольку такие поручения становились все более регулярными, Бозон начал удивляться: с чего бы это Роми так пристрастилась к чтению? И вот однажды он позволил себе встряхнуть одну из книг. И фрагменты гололомок мгновенно сложились в единое целое. Он понял, в чем тут трюк.

От каждой книги Марлен оставляла только переплет: всю бумагу, находившуюся в середине, она вырезала, а образовавшуюся пустоту заполняла упаковками снотворного и препарата каптагон, который позволял ей бодрствовать в течение двух суток. За каптагоном она посылала Бозона в аптеку на авеню Монтень. Книги либо получала от дочери, которая жила в Соединенных Штатах, либо покупала в американском книжном магазине на авеню Опера.

Итак, неподражаемая Марлен проделывала бреши в книгах и помещала туда яд для Роми. Та, кого часто называли «Голубой ангел», по названию ее знаменитого фильма, стала черным ангелом для Роми. Однажды Бозон отважился спросить у Марлен, что на самом деле находится в тех пакетах, которые он носит Роми. Дива уставилась на него мрачным взглядом; с этого дня она больше не использовала его в качестве курьера.

Октябрь 1980 года

Париж, улица Понтье, 49

Мирей Дарк, Ив Монтан, Лино Вентура, Филипп Нуаре. У входа в зал образовалась небольшая толпа, состоящая из одних только звезд первой величины. Все, кем по праву гордится французское кино, собрались сегодня, чтобы приветствовать Алена Делона по случаю выхода на экраны его фильма «Троих надо убрать». После «Бассейна» и «Борсалино» это уже его седьмая работа под руководством режиссера Жака Дере. Однако на сей раз Делон не только исполнитель главной роли, но еще и соавтор сценария, а также (наряду с Аленом Терзианом) продюсер фильма.

Это он выразил желание, чтобы на торжестве присутствовала Роми – как делал, впрочем, всякий раз, когда речь шла о каждом ответственном моменте его профессиональной жизни. Посмотрев фильм в кинотеатре «Норманди» на Елисейских Полях, она согласилась продолжить праздник вместе со всеми в дискотеке у Режин, ночной королевы Парижа, с которой они вместе снимались в фильме «Поезд».

Это не первый раз, когда Роми приглашают на коктейль или на ужин в дискотеку на улице Понтье. Она провела там много вечеров с Аленом Делоном. Много влюбленных пар соединялись и расставались в этом зале с зеркальными стенами. Режин превратила его в храм ночных увеселений, где она умеет оказать радушный прием каждому посетителю.

Гости рассаживаются, пробуют изысканные напитки. Вдруг у Роми появляется идея. С бокалом шампанского в руке, улыбаясь краешками губ, она наклоняется к Алену Терзиану и просит оказать ей любезность.

Не мог бы он попросить диджея поставить «какую-нибудь романтическую музыку»? Говоря это, она подчеркивает слово «романтическую». И даже повторяет его, чтобы быть уверенной, что ее правильно поймут. Пожалуйста, пусть диджей сменит пластинку. Ален Терзиан выполняет ее просьбу.

Слышатся первые ноты «*Strangers in the night*» и голос Фрэнка Синатры. Роми снова поворачивается к соседу и тоном вызова произносит: «А теперь скажи твоему приятелю, чтобы пригласил меня на танец». Не говоря ни слова, Ален Терзиан встает и направляется к Алену Делону, который все слышал.

Эта песня словно создана для них. Ален Делон подходит к Роми и протягивает ей руку, приглашая присоединиться к нему на танцполе с прозрачным покрытием, под которым просвечивает морда пантеры. Роми в свою очередь протягивает руку и кладет ему на плечо. Они начинают танцевать медленный фокстрот, а остальные гости расступаются, чтобы лучше их видеть. Все замолкают. Слова песни и завораживающий голос Синатры придают этой сцене эмоциональную насыщенность, какой отличаются лучшие сцены мирового кино. Всё замирает в неподвижности, перестает существовать, кроме движений этой пары на танцполе.

Когда песня заканчивается, их губы сливаются в нескончаемом поцелуе. Роми и Ален словно не замечают оглушительных аплодисментов, которые гремят вокруг них. Все, кто сегодня вечером стал свидетелем этой волшебной минуты, воспринимают ее не как мизансцену, придуманную для экрана, а как реальный поцелуй легендарной влюбленной пары. Но даже не подозревают, что он станет последним в их общей истории.

1 июня 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Он один у ее постели. И внезапно осознаёт, что видит ее в последний раз. Во всяком случае, в этом мире.

Верила ли она в загробную жизнь? Они с ней никогда не говорили об этом.

Как, впрочем, и о смерти: ведь при взгляде на нее возникала иллюзия, что жизнь и вечность – это синонимы.

Разве не говорила она в «Сезаре и Розали»: «Я хочу жить долго, очень долго. Хочу дожить до старости моих детей»?

Ален Делон выражает желание еще какое-то время побыть с ней. И увековечить ее облик.

Он подходит к гробу и, простояв секунду, падает на колени.

Лицо Роми становится расплывчатым, слезы заново прорисовывают ее черты, точно волны, что растворяются в сумерках.

Он берет лист бумаги и записывает слова, которые складываются в прекраснейшее из всех писем, какие были когда-либо написаны. В этом письме будет всё, что он так и не сумел ей сказать.

Его любовь, его сожаление о совершенных ошибках, о боли, которую он причинил ей своим уходом, преклонение перед ее актерским талантом. Он пишет о ее поразительной красоте – сейчас она красивее, чем когда-либо, – о ее вспышках гнева, резкой смене настроений, но и о счастье жить рядом с ней.

«Я смотрю на тебя спящую. Я здесь, возле тебя. Ты одета в длинную черную с красным тунику с каким-то узором на груди. Кажется, это цветы, но я не всматриваюсь. Я говорю тебе: прощай, прощай, моя пуппеле. Так я тебя называл. По-немецки это значит “куколка”».

Внутренние противоречия, терзавшие ее душу, были знакомы и ему, а ее уязвимые места были схожи с его собственными. Он и она были связаны на всю жизнь, и смерть не может разорвать эту связь. Он был скрытным, раздражительным, неверным, но ради нее, даже после их расставания, он достал бы луну с неба.

Если он чувствовал, что она на грани срыва, он поддерживал ее, давая погреться в лучах своего успеха, как, например, в вечер предпремьерного показа фильма «За шкуру полицейского», когда он захотел, чтобы она присутствовала на сцене наряду с Мирей Дарк и Анн Парийо.

А еще он попытался, пусть и безуспешно, купить дом, где они вместе снимались в «Бассейне», – в парке Умед, недалеко от Сен-Тропе, в Раматюэле, – купить только для того, чтобы это место, где они были счастливы и где Роми была прекраснее, чем когда-либо, принадлежало только ему. Как если бы захотел хранить у себя пленку с каким-нибудь великим фильмом, которую можно было бы просмотреть в любой момент.

А сейчас, чтобы еще раз и до конца времен запечатлеть лицо женщины, которую он так любил, он сфотографирует ее в гробу. Этот снимок он будет всегда носить с собой, до тех пор, пока не воссоединится с ней. Когда-нибудь.

Апрель 1981 года

Киберон

Охваченная радостным возбуждением, Роми прыгает по скалам. На мгновение она возвращается в детство, когда скакала по горам в Берхтесгадене. Ветер играет ее красным шарфом и вырисовывает у нее на спине что-то вроде хвоста кометы. Она останавливается, чтобы взглянуть в горизонт. Время от времени она оборачивается, когда фотограф зовет ее, чтобы запечатлеть ее улыбку на снимке.

Перед ней, насколько хватает глаз, расстилается морская гладь. Простор, тишина и свобода. Шум волн всегда успокаивает ее, что в Кибероне, что в Раматюэле. Роми любит южное солнце, но в здешних краях она чувствует освежающее, бодрящее воздействие приливов. Пейзаж может показаться неприветливым, даже враждебным, но Роми по душе эта дикая природа, прекрасная в своей суровости. Здесь никто не глазет на нее. Она ловит себя на мысли, что так почти никогда не бывает.

Да, здесь никто на нее не смотрит, кроме Роберта Лебека, который с трудом пытается следовать за ней, перескакивая со скалы на скалу. Она прыгает, хохочет, потом усаживается в небрежно-расслабленной позе. Лебеку она полностью доверяет. Он сумеет не показать лишнее, даже если она сама не позаботится об этом. Его объектив зорко подмечает бытовые подробности, но он не вуайерист. Ни одному фотографу еще не удавалось так правдиво передать ее внутренний мир.

Объективу она не может лгать. Вероятно, она одна способна понять по собственным снимкам, какие муки ее терзают. Потому что видит себя настоящую. Иногда она даже бросает вызов самой себе, показывая Лебеку потаенные уголки своего тела: так, через несколько месяцев, после того как ей удалят почку, она попросит его сфотографировать послеоперационный шрам, но он, несмотря на ее настойчивые просьбы, откажется это делать.

Как бы ей хотелось, чтобы это мгновение не кончалось никогда. Ведь за спиной у нее – шум и гам окружающего мира, ее собственные проблемы и тревоги, а еще папарацци, которые постоянно ее преследуют. Вот и сейчас, когда она захотела выбраться на вольный воздух, повара отеля провели ее к выходу по коридорам подвального этажа, чтобы сбить со следа журналистов. Она уже не может спокойно слышать тархтение их малолитражки, въезжающей на стоянку.

Это как звук отпиромой клетки, откуда выпускают хищников. Они снятся ей по ночам: тени, которые подбираются к ней, чтобы сожрать. Среди причин, побудивших ее уехать из Парижа, желание укрыться от этой банды занимало не последнее место. Но и здесь она может чувствовать себя в безопасности только на скалах, куда им не взобраться, либо у себя в номере, за запертой дверью. Только так можно забыть об их существовании. Как иначе она могла бы от них ускользнуть? А вдруг однажды такой возможности не будет вообще?

Значит, известность – яд, который годами медленно просачивается в тебя, пока не подчинит себе полностью?

В этом отеле на берегу Киберонского залива, куда Роми регулярно ездит на оздоровительные процедуры, исцеляется не только ее тело, но и душа. Здоровый образ жизни, душ с морской водой, подогретой до температуры тела, обертывания из водорослей: Роми соглашается на такое монотонное существование потому, что при нем надо соблюдать определенный распорядок дня. А когда можно жить без расписания, когда она предоставлена самой себе, она чувствует полную растерянность. Роми, привыкшая пропускать съемки по несколько дней подряд, здесь проходит десятидневный курс лечения, который нельзя сократить по своей воле.

В светлых коридорах, куда выходят двери тихих, уютных номеров, за столиком ресторана, где Роми часто ужинает в одиночестве, она забывает, что она – актриса. Она лечится здесь наравне с другими пациентами, которые даже не знают, кто она такая. Здесь ее окружают простые французы, с которыми при других обстоятельствах она никак не смогла бы пообщаться.

Вроде этого рыбака, с которым она познакомилась в одном из городских баров и немного потанцевала. Роми решила взломать скорлупу одиночества. Выходить в свет. Забыть о диете, хоть она и выбрала ее сама. Она даже решила дать интервью журналу «Штерн», при условии, что с ней будет разговаривать ее знакомый журналист Михаэль Юргс, а фотографии сделает ее друг Роберт Лебек.

Она назначила двум немецким журналистам встречу в городе, за бокалом вина. Как будто хотела настроиться на нужный лад, перед тем как обратиться к немецкой прессе. Быть может, сегодня она решила исповедаться перед соотечественниками? Или в этот ясный, теплый вечер отключилась ее защитная реакция? Или на нее умиротворяюще подействовало присутствие подруги детства, которую она попросила составить ей компанию?

Роберт Лебек фотографировал ее десятки раз, поэтому сегодня вечером она согласилась на съемку без позирования. Она знала: он сумеет уловить в ней главное. Она смеялась, ее лицо светилось. На ней был шейный платок, который она всегда носила в те дни, когда не работала. На фотографиях она хохочет, размахивает руками, затягивается сигаретой. Кажется, ее счастье наполняет всю комнату вместе с завитками дыма.

Далеко в прошлом осталась двадцатилетняя девушка, смущенная и скованная из-за своего нелепого наряда, которую Роберт Лебек фотографировал на балу. Но кое-что в ее глазах осталось прежним: желание быть любимой. Роми всегда была в поисках абсолюта, и это чувствовалось во всех ее изображениях на пленке. Она часто говорила об этом Роберту, который сравнивал ее со свечой, зажженной с двух концов. Роми безжалостно растрчивала себя.

За несколько лет до этого, в Австрии, на съемках «Группового портрета с дамой» она позвала его в свой номер в отеле. Сидя на кровати, она попросила его стащить с нее длинные, до колена вязанные гольфы. Они проговорили всю ночь. Несколько часов спустя он вернулся и нашел под дверью оставленную для него записку: «Я боюсь тебя и боюсь себя, забудь меня поскорее, но будь добр, зайди сказать мне “спокойной ночи”».

В тот вечер в Кибероне, между двумя бокалами вина, Роми опять говорит о своей жизни и своих тревогах. Она не доверяет журналистам и издевается над «дерьмовой прессой» – «*Scheisepresse*», снова и снова выкрикивая это немецкое слово. Потом ее внимание привлекает незнакомый мужчина, рыбак в берете с помпоном, который подошел к ее столику.

Остановившись перед ней, он спрашивает: «Вы ведь Сисси, верно?» На ее лице вдруг появляется застывшее выражение, и она серьезным тоном отвечает: «Нет, я Роми Шнайдер!» Через несколько минут она встает и направляется к этому человеку, с которым несколько минут назад еще не была знакома. Она обнимает его. И они начинают танцевать под песню *Beatles* – «*Help*».

Роберт Лебек сохранил это мгновение для вечности. На его снимках мы видим женщину в джинсах и мужских ботинках, которая обнимает за шею мужчину более высокого роста, чем

она. Такое впечатление, что они одни в этом ресторане, где почти все столики не заняты. Когда Роми возвращается за свой столик, Михаэль Юргс приступает к интервью. И первым делом заводит разговор об отнюдь не безобидном вопросе незнакомца.

– Почему вы так испугались, когда какой-то человек с восторженным видом спросил, не вы ли Сисси?

– Потому что я ненавижу этот мой экранный образ. Сколько лет прошло, а люди до сих пор видят во мне только эту маленькую принцессу из сериала. Но я уже давно не Сисси. Да и никогда не была ею. Я несчастная сорокадвухлетняя женщина, и меня зовут Роми Шнайдер.

Роми танцует, а между двумя бокалами белого вина разговаривает с журналистом. Редко когда она бывала настолько откровенна. Она рассказывает о мужчинах в ее жизни, о Гарри Майене, но и об Алене Делоне, о детях, для которых она подыскивает квартиру, о том, как она боится остаться без ролей, о том, что она должна сниматься, чтобы зарабатывать на жизнь, но, с другой стороны, хотела бы сделать перерыв. Все эти признания рассеиваются в воздухе вместе с завитками дыма.

Роми пришлось вернуться в Париж раньше, чем она планировала. Ее прогулки в горах привели к вынужденному отдыху. Прыгая со скалы на скалу перед объективом фотографа, она ступила на влажный камень, поскользнулась и сломала ногу. Когда через несколько дней после интервью Михаэль Юргс и Роберт Лебек приходят в ее парижскую квартиру, то обнаруживают ее в постели с загипсованной ступней.

Она вызвала их, чтобы прочитать интервью и взглянуть на фотографии. Несмотря на травму, Роми в отличном настроении, хоть ей и неприятно, что съемки ее следующего фильма, «Прохожая из Сан-Суси», придется отложить. Малышка Сара в восторге от того, что мама побудет дома еще какое-то время, перед тем как снова уехать.

«Ностальгия – это теперь не то, что прежде»: так называется книга Симоны Синьоре, которую Роми держит в руках на одной из фотографий, сделанных Лебеком. Роми не любит свои руки, широкие, с короткими пальцами. Но фотография получилась удачная. Роми любит лицо Симоны Синьоре. Она очень ценит эту актрису, ценит все грани ее таланта и все, что привыкли связывать с ее личностью. И ей нравится снимок, на котором они с Симоной как будто смотрят друг на друга.

Роми надо перечитать интервью, которое должно выйти 23 апреля в журнале «Штерн». Прежде она раз за разом отказывалась от контактов с немецкой прессой, поскольку не знала, как будут истолкованы и восприняты ее слова. Но сейчас она решает полностью довериться двум журналистам, которые стоят перед ней. Она не перечитывает интервью, просто ставит под ним свою подпись и добавляет несколько слов: «Буду жить дальше, это так хорошо».

5 июля 1981 года

Сен-Жермен-ан-Лэ

По коридору молчаливо снуют медицинские сестры. Она не смеет остановить их. Она сидит на узкой скамейке в коридоре, где так холодно, что ей кажется, будто она находится в преддверии морга. Ее лицо и тело словно в плену у этих белых стен.

Она ждет мгновения, когда откроется дверь. По ту сторону двери идет борьба за человеческие жизни, исход которой неясен. Время остановилось. Сегодня речь идет о жизни ее сына.

Роми не может оторвать взгляд от этих двух слов: «Операционный блок». Они уже начали расплываться у нее перед глазами. За этой перегородкой ее ребенок, четырнадцатилетний мальчик, он находится между жизнью и смертью. Он упал, когда пытался перелезть через ограду дома, где живут его дедушка и бабушка.

Мать Даниэля по телефону известила Роми о случившемся. От рыданий она почти не могла говорить. Давид любил бывать в этом большом доме, на окраине Сен-Жермен-ан-Лэ,

почти за городом, у супругов Бязини, которых называл дедушкой и бабушкой. В последнее время он жил там практически постоянно, несмотря на то что его мать и Даниэль расстались.

Несколькими днями ранее Роми позвонила сыну и попросила приехать в ее парижскую квартиру на авеню Бюжо. Но Давид в очередной раз отказался. Роми была задета. Может быть, Давид обиделся на нее за то, что она нашла себе нового спутника жизни – Лорана Петена? Неужели этот телефонный разговор, завершившийся ссорой, может стать ее последним разговором с сыном?

Роми ждет уже около получаса. Она плачет не переставая. Останавливает врачей и сестер, выходящих из операционного блока, пытается узнать подробности от тех, кто видел Давида незадолго до несчастья и примчался к ней сюда, надеясь как-то ее утешить. Но Роми одинока в своем ожидании. Одна со своим горем.

Чтобы не потерять связь с Давидом, она, словно кинолентку, прокручивает в голове воспоминания: вот ее сын воскресным июльским днем, его белокурые волосы блестят на солнце, он счастлив, он только что вернулся с занятий по теннису, это его любимый вид спорта. А вот он стоит перед домом в Сен-Жермен-ан-Лэ, видит, что ворота закрыты, и решает повторить трюк, который уже проделывал: перелезть через двухметровую ограду.

Может быть, он не хотел беспокоить хозяев дома или подумал, что будет нетрудно в очередной раз перелезть через ворота? Но, взобравшись наверх, потерял равновесие и упал на острия решетки, которые пробили ему бедренную артерию. Такое объяснение Роми позднее услышит от врача. А пока она представляет себе сына целым и невредимым, одетым полетнему, с улыбкой на губах, с падающей на глаза белокурой челкой.

При падении Давид издал страшный крик. Даниэль Бязини с родителями выбежали из дома и бросились к нему. В ожидании скорой помощи Даниэль перевязал мальчику рану и все время разговаривал с ним, чтобы он не впал в забытие. Поехал с ним в больницу, бежал по коридорам рядом с каталкой.

Давид был еще жив. Люди в белых халатах расступались перед ними, пока они не добрались до дверей операционного блока. Давида внесли туда на носилках, за край которых уцепился Даниэль. Он обещал тому, кто был ему как сын, что останется с ним. Мальчика перенесли на операционный стол. Пока собиралась бригада, он был в сознании.

Даниэля мягко попросили выйти. Пора было начинать операцию. Когда он отступил на несколько шагов к двери, Давид окликнул его: «Дан!» Так он обычно обращался к отчиму. Даниэль мигом оказался рядом. И мальчик еле слышно задал ему вопрос, который он никогда не забудет: «Дан, я ведь не умру?»

Огромным усилием Даниэль сдержал подступающие слезы. Откашлялся, прежде чем ответить. «Нет, конечно, ты не умрешь, – сказал он. – У тебя вся жизнь впереди. Кто же умирает в четырнадцать лет? Так не бывает. Давид, тебя ждет мама. Ты ей нужен. Вам надо еще многое сказать друг другу, вас ждут путешествия».

Даниэль вышел из операционного блока. В голове был туман. На рубашке остались пятна крови с тех пор, как он нес Давида на руках после падения. Он сидел одинокий, опустошенный, пока бригада медиков делала все возможное, чтобы спасти Давида. Никогда еще он так не любил этого подростка, который попросил разрешения взять его фамилию – Бязини. Документы уже были поданы.

Даниэль не видел, как двери операционного блока открылись опять, чтобы впустить заведующего отделением доктора Тьерри Монтариоля, который пришел помочь дежурному хирургу во время сложной полостной операции. Он тоже играл в теннис и был на корте, когда позвонили из больницы и попросили срочно приехать оперировать мальчика-подростка. Он не стал выяснять подробности, а сразу побежал переодеваться.

Он вошел в операционную до того, как Роми успела приехать в больницу. Часы бегут. Неспешные шаги медиков вокруг операционного стола. Выверенные движения хирургов. Звя-

канье инструментов. Короткие команды. Лаконичные диалоги. А затем тишина. Движения замедляются. Врачи переглядываются. Снимают маски. Жизнь ушла.

Доктор Монтариоль выходит из операционной, где он долгие часы управлял бригадой медиков, словно дирижер оркестром. Теперь его задача – сообщить о произошедшем этой несчастной женщине, которая все еще надеется. Когда операция только началась, он верил в чудо, хотя раны были очень серьезные.

Давид скончался. Роми неотрывно смотрит на губы врача, который стоит перед ней. Но глаза доктора Монтариоля уже сказали ей все. Он пытается подобрать слова, чтобы как-то утешить эту раздавленную горем женщину, мать, потерявшую сына. Говорит долго и невнятно, потом решает оставить ее наедине с ее болью. Роми плачет сильнее, чем раньше, но не падает в обморок, она сохраняет выдержку – ради Давида.

Доктор берет ее под руку, предлагает пройти в другое помещение, где они смогут поговорить без посторонних. Они заходят в большую комнату, где нет ни души, в бывший операционный блок, который теперь используют для бесед с родственниками больных. Им приносят кофе, и доктор Монтариоль пытается разговорить Роми. Чтобы она могла как-то избыть свое горе.

Может быть, только в этот момент до него доходит, что женщина, сидящая перед ним, – это Роми Шнайдер. Он не мог знать этого раньше, потому что Давид не носит фамилию матери. Но знакомый образ, промелькнув у него перед глазами, тут же исчезает, словно мираж. Потому что, как только Роми начинает говорить, он сразу же забывает актрису и видит только страдающую мать.

Давид. Мальчик-солнышко. Ему было только четырнадцать, вся жизнь впереди. Он был для нее не только сыном, но еще другом, которому она поверяла свои тайны, почти что наставником жизни. Ее «компаньоном», как она выразилась в интервью, данном два дня назад. Он увлекался кино и читал каждый сценарий, который ей присылали. Охотно давал ей советы или поправлял произношение, когда она сбивалась на немецкий акцент.

Давид был ее добрым гением, тем, кто давал ей силы, чтобы продолжать заниматься профессией, когда у нее иссякала энергия. Ради него она могла бы пожертвовать всем. Если бы можно было умереть вместо него, она бы это сделала. Он мечтал стать пилотом, а ее такая перспектива приводила в ужас. Теперь бояться уже нечего.

Она вспоминает один случай на съемках. Роми попросила режиссера Бертрана Тавернье дать Давиду какую-нибудь работу. Она хотела, чтобы он присутствовал на площадке не как безмолвная тень, а был бы рядом с ней и мог прошептать на ухо какой-нибудь совет. Роми проявила настойчивость, и Тавернье назначил четырнадцатилетнего Давида ассистентом актрисы, который заранее прочел сценарий и репетировал с матерью ее реплики, как взрослый. Роми было важно знать его мнение.

Но, допустив присутствие сына актрисы на съемочной площадке, режиссер поставил ей условие: она должна быть безупречна. С самого начала он предупредил ее, что на съемки отведено всего сорок дней, и выйти за рамки графика не получится. И Роми ни разу не опоздала к началу съемок. Ни на минуту. А однажды, когда она попросила снять дополнительный дубль, то сразу сказала главному оператору Пьер-Вильяму Гленну, что оплатит ему и его помощникам лишний час работы из своего кармана.

А потом она попросила Бертрана Тавернье, чтобы он позволил Давиду участвовать в одной из сцен фильма. Причем в такой сцене, которую не вырежут при монтаже. Это был единственный раз, когда мать и сын могли вместе удовлетворить свою страсть к кино. Давид получил роль без слов, и мало кто из присутствовавших на съемках знал, кто он. Просто белокурый мальчик среди других детей, окруженных толпой техников и актеров.

В городском парке он играет с другими детьми, Роми останавливается перед ним, когда он возится с мячиком, и присаживается на корточки, чтобы посмотреть ему в глаза. Они улы-

баются друг другу. Она что-то говорит ему, а затем он исчезает так же быстро, как появляется. Это единственный момент в их жизни, когда они оказываются на экране вдвоем. И он останется в вечности. Увидит ли Роми еще раз этот фильм, название которого – «Прямой репортаж о смерти»?

1 июня 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Никто не посчитал нужным раздвинуть их – с той ночи занавески в квартире остались закрытыми.

Через несколько часов гроб с телом Роми отвезут на кладбище в Буасси-санз-Авуар в департаменте Ивелин.

По иронии судьбы в день, последовавший за днем ее кончины, Роми собиралась посетить мэрию этого крошечного городка. Она ушла из жизни за несколько часов до того, как собиралась уладить дело, которое было для нее важнее всего.

В тот день, 29 мая, Роми должна была явиться на прием в мэрию Буасси-санз-Авуар, что недалеко от Парижа, где месяцем ранее купила себе дом. Деревенский дом, какие показывают в кино, жилище в ее вкусе, где она решила поселиться навсегда, с вещами, необходимыми в быту, и теми, что были ей дороги как память. Где она могла бы жить спокойно и безмятежно, в окружении близких, любимых людей. Дом, где слышался бы детский смех. Убежище, где стала бы возможной история любви, как у ее героинь в фильмах Клода Соте.

Каменный дом среди деревьев, где она дышала бы чистым воздухом, где забыла бы о бесконечных переездах, поводом для которых был каприз, или новая любовь, или стремление скрыться от назойливых папарацци и строгих налоговых инспекторов.

Двадцать девятого мая Роми собиралась урегулировать последние формальности, необходимые для того, чтобы перенести прах Давида с кладбища в Сен-Жермен-ан-Лэ на кладбище Буасси-санз-Авуар. Она хотела, чтобы место упокоения ее сына было рядом с тихой гаванью, куда она собиралась перебраться.

Она часто видела этот дом во сне. И наконец нашла его. В конце дороги, без соседей, недалеко от деревни, но на отшибе, среди лугов, но на возвышенности, откуда можно было бы видеть колокольню церкви, под сенью которой упокоился Давид.

За несколько часов до смерти, сидя за маленьким секретером, у стены, увешанной фотографиями сына, и записывая что-то в блокнот, она думала о нем. Быть может, боялась предстоящей церемонии, которая разбередила бы ее рану? И выбрала другой вариант? Тихо, безболезненно уйти туда, где, как она верила, они встретятся снова?

Двадцать девятого мая служащие мэрии Буасси-санз-Авуар ждали приезда Роми. Но не дождались. Они не подозревали, что в этот день у нее будет свидание со смертью.

7 июля 1981 года

Сен-Жермен-ан-Лэ

Она идет медленно, мелкими шагами, вся в черном. Она и вообще-то невысока ростом, но сейчас кажется совсем маленькой и хрупкой. Лицо почти полностью скрыто низко надвинутой на лоб черной косынкой и темными очками. Единственное светлое пятно в ее облике – букет цветов. С левой стороны идет Ален Делон, который поддерживает ее под руку. За ними идет Вольф Альбах, он неотрывно смотрит на сестру.

Но вот начинается охота. Она узнает их глаза, без усталости высматривающие чужие несчастья. Словно стервятники, кружат они возле церкви в Сен-Жермен-ан-Лэ: там стоит гроб с телом Давида, и там должна пройти церемония прощания, организованная его матерью.

Всего два часа назад, когда преподобный отец Кольму готовился к службе, в церковь попытались проникнуть два фотографа. Один из них, американец, даже предложил священ-

нику деньги, чтобы тот информировал его о ходе церемонии. Отец Кольму сделал вид, что не слышит, просто запер двери главного нефа на ключ. Роми войдет через боковой придел.

Она сядет рядом. Чтобы можно было не сводить с него глаз. Провести еще немного времени рядом с ним. Чтобы проводить его до порога, который она хотела бы перешагнуть вместо него. Как у нее еще хватает сил держаться на ногах? В последние несколько часов перед прощанием близкие старались не оставлять ее одну, присматривали за ней с утра до вечера, как за малым ребенком.

В церкви собралось человек пятьдесят. В полной тишине они слушают, как священник в белом облачении читает «*De profundis*». Ален Делон берет слово и читает несколько строк Сент-Экзюпери. Даниэль Бьязини плачет у гроба того, кто был ему как сын. И все боятся взглянуть на Роми, лицо которой за два дня померкло от слез.

Затем отец Кольму сопровождает маленький гроб из светлого дуба до катафалка. Дает ему последнее благословение. Друзья и близкие выстраиваются вереницей и направляются к городскому кладбищу. Роми не видит и не слышит, как охранники пререкаются с журналистами и папарацци. Чудом не разбились несколько фотоаппаратов, одна телекамера была обезврежена.

Настала минута прощания. Роми возлагает на могилу сына венок из белых лилий. На надгробии будет написано «Давид Хаубеншток»: это настоящая фамилия его отца, Гарри Майена.

В сопровождении брата и Алена Делона, поддерживающих ее с двух сторон, Роми садится в большой черный автомобиль. Сейчас она хочет только одного: побыстрее уединиться, чтобы хоть еще мгновение мысленно побыть с ним. Приехав в Париж, она усаживается за маленький секретер, за которым любит писать. Достает из ящика блокнот, в котором с детства привыкла записывать события, важные для нее одной.

Сегодня вечером, чернилами, расплывающимися от слез, она пишет:

«Почему все это обрушилось на меня?

Давид – это все, что я люблю.

Я похоронила отца. Я похоронила сына.

Я не покинула их, ни одного ни другого.

И они тоже меня не покинули».

Октябрь 1981 года

Берлин

Свет лампочек без абажуров на мгновение ослепляет ее. Роми сидит перед зеркалом в своей примерной, неподвижная как статуя. Она рассматривает складки на веках, круги вокруг усталых глаз, морщины, которые скоро невозможно будет скрыть гримом. В ее шевелюре, над чистым лбом, появились седые волоски.

Прошло несколько месяцев, пока Роми смогла вернуться к работе. Эта примерная – как шлюзовая камера перед погружением. Только здесь она может укрыться от нескромных взглядов и отдаться своему горю. Каждая ночь – один нескончаемый приступ боли, каждое утро – испытание. Чтобы улыбка Давида не изгладилась из памяти, она постоянно держит при себе его фотографии. Они повсюду: дома, над маленьким секретером, в сумочке и, конечно, в примерной. Роми развесила его фото по обеим сторонам зеркала, и теперь это сияющее лицо всегда у нее перед глазами.

Время от времени она дотрагивается до глянцевой фотобумаги и гладит его по щеке, прикасается к виску, но не может запустить пальцы в его белокурые волосы. Мысль, что этот подросток навсегда останется неподвижным двухмерным изображением, приводит ее в глубокое отчаяние. С другой стороны, именно он, Давид, придает ей силы, чтобы играть. Она подчиняется ему, как автомат.

Эти съемки словно кто-то проклял. Проходят месяцы, пробы и репетиции множатся, но Роми твердо решила пройти этот путь до конца, при условии, что у нее хватит сил. В душе у нее рана, и тело начинает слабеть. Она как кукла с вывернутыми руками и ногами, которая вот-вот рассыплется на куски.

Она мечтала об этом фильме, сама его задумала и предложила Жаку Руфффио его снять. С тех пор как Роми прочла роман Жозефа Кесселя «Проходящая из Сан-Суси», она не сомневалась, что именно ей предстоит сыграть главную роль в экранизации этой книги.

Роми вспоминает о первых днях этого захватывающего приключения – ведь начало работы над фильмом для нее словно зарождающаяся история любви. Декорации были изготовлены на студии в Западном Берлине, и Роми была рада познакомиться с коллегами по съемочной группе. Она с нетерпением ждала новой встречи на съемочной площадке с Мишелем Пикколи. Но в конце мая колющие боли, которые появились у нее с недавних пор, стали невыносимыми; она вернулась в Париж и слегла. Жак Руфффио проявил понимание. Он обещал, что дождется ее выздоровления.

Врачи Американского госпиталя в Нейи диагностировали у нее злокачественную опухоль правой почки в начальной стадии. Роми еще не сыграла ни одной сцены: похоже, ее работа над фильмом кончилась, не успев начаться. Жак Руфффио щадил ее, не рассказывал, как на него давит немецкий продюсер, повторяя, что все сроки прошли. Чем дольше откладывались съемки, тем больше становились его убытки. Наконец однажды продюсер заявил Руфффио, что решил продолжить съемки, но только без Роми.

У него была на примете другая актриса: Ханна Шигулла. Восходящая звезда немецкого кино, муза Райнера Вернера Фасбиндера. Роми узнала об этом на больничной койке, от своего агента Жана-Луи Ливи. Ей удалили почку, операция прошла успешно, но она очень ослабла и лежала пластом. Эта новость могла либо окончательно деморализовать ее, либо, наоборот, дать силы для борьбы. Риск был очень велик.

Когда Жан-Луи Давид ясно дал понять Роми, что фильм могут снять без ее участия, она даже привстала в кровати от возмущения. Нет, никто, кроме нее, не сыграет Эльзу! Об этом не может быть и речи. Это ее проект, и она никому не позволит отнять его. Она найдет в себе силы продолжить съемки. Она готова была горы свернуть.

Итак, она приехала на съемки и затворяется у себя в гримерной, чтобы выполнить привычный ритуал, который ее успокаивает. Неторопливо причесывается, здоровается с гримером. А затем направляется к маленькому проигрывателю, который она разместила в углу, ставит один за другим хиты Леонарда Коэна, Саймона и Гарфанкела, Барбары, отрывки из рок-оперы «Волосы» и молча прослушивает их.

Пора репетировать. Роми садится перед зеркалом и просит гримера Жана-Пьера Эйшена подыграть ей. Гример становится ее партнером. Роми не смотрит на него. Лицо у нее меняется. По мере того как Роми усваивает текст, она превращается в Эльзу, свою героиню. Но злится, если что-то вдруг не получается. Попадается какое-нибудь непослушное слово или слог. Эта подготовка необходима ей перед тем, как сыграть сцену при всех. Роми тянет время как может, выпрашивает у режиссера, потом у ассистента еще несколько минут, несколько часов до выхода на съемочную площадку.

После операции, которая была в мае, Роми обещала приехать в Берлин в конце лета. Но 5 июля погиб Давид, и все яркое, радостное в ее душе словно затянулось черной пеленой. Ничто больше не привязывало ее к жизни. Даже те, кто приходили поддержать ее.

Их было много, они сменяли друг друга у ее постели, разделяли ее одиночество, желая удостовериться, что ее не поглотит бездна отчаяния. Все боялись, как бы она не вздумала избавиться от страданий раз и навсегда. Лоран Петен стал еще чаще названивать Жаку Руфффио, умоляя его начать съемки как можно раньше, чтобы у его подруги появилось хоть какое-то желание жить.

Роми обязана сыграть Эльзу. Никто не должен видеть ее душевных мук. Но сцена, которую она безуспешно пытается сыграть сегодня утром, странным образом перекликается с ее собственной судьбой. Эпизод очень напряженный и сложный. К съемкам все готово. Эльза ужинает в парижском кабаре с мальчиком, которого она опекает. Его зовут Макс, и он почему-то очень похож на Давида.

У Роми перехватывает дыхание. Она убегает. И запирается в своей гримерной. Сидеть напротив ребенка и смотреть ему в лицо – это свыше ее сил. Вся группа еще со вчерашнего дня боялась этой сцены. Жак Руфффио подготовился к ней заранее и провел беседу с группой.

Как обычно, ассистент режиссера Клер Дени берет на себя роль посредника и пытается выманить Роми из кокона скорби, в который она спряталась. Негромкий, но настойчивый стук в запертую дверь, нежный, успокаивающий голос. Клер Дени молча входит. Роми, съежившаяся в кресле, просит Клер одолжить ей маленькие золотые сережки с аквамаринами, подарок жены Мишеля Пикколи, которая купила их у одного берлинского антиквара. Эти голубовато-зеленые шарики сверкают, словно надежда.

Роми снимает свои серьги и меняется с Клер. Вероятно, это уловка, чтобы оттянуть еще на несколько минут съемки сцены, которой она так боится. Затем она встает, выходит и присоединяется к остальным членам съемочной группы, ожидающих ее с самого утра. Жак Руфффио попросил их не уходить далеко, на случай, если Роми все же вернется.

И в самом деле – она возвращается, в своем воздушном переливчатом наряде. Жак Руфффио напряжен и предельно сосредоточен: он понимает, что количество дублей, которые ему удастся снять, ограничено. Начинает он с того, что снимает ноги Роми, ее уверенную походку в туфлях на высоких каблуках (сделанных на заказ, потому что у нее больные ноги): в этой сцене Эльза идет через зал ресторана с Максом и материнским жестом обнимает его за плечи.

Грудь Роми вздымается чаще обычного, лицо становится мертвенно-бледным. Гример Жан-Пьер Эйшен первым чувствует: с ней что-то не так. Он стоит сзади и замечает, что ей трудно дышать. И, хотя идет съемка, он бросается к Роми и подхватывает ее, не давая упасть: она теряет сознание.

«Стоп!» Режиссер тут же останавливает работу. Жан-Пьер Эйшен вместе с ассистентами из продюсерской группы отводят Роми в ее гримерную, снимают грим, раздевают, помогают принять душ. Дают несколько часов отдохнуть. Потом снова гримируют и причесывают. И вот она снова готова к работе, как будто ничего не произошло.

Выглядит она великолепно, только чуть затуманенный взгляд выдает ее волнение. Жак Руфффио несколько секунд выжидает, а затем быстро снимает ее крупным планом, когда она, слабо улыбаясь, поднимает глаза к небу. Это момент, когда группа музыкантов подходит к Эльзе и спрашивает, что для нее сыграть, а она отвечает: «Играть будет мой сын».

Юный Венделин Вернер (это его первая роль в кино) встает и берет скрипку. Инструмент не дрожит в его руке. Первые ноты восхитительны. Роми опускает веки, потом поднимает. Ее зеленые глаза полны слез. Это плачет не Эльза, а она сама. «Стоп!» – негромко произносит Руфффио. Одного дубля будет достаточно.

Режиссер растроган. Да и все, кто участвует в съемках этой сцены, – техники, гример, парикмахер, ассистенты, статисты – стараются сдержать нахлынувшие эмоции. У одних льются слезы, другие просто отводят глаза. Они потрясены безутешным горем Роми.

В этот вечер Роми просит извинения за то, что она не пойдет ужинать вместе с группой. Она чувствует, что ей не хватит мужества встретиться с ними взглядом в ресторане. Немного позже Жан-Луи Ливи, ее агент, специально приехавший в Берлин, чтобы быть рядом и присматривать за ней, стучит в дверь ее номера в отеле «Штейнбергер». Ему открывает пусть и слегка осунувшаяся, но сияющая красотой Роми. В джинсах и без косметики.

Она впускает его внутрь. И он с изумлением и состраданием обнаруживает, что эту комнату, где Роми постоянно уединялась все последнее время, она превратила в мавзолей. В мяг-

ком свете ламп со всех стен комнаты смотрит одно и то же лицо – лицо Давида, мальчика с лучезарной улыбкой, который пронесся через ее жизнь, как проносится по небу падающая звезда.

Ноябрь 1981 года

Берлин

Выйти из комнаты. Неслышно повернуть ключ в двери. Быстро пройти по ковру, покрывающему пол в отеле. Не пользоваться лифтом. Свернуть к лестнице. На первом этаже зайти в служебное помещение, пройти по коридору и спуститься в подвал. Встретиться со служащим/служащей отеля. Кивнуть ему/ей в знак благодарности. Иногда ответить улыбкой на улыбку.

Приоткрыть дверь и осторожно выглянуть на улицу. И начать высматривать среди вереницы проезжающих мимо автомобилей тот, что сбросит скорость у этой двери. Каждое утро перед съемками Жак Руфффио заезжает за ней на арендованной машине. Чтобы избежать нескромных взглядов в холле отеля, Роми обратилась за помощью к директору и получила разрешение выбираться на улицу через подвал и служебный вход.

В машине, рядом с режиссером, Роми ощущает некое подобие душевного комфорта и может свободно отдаться горю, вспышкам гнева или веселости. Поговорить о съемках, о своих недавних ролях и вообще о жизни. Слова вылетают как пули, в голосе звучит то нежность, то ярость. И так всю дорогу до съемочной площадки.

Иногда она набирает его номер в два часа ночи и извиняется за поздний звонок. Жак Руфффио относится к ней с отцовской заботой, строит рабочий график так, чтобы у нее была возможность отдохнуть перед сценами, которые по ее просьбе надо будет повторять десятки раз, прежде чем отснять окончательный вариант. Руфффио подшучивает над ней, утверждая, что она усвоила эту вредную привычку, когда снималась у Франсиса Жиро в «Адском трио» и «Банкирше».

Роми всегда недовольна своей игрой; иногда это принимает причудливые формы и при всем сочувствии к ее горю может вызвать улыбку. Так, она попросила несколько дублей сцены, где Эльза, одетая в платье с блестками, поет в кабаре и вдруг начинает плакать: она аргументировала это тем, что у нее плакал только один глаз. А Жак Руфффио не мог ни в чем отказать ей.

Под руководством этого доброжелательного режиссера Роми еще несколько недель продолжает сниматься в «Прохожей из Сан-Суси». Она работает очень прилежно, думает только о фильме и полностью отгораживается от окружающего мира. Она настолько поглощена ролью, что, как у нее часто бывает, просит называть ее не Роми, а Эльза.

Для нее важно только это. Она готова работать днем и ночью. Иногда даже забывает поесть. Работа помогает ей не вспоминать обо всем остальном, что было в ее жизни. Не думать о смерти сына. Но в пятницу, в двенадцать дня, настроение у нее резко меняется. Люди в группе замечают, что в полдень лицо у нее проясняется, зеленые глаза начинают сверкать: скоро приедут ее спутник жизни Лоран и маленькая дочка Сара. Близится уик-энд, а с ним целые часы веселья и свободы.

Но в понедельник утром, после отъезда Лорана и Сары, ее кошмары возвращаются. С каждой неделей прощаться с дочерью становится все тяжелее. Роми впадает в грустную задумчивость, а извлечь ее из этого состояния нелегко. И тогда, как прилежная школьница, она сосредотачивается на работе над ролью. График съемок служит ей организующим фактором, позволяет составить распорядок дня. И все идет автоматически.

Правда, с недавнего времени покой ее размеренной жизни стали нарушать некие неизвестные люди. Она заметила их еще в Париже, когда ездила к кутюрье на примерку костюмов для фильма. И поняла, что за ней следят. Костюмерше тогда пришлось прогнать их, а ей самой – спрятаться. Но они не отстали. Они последовали за ней сюда, в Берлин.

Что это за люди? Всегда одни и те же или разные? Французы они или немцы? Как бы то ни было, они принадлежат к одной породе. Это папарацци, которые следят за ней исподтишка в надежде сделать эффектный снимок. Что они хотят заснять? Ее осунувшееся лицо, чтобы поместить фото в газете с подписью: «Горе матери, потерявшей сына»? Слезы на глазах, пусть даже не от горя, а от холода? Они присосались к ней как пиявки.

Дело дошло до того, что Жак Руфффио вынужден изменить график съемок на натуре. Чтобы за группой не увязались любопытные, приходится выезжать на съемки ранним утром. Осветители разворачивают прожектора в обратную сторону, рассчитывая ослепить фотографов. Техники, помимо основной работы, выполняют функции охранников. Но этих мер безопасности оказывается недостаточно. Некоторым папарацци удается обмануть их бдительность и залезть на деревья, окружающие площадку.

Поймав их с поличным, Роми, обычно такая хрупкая и ранимая, буквально свирепеет. Вне себя от гнева, она осыпает их отборными немецкими ругательствами. Она злится на них – причем уже давно. И сейчас дает волю обиде, накопившейся за долгие месяцы или даже годы. На помощь Роми спешит ее партнер, немецкий актер Герард Кляйн. Он прогоняет непрошенных гостей, причем нередко дело доходит до драки.

На этих съемках Герард Кляйн – ее ангел-хранитель. Он осушает ее слезы, с ним она может переброситься несколькими словами на языке Гёте: иногда они нарочно переходят на немецкий, чтобы подразнить остальных участников группы. А главное, он умеет рассмешить Роми: она хохочет без удержу, когда он напевает немецкие песни и классические арии, которые разучивал в школьные годы.

А еще она любит вместе с ним пропустить стаканчик после съемок, в каком-нибудь берлинском баре. Они смеются одним и тем же шуткам, разыгрывают барменов, мешая французские слова с немецкими, и это дает им повод для веселья на несколько дней.

Однажды, во время съемки очередного эпизода, они, едва успев взглянуть друг на друга, вспомнили недавний розыгрыш, разразились хохотом и никак не могли унять. Их дружба зародилась уже через несколько минут после первой сцены, в которой они играли вдвоем. Для Герарда Кляйна это была первая роль в кино, он поделился своими опасениями с Роми, и общая для обоих партнеров склонность сомневаться в себе мгновенно сблизил их.

Жак Руфффио использует эту взаимную симпатию в своих целях: если надо успокоить Роми, он обращается за помощью к Герарду Кляйну так же часто, как к Мишелю Пикколи. Это приходится делать, когда она не хочет играть. Или когда на нее нападает страх. Страх оказаться не на высоте. Этот страх охватывает Роми по утрам, когда она просыпается, и не дает ей посмотреться в зеркало. А еще она боится папарацци, которые хотят вторгнуться в ее тщательно оберегаемое личное пространство.

Она никому не рассказывает об этом паническом страхе, однако под его влиянием становится все более резкой и недружелюбной, особенно с незнакомыми людьми. Это испытал на себе Жерар Шам, официальный фотограф группы, которого Жак Руфффио пригласил для того, чтобы он запечатлел лица участников фильма. Когда он только приехал на съемочную площадку, первый контакт с Роми оказался для него по меньшей мере дестабилизирующим.

Съемки продолжаются. Роми сидит за стойкой бара и не смотрит на фотографа. А он, привыкший сливаться с окружающей обстановкой, не хочет надоедать ей и ждет удобного момента, чтобы попросить ее позировать. Затем он заговаривает с ней, объясняет, кто он и зачем здесь, но Роми его не слушает. Хуже того: не произнося ни слова, пристально смотрит на него – и выливает ему в лицо бокал шампанского, который держит в руке.

И убегает. Через несколько минут Жерару Шаму приносят записку с извинениями, заканчивающуюся словами: «Добро пожаловать на съемки». Роми возвращается. Идет через всю площадку к фотографу – и целует его. Так он узнает о привычке Роми писать короткие записки

тем, кого она любит, – постоянно, где бы она ни была, даже когда адресат находится в одном с ней помещении. Она не говорит с ними, а изъясняется письменно.

В этих записочках, нацарапанных ее небрежным почерком, часто черными чернилами, некоторые слова подчеркнуты, как будто она хотела особо выделить какое-то упоминаемое ею чувство. Читая их, адресаты слышат характерные интонации Роми, ее немецкий акцент. «Спасибо за твою нежность». «Спасибо, что ты рядом». Это ее способ доказать свою любовь.

Так она поступает первого ноября, когда на съемочной площадке отмечают день рождения дочери продюсера фильма, Раймона Данона. Жеральдине тринадцать лет, и Роми решает устроить ей сюрприз. В те дни, когда Сары нет рядом и Роми не может излить свою нежность на Венделина, юного актера, играющего ее сына, она окружает вниманием и заботами эту девочку.

Итак, первого ноября Жеральдина получает от Роми записку: «Торта у “Кемпински” не будет, но я сделаю, что могу». По завершении съемочного дня вся группа обычно ужинает в отеле, где проживает большинство занятых в фильме актеров. Когда Жеральдина садится за стол, ей приносят... нет, не традиционный торт, – ножку ягненка! Подарок, заказанный для нее Роми.

Эту нежную привязанность Роми дарит безоглядно и всегда очень импульсивно; и участники съемочной группы платят ей тем же. Все они проявили по отношению к ней бесконечное терпение и создали вокруг нее атмосферу редкой доброжелательности. В первый день съемок Роми нашла у себя в гримерной огромный букет розовых роз: это было общее приветствие.

В последний день съемок был устроен торжественный ужин, на котором к съемочной группе впервые за все время присоединилась Роми. Все присутствующие – актеры, продюсер, режиссер, техники – молча, с замиранием сердца наблюдали за ней, боясь, что у нее случится срыв. Уже несколько дней у Роми проявлялись признаки переутомления, нервного и физического. Клер Дени старается не отходить от нее далеко.

До этого несколько участников группы, в том числе Роми, решили начать праздновать окончание работы над фильмом уже днем. Они отправились в один маленький берлинский бар. Компания сидела за стойкой, когда Клер Дени сдвинула лежавшую перед ней подставку под пивную кружку и обнаружила на стойке нацарапанное небрежным почерком слово «*Sehnsucht*» – тоска.

Клер сразу же узнала почерк Роми. Она стала оглядываться вокруг, но актрисы нигде не было видно. Клер всмотрелась в шумно веселящуюся компанию коллег: Роми не было и среди них. Тогда она побежала в туалет. И там обнаружила Роми, которая сидела на полу. Ей стало плохо, и она не смогла подняться без посторонней помощи.

Роми вернулась в отель в состоянии крайней слабости. Тем не менее, переодевшись, она заявила, что обязательно должна присутствовать на торжественном ужине вместе со всеми участниками съемочной группы. И вот она стоит перед ними с большим букетом в руках. Когда она тихим голосом начинает свою речь, то похожа на бабочку, ослепленную ярким светом. Потом голос звучит громче, становится прежним. Она выражает сердечную благодарность режиссеру Жаку Руффио.

А затем благодарит всех участников группы. Не только актеров, с которыми снималась в одних сценах, но и техников, и продюсера Раймона Данона. Свою личную костюмершу, парикмахера и гримера. Объясняет, что благодаря им розовые розы, которые они преподнесли ей в день приезда, превратились в красные. Этот букет – для них. И она раздает каждому по цветку.

Роми пытается широко улыбнуться, глаза у нее блестят от слез, которые так и не проливаются. Ужин можно начинать.

Эта ночь, последняя ночь съемок, будет наполнена весельем и винными парами. Настолько, что утром большая часть съемочной группы опоздает на самолет в Париж.

1982 год

Париж, улица Вербуа

Она идет по темной улице. С присущей ей царственной осанкой. С косынкой на голове, которая позволяет ей причесываться без затей, как она делает часто. А еще – оставаться неузнанной, когда у нее возникает желание пешком пройти по Парижу. Роми любит гулять инкогнито. Именно в эти вечера, когда она бесцельно бродит по улицам столицы, ее мысли блуждают сами по себе, пересекают мосты, отскакивают, как мячики, от величественных фасадов.

В этом парадокс ее жизни. Роми любит моменты, когда она одна, иногда нарочно создает их для себя, чтобы отгородиться от внешнего мира и ощутить покой. С другой стороны, эти моменты уединения могут вызвать у нее приступ тоски, во время которого ее начинают преследовать воспоминания о сыне. И тогда с наступлением темноты она выходит на улицу. В час, когда лица – не более чем тени.

Гибель Давида, трудная реабилитация после операции на почке, развод с Даниэлем Бьязини (теперь у нее новый избранник, молодой продюсер Лоран Петен) – все эти события, радостные и печальные, совсем истощили ее силы. Сможет ли она когда-нибудь обрести душевный мир, счастье, когда нет других забот, кроме необходимости учить к съемкам текст новой роли или заниматься воспитанием Сары в их новом доме за городом?

В этот вечер Роми оставляет за собой на асфальте отпечаток Роми Шнайдер, свой постепенно растворяющийся в воздухе призрак. Свою известность. Свою красоту. Но и покоряющую женственность, которой мечтали бы обладать все женщины. Ради которой кое-кто из них решается подставить лицо под скальпель пластического хирурга. Сколько их набралось на сегодняшний день, тех, кто мечтает стать женственной, как Роми? Кто отождествляет себя с прекрасными, свободными женщинами, чьи образы она воплощает во Франции времен Помпиду и Жискара д'Эстена?

Женственность Роми – в ее одухотворенном лице, в ее улыбке, в заразительном смехе, в легком немецком акценте, в манере закуривать сигарету, в том, как она смотрит на своих детей, на мужчин, которых любит, даже в том гневе, который вспыхивает в ее глазах, когда что-то раздражает ее на съемочной площадке. В ее врожденной элегантности, которую год за годом так любит подчеркивать кинокамера.

Чего бы она не отдала за то, чтобы снова встать перед камерой Клода Соте? Вновь окунуться в волнующую атмосферу этих съемок, где она была такой счастливой, такой желанной. После «Простой истории» Клод Соте снял один-единственный фильм – «Плохой сын», без ее участия. Она так и не примирилась с этим. Ведь сценарий к «Плохому сыну», вышедшему на экраны несколько месяцев назад, в октябре 1980 года, написал ее бывший муж, Даниэль Бьязини.

И тем не менее ни один из этих мужчин, которых она так любила, не пригласил ее сниматься. Вместо нее партнершей Патрика Девера в «Плохом сыне» стала Брижит Фоссе. Никто не решился сказать Роми об этом, она узнала сама, случайно. И пришла в бешенство. Они оправдывались, говоря, что эта роль ей не подходит, что, взявшись ее сыграть, она совершила бы ошибку. Роми не соглашалась с такими аргументами. Она чувствовала себя брошенной.

Сегодня она не в первый раз бесцельно блуждает по Парижу. И каждый, или почти каждый, раз ноги сами приводят ее в одно и то же место на правом берегу Сены. Роми переходит реку напротив острова Сите, сворачивает на улицу Тюрбиго и открывает дверь ресторана «У друга Луи», в доме 32 по улице Вербуа. Она любит бывать здесь. Но сегодня, как уже часто случалось, хозяину заведения понадобилось несколько минут, чтобы взглянуть в эту невысокую женщину и узнать ее.

Метрдотель Антуан, которому она регулярно дарит шарфы, проводит ее к удобному столику. Роми – одна из самых щедрых и приятных клиенток, каких только встречали официанты и владельцы ресторанов. Она всегда находит доброе слово для каждого, интересуется, как у них дела. Но сегодня вечером она почти не разговаривает. И вид у нее растерянный.

Первым ее замечает Жан-Клод Каррер, сценарист и второй режиссер «Бассейна». Несколько минут он наблюдает за ней. Роми бледна и вся дрожит, взгляд у нее блуждает. Каррер встает и приглашает Роми за свой столик, за которым только что приступили к ужину его гости из Америки – режиссер Милош Форман и дипломат Генри Киссинджер. Роми соглашается. И садится рядом с ними, не сняв с головы косынку.

Затем напряжение понемногу спадает. Ей приносят одно из ее любимых блюд – тушеные сморчки. Она остается за столом до конца ужина. Делится воспоминаниями о съемках «Бассейна» в Сен-Тропе. О неожиданных появлениях на площадке Сержа Генсбура, который панически боялся, что Ален Делон влюбится в его подругу Джейн Биркин: у нее это была одна из первых ролей в кино.

Но ужин заканчивается, все расходятся по домам. Жан-Клод Каррер решает вызвать для Роми такси. Нельзя же позволить ей вернуться домой пешком, через весь город, при том что ее и днем и ночью преследуют папарацци. К счастью, она гуляет, когда камеры уже выключены, и потому остается незамеченной. Только в это время суток она становится обыкновенной женщиной, такой, как все.

Роми озабочена. Недавно у нее появилась идея, за которую она ухватилась, как за спасательный круг в открытом море во время шторма: она хочет сниматься в новом фильме. Продюсер Ален Терзиан уже рассматривает этот проект. Сценарий принадлежит Кристоферу Франку, а режиссером будет очень ценимый ею Пьер Гранье-Дефер, который снимал ее в «Поезде» и «Женщине в окне».

Но есть небольшая заминка: ее будущий партнер – не кто иной, как Ален Делон, – долго не отвечает на сделанное ему предложение. Что это может значить? Он больше не хочет с ней сниматься? Мысль, что он может сказать ей «нет», для нее нестерпима. Фильм называется «Поединок».

Когда-то их связывала большая любовь, и теперь они встретятся снова. Может, ему неприятно, что его опять будут ассоциировать с ней и с той страстью, которая переродила их обоих и от которой они неотделимы в сердцах французских зрителей? Главные любовники французского кино... Жан-Клод Каррер уговаривает Роми сняться в новом фильме, ведь она всегда «танцевала на вулкане».

Несколько месяцев назад Делон уже отклонил предложение сниматься вместе с Роми. Он должен был играть бывшего мужа героини в фильме «Прямой репортаж о смерти». Но отказался, испугавшись, что зрители пойдут на фильм только ради того, чтобы еще раз увидеть их на экране вдвоем, и не уделят должного внимания игре Роми. В общем, выказал скромность. Но Роми увидела в этом нежелание играть вместе с ней.

10 апреля 1982 года

Париж, Павильон «Габриэль»

Все, кто когда-либо встречался с Роми, обращали внимание на ее своеобразную походку. Она ходит уверенно, быстро, мелкими, но решительными шагами, чуть наклонившись вперед и никогда не оглядывается. Эта почти мужская походка резко контрастирует с ее нежным, женственным лицом. Однако женщина, входящая сейчас в ресторан, где традиционно снимается популярнейшая телепередача «Елисейские Поля», совершенно не подходит под это описание.

Она шагает, словно автомат, за сотрудницей, которая ведет ее по длинному полутемному коридору. По обеим его сторонам – закрытые двери. Провожатая останавливается и выпускает

ее в одну из комнат. Она входит и усаживается в кресло. Ей говорят, что ее очередь наступит через несколько минут. Зайдет ведущий и позовет ее. Обратный отсчет начался.

Роми пристально смотрит на дверь. Ладони у нее постепенно становятся влажными, она боится, что не сумеет найти верные слова, и еще – что не сможет высказать все, что должна; а ведь за этим она и пришла сюда. Согласившись дать интервью на телевидении, она сама выбрала собеседника – известного тележурналиста и ведущего Мишеля Друкера. Пожелала быть в этот вечер его единственной гостьей. И без публики.

Почти десять месяцев Роми хранила молчание. Никому не давала заглянуть в свою изболевшуюся душу. После смерти Давида она не всегда скрывала горе, но ей удалось не демонстрировать гнев. Она не могла позволить себе растрчивать силы понапрасну. Оставшийся у нее запас энергии был невелик, и она целиком направила его на продвижение фильма, в котором недавно снялась.

Она знает, что зрители хотят услышать ее, но знает также, что им интересно взглянуть не на лицо актрисы, а на лицо скорбящей матери. По сути, это проявление вуайеризма, который всегда был ей отвратителен, но разве может она обижаться на своих зрителей? Они вправе знать, что она чувствует. И сегодня она пришла сказать им об этом. Но главное, пришла излить свой гнев.

Вот уже много ночей ей снится один и тот же кошмар: больничная каталка, накрытая белой простыней, под которой угадывается тело ее сына. Ее малыша Давида. Мертвого. Какой-то папарацци пробрался в помещение морга, где находилось тело, с единственной целью: сделать эксклюзивное фото. Перед тем как попасть в редакцию некоего периодического издания, снимок прошел через много рук.

Ни одна французская газета не пожелала опубликовать его. Зато немцы тут же приобрели эту дурно пахнущую сенсацию и напечатали в газете «Бильд». Желтая пресса родной страны не пощадила Роми и на этот раз.

Она почти не обращает внимания на оформление студии. Афиша «Прохожей из Сан-Суси» висит рядом с «Банкиршей», афишей ее предыдущего фильма. На маленьком возвышении стоят комнатные растения с темными листьями. Ответив на несколько вопросов ведущего по поводу фильма, Роми переводит дух и самовольно берет слово. «Главное, я хочу, чтобы меня наконец оставили в покое. Вы не представляете, на что способны некоторые так называемые фотографы. Но общество вправе это знать. Они переодеваются медиками, чтобы сфотографировать мертвого ребенка». Мишель Друкер смотрит на Роми: она выдерживает его взгляд, говорит четко и внятно.

Ведущий не перебивает ее. У Роми заготовлена еще одна фраза, которую она произносит спокойным, ровным голосом: «А известного рода пресса покупает такие материалы и помещает на первую полосу. Где же мораль, где чувство такта?» Роми едва исполнилось сорок три, но сейчас, несмотря на грим, скрывающий морщины, она кажется намного старше. Вместо сияющей героини фильмов Клода Соте зрители видят измученную женщину. Измученную прозой жизни. Измученную тяжелыми испытаниями. Измученную людской низостью и жестокостью.

Судьба человека складывается из встреч с другими людьми, из кратких минут счастья и страшных несчастий. Возможно, именно в эту минуту была решена судьба Роми. Страдание надорвало ее сердце, и биться ему оставалось недолго. Меньше пятидесяти дней. Если точно, сорок девять.

2 июня 1982 года

Буасси-санз-Авуар, департамент Ивелин

Как в фильме при долгой съемке с движения, камеры снимают длинную вереницу людей, пришедших проститься с ней. И поблагодарить ее за все то, что она дала им. За минуты, когда они от души смеялись, глядя на киноэкран, или плакали, сидя перед экраном телевизора.

Церемония намечена на десять, но они начали собираться уже за несколько часов. Одни приехали издалека, другие пришли пешком из своих скромных домиков или квартир в городке Буасси-санз-Авуар. Помимо того что Роми была кинозвездой мирового масштаба, месяц назад она стала для них еще и соседкой. Из своих окон она могла видеть кладбище, где собиралась перезахоронить Давида и где через час с чем-то упокоится сама.

Перезахоронение Давида должно было состояться утром того дня, на рассвете которого перестало биться ее сердце. Ей было назначено время приема в мэрии, и служащие ее ждали.

Но она первой ляжет в эту землю, а потом он присоединится к ней, и они будут вместе, как она и обещала.

Специально нанятая бригада охранников держит на расстоянии журналистов и фотографов. Чтобы не пропустить приезд родных и друзей Роми, папарацци одолжили или стащили у местных жителей десятки лестниц и, словно солдаты, осаждающие крепость, влезли на стену кладбища. Оттуда они смогут увидеть, как подъедет катафалк, светло-серый «мерседес», и гроб светлого дерева внесут в церковь Святого Себастьяна. Паперть церкви сплошь покрыта букетами и венками из белых цветов.

В толпе людей, пришедших отдать ей последний долг, – ее друзья, близкие, режиссеры, которые превращали ее в неземное создание, партнеры, которые любили ее. Все они еще не успели оправиться от шока, вызванного сообщением о ее внезапной кончине. Мишель Пикколи, Жан-Клод Бриали, Жан-Луи Ливи, Жак Руффю, Пьер Гранье-Дефер, Жан Рошфор и другие.

Клер Денни и Герард Кляйн, работавшие с ней на съемках последнего фильма, «Проходящая из Сан-Суси», не смогли приехать. Оба они были заняты в другом фильме. Потрясенные страшным известием, они позвонили Мишелю Пикколи. Тот посоветовал им просто зайти в бар, выпить стаканчик и подумать о ней.

Мужчины, которые были близки с ней при жизни, сейчас здесь, возле нее.

Лоран Петен хоронит любимую женщину в свой день рождения. Сегодня, 2 июня 1982 года, ему исполняется тридцать три.

В церкви Лоран садится на первый ряд скамей.

Хотя они познакомились всего несколько месяцев назад, он навсегда останется «последним спутником жизни Роми Шнайдер».

Он унаследует часть ее имущества, в том числе и дом в Буасси-санз-Авуар. Так распорядилась Роми в своем завещании. Другая наследница – Сара.

Даниэль Бязини хоронит женщину, которую безумно любил и с которой прожил десять лет. Тогда Роми была такой, какой ее видели в фильмах Клода Соте, – в расцвете красоты, веселой, задорной, страстно любящей. Это была Роми, которая приехала из Германии, но чувствовала себя француженкой до мозга костей. Роми, которая захотела выйти замуж и создать семью для своего сына Давида. Роми была его супругой, его большой любовью, она стала матерью его дочери Сары. И хотя к моменту смерти Давида они успели расстаться, боль от этой утраты, как и последующие испытания, он разделил с ней.

Даниэль Бязини сейчас в церкви, но не на виду. Он сидит на одной из скамей в боковом приделе.

На пальце у него кольцо с печаткой, прежде принадлежавшее отцу Роми. Вольф Альбах-Ретти носил его всю жизнь. Роми вручила его Даниэлю в день их свадьбы вместо обручального.

А Даниэль, в свою очередь, однажды отдаст его Саре. Ей отошло и кольцо из черного дерева с сапфиром, которое Роми получила в подарок от Лукино Висконти.

Служба в церкви шла около часа: столько длится молитва. Затем гроб вынесли на маленькое кладбище рядом с церковью.

Тело Роми предали земле.

Ее подруга, актриса Таня Лоперт, кладет на гроб маленький камешек, как требует иудейская традиция.

Роми не принадлежала к этой традиции, но завещала, чтобы ее похоронили со звездой Давида на шее.

Таня Лоперт виделась с Роми за несколько часов до ее смерти; она пригласила подругу на день рождения своей дочери, а Роми объяснила, почему недавно остригла волосы: ей хотелось быть похожей на Давида.

Ален Делон не пожелал приехать на похороны, но все же его невидимое присутствие ощущается здесь повсюду. В частности, на улицах городка. Делон взял в аренду несколько квартир в домах, стоящих по пути следования похоронной процессии, между въездом в городок и церковью, на случай, если там вздумают устроить засаду папарацци, чтобы сфотографировать Роми в последний раз.

Несколькими часами ранее, когда продюсер Ален Терзиан и режиссер Клод Берри поднялись в квартиру на улице Барбе-де-Жуи и, не нарушая молчания, вошли в комнату, где умерла Роми, Делон уже знал, что не будет сопровождать ее в этом последнем путешествии. Когда пришло время ехать, он отрицательно покачал головой. Для Терзиана и Берри его решение было необъяснимым.

Роми не могла уйти без Алена. И Ален не мог отпустить Роми одну.

Он вышел из дверей квартиры вместе с ней, проводил гроб до подземной парковки в ее доме и не пошел дальше.

Он был доволен, что сумел обмануть свору фотографов, которые, конечно же, дежурили на улице, ожидая, когда гроб вынесут через парадную дверь.

А потом смотрел ей вслед до тех пор, пока катафалк не скрылся из виду.

Заметив, что папарацци, трое суток крутившиеся возле дома, вытоптали цветы на клумбах перед входом, он обещал посадить там новые.

Ален Делон не приехал на похороны женщины, которую страстно любил с того самого дня, когда пришел встречать ее на летное поле Орли перед началом съемок «Кристины». Этой девушки, которая была его невестой и женщиной его жизни, при том что он так и не захотел сделать ее своей женой.

Этой актрисы, благодаря которой его популярность выросла как на дрожжах и которой он, в свою очередь, помог выйти из тени, выбрав ее своей партнершей в фильме «Бассейн». Кристина Карон, чемпионка Олимпийских игр по лыжному спорту, побывавшая на съемках «Бассейна» в Сен-Тропе и наблюдавшая за ними, так определила их отношения: их связывает невидимая нить, проходящая сквозь время и пространство.

Без него Роми не стала бы любимицей французской публики.

Несколько дней спустя Ален Делон в одиночестве приедет на кладбище в Буасси-санз-Авуар, чтобы постоять у ее могилы с надгробием из серого мрамора.

На могиле Роми Шнайдер написано имя, данное ей родителями при рождении, сорок три года назад, в Вене: Розмари Альбах. В тот день они представить себе не могли, что произвели на свет девочку, которая станет самой французской из немецких актрис. Кумиром французской публики.

Альбах. После переезда в Париж она захотела снова взять отцовскую фамилию, чтобы заставить зрителей забыть о «Роми Шнайдер»: по ее мнению, это имя неизбежно вызвало ассоциации с ролью Сисси. Она планировала расстаться с этим артистическим именем. Чтобы начать новую жизнь и распрощаться с прежней, она решила, что отныне ее будут называть «Роза Альбах».

Но в итоге отказалась от этой идеи, чтобы не причинять боль матери.

Когда похороны Роми завершились, Даниэль Бязини поехал к Саре, ее и его дочери; по дороге он восстанавливал картину своей жизни, мысленно складывая ее из множества записочек, которые оставляла ему Роми.

Среди них было одно послание, совсем короткое, но содержащее в себе жизненный урок:

Life is stronger than a match de boxe².

Роми

Магда Шнайдер не присутствовала на похоронах дочери. В саду своего шале в Берхтесгадене она установила маленький деревянный крест, вкопанный в землю среди цветов, и велела написать на нем имена Давида и Роми. Это была могила, находившаяся в ее личной собственности.

14 февраля 2019 года

Париж, бульвар Осман

Чтобы узнать, какой была Роми Шнайдер, я просмотрела десятки фильмов с ее участием и множество интервью, проанализировала документальные ленты о съемках, выискивая мельчайшие детали, которые помогли бы раскрыть какую-либо грань ее личности, неизвестную нам прежде. Я встречалась и беседовала с режиссерами и актерами.

Чтобы попытаться понять ее, я устанавливала контакт с теми, кто наиболее близко знал ее, с теми, кто ее любил. С теми, кто был ее спутником жизни, как Даниэль Бязини, который долго рассказывал мне, какой женщиной, супругой и матерью она была. Веселой и вместе с тем тревожной. Влюбленной и страстной.

Чтобы пройти по ее следам, я углубилась в прошлое. Я ходила под окнами домов, где она жила. Ездил в Берхтесгаден, взяв с собой старые фотографии этих мест, и разыскивала шале Магды Шнайдер: мне нужно было войти в комнату, где прошло детство Роми. Где все началось. Понять, что было до Сисси, до прихода Роми в кино. А затем я постояла перед дверью квартиры в Париже, на улице Барбе-де-Жуи, где на рассвете 29 мая 1982 года все остановилось.

Но для моего расследования был необходим еще один свидетель. Последний свидетель. Тот, кто, возможно, владеет ключом к этой истории и с кем я собираюсь встретиться.

Легенда французского кино.

Ален Делон.

Дверь мне открывает его помощник Тибо. Он просил меня проявить терпение. Месье Делон не сказал «нет», когда я попросила его о встрече. Но мне пришлось дожидаться этого полтора года; с тех пор, когда я только взялась за книгу о Роми, мы с ним неоднократно обменивались эсэмэсками, иногда он неожиданно звонил мне, чтобы поговорить – о жизни, о своем коте, о тех, кого знал и кого больше нет на свете. Но о Роми – никогда.

Я чувствовала, как он напрягался, едва я пыталась затронуть эту тему. Он вообще очень редко говорил о ней, особенно с журналистами: боль была слишком сильна. В его интервью очень редко попадалось ее имя. И всякий раз это он сам упоминал о ней, когда отвечал на какой-то вопрос. Однако никогда не распространялся по этому поводу. И все же он обещал мне, что с наступлением теплых дней мы увидимся.

Прошло лето, потом еще одно. И вот наконец однажды утром он согласился встретиться. Позвонил в одиннадцать утра и назначил встречу на три часа.

Меня провели в его кабинет и попросили подождать. Пока Тибо докладывал о моем приходе, мне попала в глаза книга, которую написал Ален-Фабьен, младший сын Делона, – «Из расы господ». Он часто слышал это выражение от отца.

² Жизнь жестче, чем боксерский матч (англ.).

Входит хозяин дома. Он одет в джинсы и рубашку поло серо-голубого цвета, которая очень идет к его глазам, и, как всегда, выглядит очень элегантно. Не сказав ни слова, он целует мне руку. Затем улыбается.

Мы идем по коридору, ведущему в гостиную. Я не впервые в этой квартире. Я уже была здесь, когда мы с Лораном Делаусом снимали для телеканала «Франс-2» документальный фильм о Мирей Дарк: он долго и с большим волнением делился воспоминаниями о годах совместной жизни с этой актрисой.

Обстановка в этом жилище снова, как и в первый раз, поражает меня. Повсюду – на стенах, на банкетке и на полу в коридоре, на стульях в гостиной, где мы сейчас находимся, – висят, лежат и стоят на полках десятки фотографий. Одни в рамках, другие – на обложках книг. Целая портретная галерея. Здесь представлены Далида, Мирей Дарк и, конечно, Роми.

Перед тем как сесть, хозяин дома показывает мне комнату. Время от времени он останавливается перед одной из фотографий, чтобы рассказать о связанном с ней воспоминании или о чьей-то чарующей улыбке.

Он садится справа от меня, в углу дивана, лицом к двери. И я понимаю, что это его привычное место. Во время нашей беседы Тибо будет заглядывать в комнату, желая убедиться, что все идет как надо, а Делон будет отвечать едва заметным кивком, давая понять: все в порядке.

Он начинает рассказ с их первой встречи в 1958 году, когда им предстояло вместе сниматься в «Кристине»: он стоял на летном поле аэродрома Орли и увидел, как она сходит по трапу. Даже сейчас, шестьдесят один год спустя, он не перестает удивляться: надо же, из двенадцати претендентов на главную мужскую роль в «Кристине» выбрали именно его, хотя он начал свою профессиональную карьеру в кино всего за год до этого! «Я был просто вне себя от изумления!»

А дальше говорит о любви, которая охватила их обоих с первого взгляда и связала навсегда.

«Раньше у меня были романы, но я еще ни разу не влюблялся по-настоящему. Для меня это была первая любовь. И для нее тоже, как я понял очень скоро.

Когда я узнал, что меня выбрали ее партнером, то и представить себе не мог, что однажды влюблюсь в нее. Ведь она тогда уже была звездой, а я нет. Меня просто подобрали ей в партнеры, я должен был подыгрывать звезде».

К тому времени Ален Делон не видел ни одного фильма про Сисси. «Мне было наплевать, кто она такая, эта Роми Шнайдер. Она была звездой у себя в Германии». Он рассказывает, как она покинула свою семью и родную страну, чтобы жить с ним, и о том, какая волна возмущения поднялась по этому поводу в немецкой прессе. «Они там, в Германии, переполошились, стали кричать: вот, Роми уехала, у нас украли Сисси, она нашла себе француза, бросила родину и так далее. Она удивлялась, но в тот момент ей было наплевать на них, она была влюблена».

Мы вспоминаем эти годы и разглядываем тогдашние фотографии, на которых их лица сияют красотой и радостью. «Мы были очень счастливы, потому что сильно любили друг друга. Но когда мы только познакомились, то не могли друг друга понять: она говорила только по-немецки, а я все время говорил по-французски. Через несколько месяцев она уже свободно говорила по-французски, а я по-прежнему не мог сказать по-немецки ни слова, кроме *“Ich liebe dich”*».

Роми настолько продвинулась в изучении французского языка, что даже смогла играть на сцене в Париже. «Меня всегда это поражало, потому что я не понимал, как это у нее получилось». Роми приняла вызов – и одержала победу. Постановка Лукино Висконти имела триумфальный успех. На премьере был весь Париж. «Эдит Пиаф прислала телеграмму: “Сегодня я буду так близко от вас, что вы не сможете меня не заметить!” В самом деле, она сидела в пер-

вом ряду!» Вспоминая об этом, он смеется: «Эдит пришла посмотреть на нас! Потому что и она тоже обожала истории любви».

Ален Делон говорит о восхищении и любви, которые испытывал к Роми. Ради нее он решает расстаться с Жюльетт Греко. И впервые в жизни начинает планировать жизнь вдвоем. «В то время помолвка была прелюдией к свадьбе». По его глазам видно, что в этот момент он вспоминает церемонию, состоявшуюся тогда на берегу озера Лугано.

Он признает, что Роми сыграла важную роль в становлении его карьеры. «Я был никто. Я всегда говорил, что стал тем, кто я есть, с помощью женщин, стараниями женщин, благодаря женщинам. Это ради женщин я стал сниматься в кино, потому что они любили меня. Моим успехом я был обязан не случаю, а женщинам, которые меня вдохновляли».

А затем рассказывает о роли, которую он сам сыграл в карьере Роми, когда настоял на том, чтобы именно она стала его партнершей в «Бассейне». Ведь она переехала в Германию и была далеко от мира кино. Он поговорил с продюсерами, которые не верили в нее.

«В то время я мог позволить себе сказать им: “Мне плевать на ваше мнение!” Я сказал: “Или играть будет Роми Шнайдер, или я в этом фильме не участвую!”»

Хотя мы тогда уже расстались, я очень любил ее. И я хорошо знал, кто она была, какие у нее были возможности и как она могла сыграть, вот почему я предложил ей роль в “Бассейне”. Не ради того, чтобы мы опять сблизились, а потому, что роль в “Бассейне” была как нарочно создана для нее. Так я думал – и не ошибся».

«Когда фильм вышел, это был триумф. Но никто из них не сказал мне: “Вы были правы!”»

Он вспоминает съемки, вспоминает, как счастлива была Роми, что снова оказалась на съемочной площадке, что ее окружает волшебная природа Раматюэля. И как ей было приятно, что рядом был ее сын Давид. Тогда ему было два с половиной года, и она посадила его в люльку. «Она оставляла его там на все то время, пока шла съемка. Она была несказанно счастлива. Давид – это была вся ее жизнь».

Он встает, чтобы показать мне фотографию этой люльки, стоящей у воды, вне зоны видимости режиссера. «Вот тут он был, Давид, совсем рядом, здорово, правда? Сниматься, не расставаясь с Давидом, – это было ее счастье».

Делон настаивает: вопреки мечтам или предположениям журналистов и зрителей, съемки в «Бассейне» не привели к возобновлению близких отношений между ним и Роми, это была просто совместная работа. «Тут все ясно и просто. У нас не было какой-то новой связи или чего-то вроде этого. Мы оба тогда были счастливы. Между нами не возникло никаких недоразумений». У актера в то время была подруга, Мирей Дарк, которая приезжала к нему на съемки.

«Только после “Бассейна” Роми раскрылась по-настоящему. Если бы она не снялась в этом фильме, ее карьера сошла бы на нет. И публика так и не узнала бы, какой у нее был потенциал. Она думала, что после Сисси не сможет стать кем-то другим. А стала настоящей актрисой».

Прошли годы. Он вспоминает режиссеров, у которых в дальнейшем снималась Роми, в частности Клода Соте. На мой вопрос, какой из своих фильмов Роми любила больше всего, Ален Делон не колеблясь отвечает: «Бассейн». «Посмотрите, какая она здесь красивая!» – говорит он, показывая мне фотографию, сделанную на съемках.

Но сразу после воспоминаний о фильме Жака Дере ему приходит на память день ее смерти.

Он объясняет, почему решил не приезжать на похороны:

«Я не мог. Я приехал туда позже, один. Не хотел давать поживу фотографам. А ей было все равно.

Я побывал там позже. Я и сейчас там часто бываю».

Затем Ален Делон вспоминает последние минуты, которые провел в комнате, где она умерла, прежде чем проститься с ней навсегда.

«Это было тяжело».

Он сейчас привел слова друга и спутника Роми, который был там в роковую ночь. Того, кто прожил с ней последние месяцы ее жизни. «Лоран много выстрадал. Он вел себя идеально по отношению к ней».

Потом он замолкает. Наступает долгая пауза, после которой он тихо произносит: «Сидите тут, сейчас я принесу одну вещь, которую хочу показать только вам».

Меньше чем через минуту он возвращается.

«Я вам покажу одну вещь, о которой никто не знает». В руке у него паспорт, который он перелистывает на ходу. Затем садится, достает маленькое фото, лежавшее между страниц, и протягивает мне. На черно-белом снимке – лицо женщины необыкновенной красоты.

Кто это? Несколько секунд я разглядываю фото. Черты лица напоминают Роми, и все же это не она.

«Это моя мать!»

Он снова кладет фотографию между страницами своего паспорта. Перелистывает еще несколько страниц и достает другой снимок, сделанный поляроидом. Кладет его себе на грудь, так, чтобы мне была видна только обратная сторона. Проверяет, не ошибся ли: нет, все правильно. Затем поворачивает снимок и поднимает его до уровня моих глаз.

Это она.

Роми.

Этот снимок он сделал тридцать семь лет назад, в комнате, где она умерла, в мае 1982 года, на улице Барбе-де-Жуи.

«Этот снимок сделал я. Его еще никто не видел».

«Она спит, она счастлива».

«Потому что успокоилась».

«Она теперь свободна».

«Потому что встретила с малышом Давидом».

Он произнес это совсем другим голосом. Минутная пауза. И он говорит снова. Без пафоса, с целомудренной сдержанностью, рассказывает, как она страдала после смерти Давида. «Я знал: долго она не протянет. Она сама дала мне это понять. Так и сказала: “Я не могу больше жить”. Тут ничего нельзя было поделать».

«Она сознательно дала себе умереть. Добровольно ушла из жизни, потому что так и не примирилась со смертью Давида. Это правда. Она не хотела жить, потому что Давид умер».

«Это была уже не Роми.

Это была другая женщина, не та, которую я знал. Еще не мертвая, но уже не живая. Между двумя мирами. Но она давно поняла, что ей надо уйти.

Я пытался помочь. Но ничего нельзя было сделать.

Она покончила с собой, выбранным ею способом.

Ей так хотелось умереть, что, если бы не этот случай, она нашла бы другой. Я это знал, но знал также, что не мог помешать ей.

Я начинаю ее понимать. Нет ничего страшнее этого. Дети не должны умирать раньше родителей, это ненормально. Я представляю, что чувствовал бы сегодня или десять лет назад, если бы потерял свою дочь. Не уверен, что я выжил бы».

Он так и не прикоснулся к чашке кофе, которая стоит перед ним на низеньком столике. Сейчас он говорил, уставившись взглядом в какую-то точку на горизонте.

Он трогает меня за руку и показывает на фотографию в рамке, которая висит на стене напротив него:

«Для меня Роми – это всегда будет она».

Женщина ослепительной красоты, с волнистыми волосами, радостная, цветущая. Роми, какой мы ее видели в «Бассейне» и в фильмах Клода Соте.

«Вы отдадите себе отчет в том, что сейчас ей было бы восемьдесят? Не могу себе представить, что она сидит тут рядом со мной, и ей восемьдесят, – говорит он, указывая на пустое место на диване между мной и им. – Это невозможно».

Из прошлого мы возвращаемся в настоящее. В гостиную входят Анушка, дочь Делона, и ее молодой человек. Поцеловав отца, она приглашает его поужинать с ними сегодня, в День святого Валентина. Затем тактично исчезает, чтобы дать нам закончить беседу.

А беседа вскоре подходит к концу. Ален Делон встает и, когда я собираюсь последовать за ним в его кабинет, берет меня под руку и подводит к развешанным на стене фотографиям, приглашая рассмотреть их вместе с ним. И мы, как при съемке с движения, видим Роми, ее неземную красоту, ее улыбку, кадры из фильмов, забавные случаи на съемках – те фотографии, которые нам обоим, и ему, и мне, дороже остальных.

«Она любила свою работу», – вполголоса произносит он, упирая на слово «любила».

Мы снова в кабинете. Он спрашивает, получила ли я от него поздравительную открытку с пожеланиями на новый 2019 год. Мы рассматриваем ее. На верхней стороне – фотография со съемок фильма «Красный круг»: рядом с Делоном – режиссер фильма Жан-Пьер Мельвиль и актеры Бурвиль, Ив Монтан и Франсуа Перье.

Внутри – другая фотография, черно-белая, сделанная на съемках «Бассейна» (намек на приближающееся пятидесятилетие со дня выхода фильма на экраны). Под снимком подпись: «Спасибо, Жак Дер»». Делон протягивает мне открытку, но вдруг, передумав, говорит, что пошлет ее по почте – так будет лучше.

Он складывает открытку. И воспоминание о Роми исчезает в его ладони.

Благодарности

Все время, пока я писала эту книгу, я думала только о нем. На фото из архивов и на кадрах фильмов, которые я просматривала, я видела только его, хотя не знала еще, согласится ли он говорить со мной о Роми. Я только надеялась.

И сейчас я первым делом хочу выразить особую благодарность Алену Делону за то, что он нашел время встретиться со мной и впервые за столько долгих лет поговорить о Роми, рассказать о ней с такой деликатностью, любовью, искренностью и нежностью. Благодарю его за оказанное мне доверие, которое растрогало меня до глубины души.

Хочу также поблагодарить Даниэля Бьязини за то, что он согласился (опять-таки впервые) на откровенную беседу со мной, за рассказ о чудесных годах, проведенных с Роми.

Благодарю их дочь Сару Бьязини за то, что она организовала мне встречу с отцом и сама согласилась сказать несколько слов.

Благодарю также Мишель Альберстад, супругу Лорана Петена, за то, что она удовлетворила мою просьбу о встрече.

Эта книга не могла бы увидеть свет без свидетельств тех, кому довелось встречаться с Роми Шнайдер в повседневной жизни или по работе. Благодарю их за оказанное доверие и время, которое они мне уделили. Это Ив Агостини, Тарак Бен Аммар, Жан Бобе, Ришар Боренже, Паскаль Бурде, Серж Бромбер, Франсуаза Канетти, Кристин Карон, Жан-Клод Карьер, Матье Карьер, Ноэль Шатле, преподобный отец Кольму, Жан-Луи Дабади, Жеральдин Данон, Ева Дарлан, мэтр Жан-Мишель Дарруа, Лоран Давена, Клер Дени, Патрис Древе, Альбина дю Буаруврэ, Жизель Дюамель, Моник Дюри, Жан-Пьер Эйшен, Луи Гадби, Лоран Годфруа, Коста-Гаврас, Пьер-Вильям Гленн, Софи Гримальди, Жан-Макс Герен, Фанни Якубовиц, Патрик Жарно, Герард Кляйн, Дидье Лавернь, Катрин Летерье, Жан-Луи Ливи, Таня Лоперт, Даниэла Лоренц, Жан-Мари Молиненго, Тьерри Монтариоль, Нгуен Тхи Лан, Лоранс Пьер де Жейе, Малика Пюрен, Режин, Том и Кристоф Руффио, Филипп Сард, Жерар Шам, Алис Шварцер, Жильбер Шлогель, Элизабет Тавернье, Ален Терзиан, Анник Вотрен, Ариэль Зейтун.

Некоторых из тех, кто помогал мне, сегодня уже нет с нами. Я рада, что имела счастье быть знакомой и общаться с Франс Рош, Жаком Руффио и Раймоном Даноном.

Благодарю Бернара Серфа за разрешение использовать отрывок из песни Барбары «В сердце ночи» в качестве названия этой книги.

Благодарю моего издателя, президента и генерального директора издательства «Файар» Софи де Клозэ, с которой мне уже приходилось контактировать и которая снова оказала мне доверие и поддержку во все время работы над книгой. Спасибо ей за доброжелательное отношение. Спасибо всем сотрудникам издательства «Файар», и в особенности Полин Фор, Лорану Бертайлю и Агате Матеюс за их энтузиазм и вдумчивую работу.

Спасибо Софии Шарнавель, которая первая поверила в эту мою идею и предложила на ее основе написать книгу. То, что однажды я отважилась взяться за перо, – ее заслуга. Благодарю ее за помощь в работе над книгой и за внимание к моему стилю.

Спасибо Мартине Салаун, которая по моей просьбе взялась за изучение документов в архивах Германии. Она потратила уйму времени на эти исследования, и я благодарю ее за эффективную поддержку и высокий профессионализм.

Благодарю также Лорана Делауса за его неоценимую помощь. Это он привил мне интерес к рассказам о человеческих судьбах и был первым, кто предложил рассказать о судьбах некоторых людей в форме документального фильма в телепередаче «Один день, одна судьба». Благодарю его за то, что он постоянно делится со мной своим богатым творческим опытом. Профессиональный рост под руководством такого наставника – большая удача.

Я не забыла о тех, кто однажды поверил и в течение стольких лет продолжает верить в меня: это Гийом Дюран, коллектив «Магнето Пресс» – Марк Бердюго, Серж Кальфон и Эльфрида Лека, – а также дирекция телеканала «Франс-2». А также Жан-Мишель Карпантье, который был и остается моей опорой в профессиональной деятельности.

Спасибо всем тем, кто помогал мне проводить расследование и встречаться с замечательными людьми: это Бертран Бутрон, Лора д'Абовиль, Тибо Денисти, Даниэль Ген, Аглаэ Мийар, Лоранс Пике и Норбер Бали, Матиаас Роде, Лоран Соли и Анри Тавернье.

А еще спасибо тем, кто помогал мне – сколько-нибудь, достаточно ощутимо или с полной самоотдачей, – порой даже не подозревая, что без их внимательности, преданности делу и энтузиазма эта книга просто не могла бы состояться. Благодарю их от всего сердца.

Назову их по именам. Прежде всего это Эрван Л'Элеуэ, который приглядывал за моим стилем и без которого я, возможно, не довела бы этот проект до успешного завершения.

Далее. Жером Атталь, мое второе «я»: его эмоциональность и поэтическое чутье были для меня источником вдохновения.

Лоран Корсиа, который зачитывал вслух избранные отрывки из моей книги: это звучало как музыка.

Спасибо Алену Ишу за его замечания, всегда уместные и полезные.

А также Филиппу Дана за внимательную редактуру.

А также Фредерику Салле за его вклад консультанта-историка.

Среди тех, кого я еще хотела бы поблагодарить: Лоран Аллен Карон, Софи де Бер и Пьер-Юг Кашеле, Рено Бернар, Фабиен Бушсеш, Иван Кальберак, Оливье Касадо, Фостин Шеве, Пьер Дефендини, а также мои друзья-писатели из «Ночных литературных чтений» – в особенности Эмманюэль Косо, Серж Жонкур, Акли Таджер, – а также Надя и Ражи Габриэль, Присцилла и Эрван Эбре, Мари Кайзер, Татьяна Малла, Карина Сали, Одри Савари и Жером Пишон, Брис Симпсон, Венсан Терье, Брюно Вайцман.

И конечно же, моя семья: Сильви Бонне, Жак Бриан, Саманта и Мохаммед Сидиб, Сеголен Бриан-Гийе и моя крестная Франсин Легидек. Благодарю их за поддержку.

И еще те, кому я стараюсь передать мою любовь к чтению: Лейлина, Каарис, Петра, Тезей, Туми, Нур, Луиза и Роми.

Спасибо женщинам-романисткам, которые поддержали в средствах массовой информации мою первую книгу, посвященную Симоне Вейль: Татьяне де Роне, Валери Тон Куонг и Карин Тюиль. Их выступления были для меня полной неожиданностью и очень меня тронули.

Спасибо владельцам книжных магазинов, которые поддержали мою первую книгу и пригласили меня рассказать о ней.

Спасибо многочисленным читателям, откликнувшимся на мою первую работу. Волна симпатии и доброжелательности, которую я тогда ощутила, укрепила во мне желание рассказать вам о судьбе Роми Шнайдер.

Не забуду и об источнике вдохновения, которым послужили для меня кафе и улицы городов, где порой были написаны целые страницы этой книги: Парижа, Туниса, Карфагена, Нью-Йорка, Вашингтона, Бейрута и дорогого моему сердцу департамента Ардеш.

Роми Шнайдер в роли Мод Кэнтли в фильме «Робинзон не должен умереть» (1957)
© Keystone Press / Alamy Stock Photo

*Роми в фильме «Сисси» режиссера Эрнста Мариики. Австрия, 1955 год
© Keystone-France/Gamma-Keystone via Getty Images)*

Роми и Ален Делон после помолвки. Озеро Лугано, Италия, 25 марта 1959
© Keystone Features/Hulton Archive/Getty Images

*Жан Кокто, Рومي и Магда Шнайдер. Канн, 1960-е.
© MARKA / Alamy Stock Photo*

*Рومي и Джесейн Биркин на съемках фильма «Бассейн». Сен-Тропе, Франция, август 1968
© Jean-Pierre BONNOTTE/Gamma-Rapho via Getty Images*

Роми в роли Пуне в фильме «Боккаччо-70» (1962)
© AF archive / Alamy Stock Photo

Роми с сыном. Март 1968

© Trinity Mirror / Mirrorpix / Alamy Stock Photo

Роми с мужем Гарри Майеном. Франция, август 1968
© Jean-Pierre BONNOTTE/Gamma-Rapho via Getty Images

Роми с мужем Даниэлем Бязини. Каннский кинофестиваль, май 1978
© Patrice PICOT/Gamma-Rapho via Getty Images

Сара Бязини, дочь Роми и Даниэля Бязини, проводит летние каникулы с отцом. Франция, Сен-Тропе, 7 августа 1989 года.

© Jack Garofalo/Paris Match via Getty Images

Роми в роли Хелен Мартин в фильме «Кровная связь» (1979)
© AF archive / Alamy Stock Photo

©Mohamed Sidibé

Сара Бриан – французская журналистка и писательница. Работает на телевизионном канале France2, где ведет вечернюю воскресную передачу. Автор двух книг и нескольких документальных фильмов, посвященных известным деятелям политики и культуры, от Франсуа Миттерана до Симоны Вейль.